

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ
НАУКАМ

КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ
В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
1920–1930-Х ГОДОВ
Часть 1

СБОРНИК СТАТЕЙ

Москва
2004

ББК 83.3(2P_{oc}=P_{yc})6
К 47

Серия
«Проблемы литературоведения»

*Центр гуманитарных научно-информационных
исследований*

Отдел литературоведения

Редакционная коллегия:

Т.Г. Петрова – ответственный редактор и составитель;
О.А. Коростелев – канд. филол. наук; *А.Н. Николокин* –
д-р филол. наук; *А.А. Ревякина* – канд. филол. наук;
С.Р. Федеякин – канд. филол. наук; *Е.А. Цурганова* – канд.
филол. наук; *А.И. Чагин* – д-р филол. наук.
ISBN 5-248-00202-08

К 47 Классика и современность в литературной критике рус-
ского зарубежья 20–30-х годов: Сб. науч. тр. ИНИОН
РАН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отдел литера-
туроведения; Редкол.: Петрова Т.Г. (отв. ред.) и др. – М.,
2005. – 200 с.

ББК 83.3(2P_{oc}=P_{yc})6

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	
С.Р. Федякин. Кризис художественного сознания и его отражение в критике русского зарубежья.....	
Т.Г. Петрова. Литературная критика эмиграции о писателях XIX века (Пушкин, Лермонтов, Чехов).....	
О.В. Кулешова. Классика и современность в оценке Д.С. Мережковского	
К.А. Жулькова. Из литературно-критического наследия «Современных записок»: М.О. Цетлин.....	
В.В. Никульцева. Мемуаристика и критика Игоря Северянина	
И.А. Ревякина. Публицисты и критики русской эмиграции 1920-х годов о творчестве М. Горького	
О.В. Быстрова. Первый съезд советских писателей в оценке русского зарубежья.....	
О.А. Коростелев. Литературная критика русской эмиграции: Материалы к библиографии	
Об авторах статей	
Указатель имен, упоминаемых в статьях (Сост. Т.Г.Петрова)	

Предисловие

Предлагаемый сборник статей подготовлен в Отделе литературоведения Центра гуманитарных научно-информационных исследований ИНИОН РАН и продолжает разработку проблем, поставленных в многотомном издании Литературной энциклопедии русского зарубежья (1918-1940)¹. Не связанные жесткими рамками жанра энциклопедической статьи авторы сборника рассматривают литературно-критический процесс русского зарубежья 20–30-х годов под углом зрения «Классика и современность». Избранный ракурс дает возможность выявить их сложные диалектические взаимопроникновения.

Судьба литературной критики русского зарубежья тесно связана с драматической историей отечественной культуры. Литературный процесс «первой волны» русской эмиграции протекал в напряженных идейно-эстетических диалогах, спорах, исканиях. При этом ощущение кризиса искусства было особенно острым. «Тревога о человеке и о том, чем ему жить духовно» в разрушенном войной и революцией мире, «невероятно усложнившимся, жестоком и своекорыстном», «конфликт личности с коллективом, мечта о возможном братском отношении человека к человеку» и, конечно, о любви, о надежде на «встречу с Богом» – вот основ-

¹ Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940) / Гл. ред. Николюкин А.Н.; Редкол.: Богомолов Н.А. и др.

Т. 1.: Писатели русского зарубежья. М.: ИНИОН, 1993–1995. Ч. 1–3: М.: РОССПЭН, 1997.

Т. 2.: Периодика и литературные центры. М.: ИНИОН, 1996–1998. Ч. 1–3; М.: РОССПЭН, 2000.

Т. 3.: Книги. М.: ИНИОН, 1999–2000. Ч. 1–3; М.:РОССПЭН, 2002.

Т. 4.: Русское зарубежье и всемирная литература. М.: ИНИОН, 2001–2003. Ч. 1–

ные ноты общей настроенности литературной эмиграции в 20–30-е годы¹. Отношения человека и мира не только утратили свою гармонию, но исполнились глубочайшего трагизма.

В своей известной книге «Умирание искусства», изданной в Париже в 1937 г., В. Вейдле писал о необратимом переломе, происшедшем в искусстве XX в., самые «родники» которого, и прежде всего «источники поэтического вымысла», отравила «угроза культурного разложения». В таких условиях культура прошлого виделась как «заново сотворенное живое бытие, неразложимое ни на какие рассудочные формулы и механически выделенные составные части»².

Статьи сборника объединены проблемой традиций и преемственности, актуально звучавшей в зарубежье. Показан живой процесс рождения классики в современности. Одни писатели и поэты – И.А. Бунин, А.И. Куприн, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Вяч. Иванов, К.Д. Бальмонт, Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев, М. Горький – уехали в эмиграцию уже сложившимися, маститыми – почти «классиками». Другие – М.И. Цветаева, В.Ф. Ходасевич, Г.В. Адамович, Г.В. Иванов – постепенно становились «классиками» в самой эмиграции. И наконец, третьи – молодое поколение зарубежья – также выдвинули ряд писателей, которые с позиций нашей современности могут рассматриваться как «классики» русской литературы XX в.; таковы В.В. Набоков (Сирин), Г.И. Газданов, Б.Ю. Попплавский.

Это же можно сказать и о критиках. Маститыми прибыли в зарубежье Ю.И. Айхенвальд, П.М. Пильский, а также Д. Мережковский и З. Гиппиус (Антон Крайний), Вяч. Иванов. В эмиграции стали ведущими критиками В. Ходасевич и Г. Адамович; задавали тон и такие, как Д.П. Святополк-Мирский, К.В. Мочульский, М.Л. Сло-ним, А.Л. Бем, П.М. Бицилли, М.О. Цетлин, В. Вейдле, Н.А. Оцуп. Среди молодых выделились Ю.К. Терапиано, Ф.А. Степун, А.В. Бах-рах, Р.Б. Гуль, Ю.П. Иваск. В религиозно-философской критике наиболее известными были Л. Шестов, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, Г.П. Федотов. Литература и философская мысль, критика и публицистика находились в отношениях взаимодействия и взаимодополнения.

¹ Цит. по: Терапиано Ю. Русская зарубежная поэзия // Терапиано Ю. Встречи: 1928–1971. М., 2002. С. 257.

² Цит по: Вейдле В. В. Умирание искусства: (Размышление о судьбе литературного и художественного творчества». СПб., 1996. С. 10, 13.

Сборник открывается статьей С.Р.Федякина «Кризис художественного сознания и его отражение в критике русского зарубежья». Дискуссии, постоянно возникавшие в эмигрантской прессе, связанные с современной литературой, не могли не отразить и сложности положения писателя в современном мире, и общее понимание кризиса культуры. В статье прослеживаются основные дискуссии о проблемах литературно-критического процесса русского зарубежья: о языке, о путях современной прозы, о романе, о поэзии, о молодом поколении, о столичной и провинциальной литературе.

Пережив историческую катастрофу, оказавшись в условиях кризиса европейского сознания, писатели русского зарубежья *искали опору в неизблемости ценностного мира отечественного классического наследия*, в котором, однако, находили и подтверждение своих предчувствий, прозрений грядущих катаклизмов. Утрата современным искусством религиозного смысла заставляла в поисках преодоления кризиса обращаться к онтологической насыщенности русской классики, к ее активной сострадательности и милосердию, к ее устремленности к свету. Если в Советской России первых послереволюционных десятилетий классика противопоставлялась современности, то в зарубежье они находились в сложном единстве и целостности. Эти проблемы рассматриваются в статье Т.Г. Петровой «Литературная критика эмиграции о писателях-классиках XIX в.: (Пушкин, Лермонтов, Чехов)».

«Классика и современность в оценке Д.С. Мережковского» — предмет статьи О.В. Кулешовой, обратившейся к творчеству одного из самых известных писателей и критиков зарубежья. Д.С. Мережковский именно потому «сумел создать столь углубленный подход к творчеству наших великих писателей», что «наряду с формальным исследованием» «напоминал о связи человека с духовными реальностями, показал нам, какие прозрения в этой области они имели»¹.

«Современные записки» — основной литературно-критический журнал «первой волны» русской эмиграции. Заметной фигурой в этом издании был М.О. Цетлин — критик и редактор издания от его основания и до последнего номера. Суждения М. Цетлина преимущественно о современной ему литературе рассматриваются К.А. Жульковой в статье «Из литературно-критического наследия “Современных записок”». Примером оригинальности суждений критика может служить его рецен-

¹ Терапиано Ю. Встречи: 1926–1971. М., 2002. С. 32.

зия на книгу И. Бунина «Роза Иерихона». По мнению М. Цетлина, непримиримость писателя по отношению к большевистской революции была обусловлена его «классицизмом»: «Его классическому духу чуждо все нечистое, смешанное... всякая ложь и компромисс»¹.

Острое чувство ностальгии по утраченной России, по ее историческому укладу и традициям пронизывает мемуаристику русского зарубежья. В.В. Никульцева в своей статье обращается к мемуаристике и критике Игоря Северянина, рассматривая его суждения, заметки, эссе о К. Фофанове, В. Брюсове, Ф. Сологубе, Г. Иванове, К. Олимпове, В. Маяковском, И. Бунине и др.

Литературные критики русского зарубежья внимательно следили за литературным развитием в метрополии, откликаясь практически на все сколько-нибудь заметные события. Неоднозначность оценок такого яркого явления, как творчество М. Горького, прослеживается в статье И.А. Ревякиной «Публицисты и критики русской эмиграции 1920-х годов о творчестве М. Горького». Панорама оценок, мнений и взглядов эмиграции на события Первого съезда советских писателей составляет содержание статьи О.В. Быстровой. Сборник завершает работа О.А. Коростелева «Литературная критика русской эмиграции: Материалы к библиографии», в которой представлены работы ведущих критиков зарубежья, собранные ранее лишь фрагментарно. Данная публикация отражает все главные достижения в изучении критики эмиграции *первой волны* и открывает новые возможности для дальнейших научных исследований.

Во втором выпуске сборника изучение проблем взаимодействия литературно-критической *классики и современности* в русском зарубежье будет продолжено.

Т.Г. Петрова

¹ См.: Совр. записки. Париж, 1924. № 22. С. 450.

С.Р. Федякин

**КРИЗИС ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ
И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В КРИТИКЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ**

Состояние истощенности прежнего творчества испытывают и отдельные писатели, и целые периоды в истории литературы. Литература русского зарубежья, разумеется, не была в этом смысле чем-то исключительным. Обновление способов и средств художественного воздействия — важнейшая черта искусства конца XIX — начала XX в. И все же в русском зарубежье ощущение невозможности «повторения пройденного» переживалось особенно остро: положение, в котором оказались русские эмигранты, было исключительным. Проблема читателя, проблема литературной смены, проблема публикации и т.д. — все эти обычные для каждого литературного поколения трудности предстали здесь в особенно напряженном варианте.

Довольно расхожим стало мнение, что литература первой эмиграции была продолжением литературы конца XIX — начала XX в. Если вспомнить, что почти все ведущие писатели русского зарубежья обрели известность еще на родине или, по меньшей мере, начало их творческой биографии — это произведения, написанные в России, то такая точка зрения кажется очевидной. И все же самоощущение писателей после утраты Отечества претерпело серьезные изменения. Можно сказать, что литература эмиграции — это не только продолжение русской литературы рубежа веков, но и в некотором смысле «ответ» своему дореволюционному прошлому. Пережитое в конце 1910-х — начале 1920-х годов: мировая война, революции, война гражданская, потеря родины — все это прочертило отчетливую границу между прошлым и настоящим. Изменились и побудительные мотивы к обновлению художественного языка.

Литература конца XIX — начала XX в. полна предчувствий и предвестий. Это ощутимо не только в творчестве символистов, но и писателей реалистического направления. Бунинская «Деревня» не случайно произвела на современников столь ошеломляющее впечатление — в ней можно было прочесть не только «разложение» основ сельской жизни, но и то, что произойдет с Россией в скором времени. Литература «рубежа» жила грядущими катаклизмами, и в соответствии именно с этими предчувствиями она пыталась искать новые средства выражения.

Русское зарубежье, переживая историческую катастрофу, убеждалось в истинности прежних предзнаменований. В 30-е годы оно ощутило и новую тревогу — первые признаки грядущей Второй мировой войны, что тоже не могло не отразиться на писательском сознании. Но все-таки в этой литературе было отчетливо заметно тяготение не к будущему, которое предвещало худшие перемены, но к прошлому. Не случайно из молодых писателей выделились именно те два имени — Набоков и Газданов, в творчестве которых обращенность к прошлому сыграла весьма заметную роль. Собственно говоря, и «продолжить» литературу начала века писатели эмиграции смогли именно потому, что вглядываться в прошлое стало их органическим качеством. Вместе с тем потрясения, перевернувшие всю прежнюю жизнь, не могли не отразиться в этой литературе, и не только тематически. Писать так, будто ничего не произошло ни в мире, ни в жизни, ни в писательском сознании, было уже невозможно. И хотя у многих представителей старшего поколения их «творческое лицо» было найдено еще в дореволюционное время, так что их эмигрантский период был во многом продолжением того, что наметилось еще в России, тем не менее внутри этого, уже четко очерченного пути мы все-таки можем различить те особенности, которым писатель был обязан эмиграции¹.

Особое свое состояние русское зарубежье уже в самом начале 20-х годов видело не только как следствие революционных событий в России. Изменения — причем необратимые изменения — произошли со всем миром. Эмиграция отзывалась на самые разнообразные попытки осмыслить кризис европейского сознания. Многочисленные публикации на эту тему, названия книг и статей вроде «Вторичное варварство», «Новое

¹ Не случайно в отклике на прозу А.И. Куприна, одного из наиболее последовательных «традиционалистов», Владислав Ходасевич замечает: «Ныне художественные каноны расшатаны, как никогда (быть может, нечто вроде литературного фашизма заставит их укрепиться сызнова). Даже авторы, наименее склонные к литературному бунту, проявляют полное небрежение к «школьным» подразделениям беллетристических жанров» (Ходасевич В. «Современные записки». Кн. 56 // Возрождение. Париж, 1934. 8 нояб.).

средневековье», «Антикультура», «Антиискусство» и т.д. говорят сами за себя. Общие черты нового сознания, которое идет на смену сознанию человека XIX в., пытались очертить П. Муратов, П. Бицилли, Н. Бахтин, К. Мочульский и многие другие, не говоря уж о русских религиозных мыслителях. Позже Владимир Вейдле в известной книге «Умирание искусства» попытается обобщить и чужие, и собственные наблюдения над процессами, происходящими в культурной жизни Европы¹.

Если свести многочисленные публикации на эту тему к самым обобщенным формулам, то картина современной культурной жизни получилась более чем безрадостной². Прежняя «органическая» жизнь вытеснялась жизнью «механической». В литературе, живописи, музыке и других искусствах то, что было некогда открытием, стало чистым ремеслом, на смену прежнему художнику (в самом широком смысле этого слова) пришел профессионал, готовый ради собственного существования исполнить любой заказ. Дар воображения и талант воплощения уходят из литературы и искусства, сменяясь коллажем и монтажом. Читатель более не доверяет выдумке и требует «правды». Если ранее писатель мог воздействовать правдой создаваемых образов (князь Мышкин, Пьер Безухов, Эмма Бовари и т.д.), то теперь правду художественного воплощения он пытается подменить сомнительной правдой документа. Недостаток жизненности художественных образов возмещался либо общей идеей, навязываемой автором своему произведению, либо чрезмерным усложнением художественных средств, доходящих порой до редкой изо-

¹ См.: Вейдле В. Умирание искусства: Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. Париж, 1937. Наиболее авторитетное переиздание: Вейдле В.В. Умирание искусства: Размышления о судьбе литературного и художественного творчества. СПб.: Аксиома, Мифрил, 1996. В отличие от вышедшего в 1936 г. французского варианта книги — «Пчелы Аристеев», русское название книги звучит в той же тональности, что и работы других русских критиков и мыслителей.

² Положения, перечисленные ниже, представляют собой самое краткое изложение того, что можно найти в статьях: Муратов П. Антиискусство // Совр. записки. Париж, 1924. № 19; Муратов П. Искусство и народ // Там же. 1924. № 22; Муратов П. Искусство прозы // Там же. 1926. № 29; Лейс Д. <В.Вейдле>. Кризис историографии // Звено. Париж, 1926; 10 окт. Лейс Д. <В.Вейдле>. Антиистория // Там же. 1926. 17 окт.; Мочульский К. Новая проза // Там же. 1926. 5 дек.; Мочульский К. Кризис воображения // Там же. 1927. № 2; Бицилли П. «Цивилизация» и «культура» // Там же. 1927. № 205; Бицилли П. Вторичное варварство // Там же. 1927. № 207; Бицилли П. Анти-культура // Там же. 1927. № 210; Бахтин Н. Антиномия культуры // Новый корабль. Париж, 1928. № 3; Бахтин Н. Разложение личности и внутренняя жизнь // Числа. Париж, 1930. № 4 и т.д.

щренности. Художник углублялся в психологию человека настолько, что уже переставал видеть личность своего героя; он ощущает только «атомы» его сознания, т.е. прежний психологический анализ заменялся «психической» механикой. Героем литературы стал некий «психический чертеж» (выражение П. Муратова).

Это положение во многом отражало сознание современного человека, живущего отдельными «мгновениями» жизни, а не жизнью как таковой. Человек теперь вполне может обойтись без искусства, заменяя его отсутствием самыми разнообразными суррогатами, в которых больше антиискусства, нежели искусства как такового. Человек перестал быть «образом и подобием», он более не соотносит свои ценности с ценностями верховными. Общей причиной «угасания» искусства стало резкое «истончение» той религиозной основы, которая питала искусство прежнего времени. Усиливалось чувство медленного умирания и разложения того культурного богатства, которое было накоплено Европой веками.

Подобное «панорамное» видение кризиса современного сознания часто проявлялось и непосредственно в полемиках, так или иначе связанных с современной литературой. В спорах оттачивались формулировки, прояснялась суть вопросов. Вместе с тем, наблюдая за дискуссиями, которые разворачивались на страницах эмигрантских изданий, можно увидеть, как от общего видения кризиса культуры участники споров все ближе подходили непосредственно к теме «Современный писатель и современный мир». Эта тема порождала, с одной стороны, извечные «детские» вопросы о смысле писательства как такового, а с другой — проясняла ключевую задачу эмиграции — хранить и оберегать русскую культуру в условиях, которые могли способствовать этому в наименьшей степени.

Одна из самых ранних дискуссий, возникших в эмиграции, — дискуссия о языке¹. Началась она довольно традиционно — с описания всех

¹ См.: Волконский С.М. О русском языке // Совр. записки. Париж, 1923. Кн. 15; Волконский С.М. Вопросы языка // Звено. Париж, 1927. № 6; Карцевский С.И. Язык, революция и война. Берлин, 1923; Вернадский Г. О русском правописании // Рус.мысль. Париж, 1923. Кн. 6—8; Кульман Н. О русском правописании // Там же; Мочульский К. О порче русского языка // Звено. Париж, 1924. 31 марта; Окар М. Нужно ли бороться? // Там же. 1924. 7 апр.; Лозинский Г. О старом и новом правописании // Там же. 1924. 12 мая; Завадский С.В. Борьба за язык // Науч. тр. Рус. нар. ун-та. Прага, 1928. Т. 1; Адамович Г. Литературные беседы // Звено. Париж, 1927. № 6; Бицилли П. В защиту русского языка // Там же. 1927. № 5; Бицилли П. Вопросы русской языковой культуры // Там же.

характерных нарушений литературных норм: в советской литературе появился «советский жаргон» и ужасные новые словообразования, в эмиграции язык портился от «офранцуживания» (и шире — от непосредственного воздействия иностранных языков). Общей бедой для двух ветвей русской литературы многие полемисты считали повсеместное нашествие газетного языка. К размышлениям о языковых нормах присоединилась и дискуссия о новой орфографии.

Но спор, однако, не ограничился формулировками мнения «консерваторов», считавших все эти воздействия пагубными и недопустимыми, и мнения «либералов», полагавших, что со временем все уродливые явления в русском языке сами собой отомрут. К 1928 г. полемика неожиданно обрела совершенно новые черты. В кратком обмене статьями Г.В. Адамовичем и П.М. Бицилли были затронуты Петровские реформы и языковые особенности прозы некоторых русских писателей. Эта тема подвела П. Бицилли к выводам, которые касались непосредственно судеб русской литературы: «То, что знаменует собою в России появление Розанова, Лескова и Ремизова», — «это не более и не менее, как рождение нового, второго, конкурирующего с “национальным”, русского литературного языка»¹. За противостоянием двух литературных языков Бицилли склонен был видеть противостояние Петербурга и Москвы, нации и народа, начала культурного и начала этнического и т.д. В сущности же в этих наблюдениях содержалось и объяснение того, что произошло с Россией, в которой противоречия между «государством» и «народом», между «Россией» и «Русью» достигли той грани, когда сложное их сосуществование привело к полному разладу².

Тема была животрепещущей и для эмиграции. Здесь тоже сохранялась ситуация «двух литературных языков». По крайней мере, языковое противостояние Бунина и Ремизова для современников было очевидным. Но и Ремизов в своей любви ко «второму» литературному языку был не единственным. Шмелёв и Цветаева стояли в том же ряду писателей, которые предпочитали «второй» литературный язык основному.

1928. № 3; Бицилли П. В защиту варваризмов в русском языке // Россия и славянство. Париж, 1929. 19 янв.; Бицилли П. По поводу вопроса о порче русского языка // Там же. 1929. 23 февр. и др.

¹ Бицилли П.М. Вопросы русской языковой культуры // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 605.

² Бицилли П.М. Вопросы русской языковой культуры // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 605.

Вывод П. Бицилли, несомненно, был своеобразным откликом не только на спор о языке, но и на некоторые суждения критиков о современной русской литературе. И здесь одна полемика как бы соприкоснулась с другой — той, что пыталась очертить пути, по которым пошла современная проза.

В 1926 г. в статье «Искусство прозы»¹ Павел Муратов заметил, что русская литература XIX в. держалась не «умственностью», не «вымыслом», не «изяществом» (качества, в разной мере присущие литературе французской, английской, немецкой, итальянской), но «жизненностью», т.е. способностью воплотить (в буквальном смысле слова) героя, сделать его в глазах читателя живым и узнаваемым. В этом русская литература, по мнению П. Муратова, превосходила европейские литературы. Однако в преддверии наступавшего кризиса художественного сознания писатели, начиная с Чехова, стали больше обращать внимания на художественные средства. Утонченная «музыкальность» прозы Бунина и Зайцева, с одной стороны, как и «экстатические» вариации Андрея Белого в духе Гоголя и Достоевского — с другой, виделись П. Муратову свидетельством того, что русская литература стала утрачивать «жизненность», пытаясь эту потерю возместить иными средствами. Утратой «жизненности» можно объяснить и движение прозы в сторону «орнаментики» (обладающей определенной долей «жизненности», как, например, у Ремизова), и попытки создать новую русскую прозу, в основу которой положена не «жизненность», но — по западному образцу — сила вымысла. Последний путь, по мнению П. Муратова, ничего существенного до сих пор не дал, поэтому современная проза в России при наличии некоторых талантов² оказалась в целом весьма консервативной в средствах и при заметной утрате «жизненности» — «отсталой» в сравнении с литературой европейской. Новшества же орнаментальной прозы в лице Замятина и «серапионов» показались П. Муратову «недоразумением», поскольку «явились лишь чисто поверхностными словесными разводами»³.

Несомненно, этим выражением («словесные разводы») не исчерпывалось отношение Муратова к тому явлению, в котором Бицилли уви-

¹ Совр. записки. Париж, 1925. Кн. 29.

² С разными оговорками Муратов выделил из писателей, живших в советской России, Л. Леонова, Сергеева-Ценского и Пастернака с его повестью «Детство Люверс».

³ Муратов П. Ночные мысли. М., 2000. С. 138. То же, в сущности, отрицательное отношение к «замятинской» линии в современной прозе высказал и Г. Адамович в статье «О простоте и вывертах» (Последние новости. Париж, 1928. 13 сент.).

дел существование «второго литературного языка». Как-никак, Муратов оценил Ремизова, ярчайшего представителя этого направления. Но замечание критика о Леонове, который в начальном периоде своего творчества часто прибегал к сказу: «Настоящий писатель, только стоящий на ложном литературном пути»¹, — говорит все-таки о неприятии «сказа» как ведущей линии русской прозы.

Константин Мочульский, напротив, именно интерес писателей к «словесным разводам» выделил как наиболее живое направление в современной литературе. «Традиционное» направление ему казалось столь же устарелым, как и Муратову: «Современная проза при всем богатстве и разнообразии материала поражает скудостью художественных приемов. Основные виды построения и техники рассказа, выработанные XIX в., остаются неизменными у эпигонов, попутчиков и пролетарских писателей. Они варьируются, переделываются, но не развиваются. Любопытно, что революционная молодежь, презирающая «интеллигентшину», упорно топчется вокруг чеховской новеллы и тургеневской повести»². С подозрением критик взирал и на традицию Гоголя и Достоевского, где «бесчинствует» Андрей Белый с его «бредовой лирикой» и «исступленным словопроизводством» и безобразничает, вторя ему, кое-какая часть «литературного комсомола». Зато один путь — «от «вяканья» протопопа Аввакума, через Лескова к Ремизову» — выделялся ему по-настоящему живым: «... тут и Замятин, и Бабель, и Леонов, и Зошенко»³.

В своих оценках К. Мочульский отчасти совпадал с П. Муратовым: больших достижений эта проза пока не имеет, дальше «отца-Ремизова» эти «дети» не пошли, их «словесным разводам» недостает «композиционного стержня». И все-таки именно здесь критик увидел «выход из тупика»⁴.

¹ Там же. С. 139.

² Мочульский К. Новая проза // Звено. Париж, 1926. 5 дек. С. 2.

³ Мочульский К. Новая проза // Звено. Париж, 1926. 5 дек. С. 2.

⁴ Там же. Нетрудно заметить, что К.В. Мочульский разделил линию Андрея Белого и сказ, в то время как П.М. Бицилли Андрея Белого, а вместе с ним и «орнаментальную прозу» готов был рассматривать в русле «второго», т.е. «народного», а не «национального» литературного языка. И в более поздней работе «Заметки о роли фольклора в развитии современного русского языка и русской литературы» то, что можно было бы различить, как «сказ» и как «орнаментальную прозу», у Бицилли неразделимо: вся эта литература выводится из того внимания писателя к «магии языка», которая является весьма существенной в русском фольклоре (см.: Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996. С.

«Стыковка» спора о современной прозе с полемикой о языке была неизбежна, когда в последней были затронуты русская история, Петровские реформы, история рождения литературного языка. С полемикой о романе спор о современной русской прозе соприкасался самым непосредственным образом.

17 января 1927 г. на литературной беседе, которую организовала редакция «Звена», К. Мочульский выступил с докладом «О современном романе»¹. Он вспомнил европейский роман XIX в., возникший «на почве психологизма», а также выявил основное отличие русского романа от европейского. Если в Западной Европе писатели тяготели к изображению типических явлений человеческой души, то в России героями часто становились «лишние люди» и всякого рода чудачки. Выбрав в герои неповторимую личность, русская литература сделала ее композиционным стержнем романа, затушевав тем самым другие элементы произведения. Отсюда берет начало слабое развитие сюжета (Тургенев и Гончаров), фантастическое изображение быта (Гоголь, Достоевский), безразличие к слову как к таковому (Толстой). В XX в. «психологизм» теряет былую роль и в Европе, и в России, писатель утрачивает способность «творить живых людей». Лишившись своего стержня, роман начинает рассыпаться, его композиция становится рыхлой. В нынешние времена его пытаются вновь «собрать» или усиливая роль фабулы, или делая акцент на бытописании, или напитывая роман идеологией, или же, наконец, придавая особое значение стилю (в том числе — прибегая к сказу). Докладчик не хоронил жанр романа, но лишь заметил, что уходит одна из его форм, созданная в XIX в., — психологический роман.

Тема, затронутая критиком, оказалась злободневной. В прениях выступили Г.В. Адамович, Н.М. Бахтин, В.В. Вейдле, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, В.Ф. Ходасевич и др. Вскоре Вейдле откликнулся на проблему статьей «Об историческом романе»². Он попытался просле-

234). О «словесном юродстве» Андрея Белого (в положительном смысле этого слова) Бицилли скажет и в рецензии на книгу последнего «Москва под ударом» (см.: Там же. С. 589–592).

¹ Отчет, содержащий конспективное изложение этого выступления, был опубликован в 209-м номере «Звена» от 3 января 1927 г. на с. 8–9.

² Звено. Париж, 1927. 13 марта; 20 марта. Некоторые положения Вейдле высказывал и раньше в статье «Кризис историографии» (Звено. 1926. № 193. 10 октября), но только с акцентом не на жанре исторического романа, а на состоянии современного исторического сознания.

дить судьбу другой формы европейского романа, заметив, что и она подошла к своему упадку. Некогда «исторический роман был первой формой истории»¹. Писатель стремился воссоздать человека иных времен во всех его особенностях. Ныне история взяла на себя эту задачу, лишив исторический роман его материала, оставив романисту от истории лишь «обстановку для приключений» или «вместилище идей»².

М. Кантор пытался возразить Вейдле³, но вместе с тем соглашался с его выводами в отношении исторического романа XIX в.; однако исторический роман XX в., по его мнению, взял на себя иную функцию — показывать читателю не что произошло (это делал роман в XIX в.), но как произошло то или иное событие, рассчитывая при этом на осведомленность читателя.

С опровержением этих соображений в полемику о романе вступил П.М. Бицилли: «Исторический роман, рассуждает М.Л. Кантор, трактует о том, что читателю (так по крайней мере предполагается) уже известно “из истории”: интерес читателя здесь может направляться только на “как”, а не на “что”. Но в таком положении находится и всякий, перечитывающий “Войну и Мир”. Со мной, по крайней мере, каждый раз происходит при этом одно и то же: я знаю, что кн. Андрей умрет, но до последней минуты не *верю* этому. А разве к “истории” у нас другое отношение? Всякий “знает”, что Карлу I 30 января 1649 г. отрубили голову в Гилдхолле. Но начните читать об этой трагедии, как она развивалась день за днем, — например, у Гарднера в его 4-томной *Истории гражданской войны*, — прослеживая все ее перипетии, все уловки короля, колебания Кромвеля, учитывая все — громадные — шансы на спасение Карла, — и куда девается наше “знание”? Пока мы *участвуем* в этой истории, мы не перестаем *надеяться*»⁴.

Роман, согласно П. Бицилли, это всегда «роман приключений», только «приключения» эти могут быть внешние и могут быть внутренние (на последние во многом и опирается психологический роман). При этом вершина романного искусства — Л. Толстой — дает возможность увидеть общие черты, присущие всякому произведению этого жанра. Каждый читатель ищет в романе «жизненность», только один может «поверить» и среднему беллетристу, тогда как другого способны удовлетворить лишь наиболее высокие образцы,

¹ Звено. Париж, 1927. 13 марта. С. 3.

² Там же. 1927. 20 марта. С. 4.

³ См.: Кантор М. Еще об историческом романе // Звено. Париж, 1927. 26 мая.

⁴ Бицилли П. Что такое роман? // Звено. Париж, 1927. № 1. С. 317.

как «Война и мир». Но то, что Толстой не любил называть свое знаменитое произведение романом, и то, что «Войну и мир» действительно естественнее именовать «эпопеей», — все это лишь подтверждает, что, «достигнув кульминационной точки совершенства, роман *превращается* в эпос, сохраняя, однако, все черты “романа”»¹. О связи романа с эпосом свидетельствуют многие романские «мотивы», часто встречающиеся в эпосе (прощание Гектора с Андромахой, «роман» Энея и Дидоны, история Иосифа и его братьев и т.д.). Таким образом, «эпос — не противоположность романа, а предел его»². У великих писателей роман стремится стать «эпосом», «библией», как «Война и мир» стала отрывком «колоссальной русской “библии”, задуманной Толстым»³.

Полемика о романе вызвала интерес к новым направлениям, которые пошли сразу по двум «пересекающимся» и взаимодополняющим руслам. К. Мочульский в статье «Кризис воображения»⁴ попытался развить ранее сформулированные положения и проследить зарождение в недрах романа новой его формы — романизированной биографии. Подобные примеры уже появились в творчестве таких серьезных мастеров своего дела, как Литтон Стречи и Андре Моруа⁵. Романизированная биография воспользовалась именно тем, что психологический роман обходил: это монтаж и опора на документ. Умелое построение такого произведения обеспечивало возможность создавать образы исторических личностей, писателей, художников и т.д., которые и отличны от реальных прототипов, и все же подобны им⁶. При этом качественно они не отличались от выдуманных героев.

П.М. Бицилли в размышлениях о взаимосвязи истории с романом подвел проблему романа опять-таки к общей проблеме кризиса сознания, развивая положения, затронутые ранее.

Создание романа и создание многотомных историй имело один исток — Библию. Общее происхождение давало о себе знать и в поздней-

¹ Там же. С. 319.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Звено. 1927. № 2.

⁵ Сходный опыт Ю. Тынянова Мочульский оценил невысоко. См.: Мочульский К.Ю. Тынянов. «Кюхля» // Звено. 1926. № 203. 19 дек.

⁶ Критик замечает: «Дизраэли Моруа проще, выразительнее и пластичнее подлинного Дизраэли, его Шелли — более бесплотен, серафичен и прозрачен, чем настоящий Шелли» (Мочульский К. Кризис воображения // Звено. 1927. № 2. С. 81).

шее время. «Историки уже не в состоянии писать увесистых “всеобщих историй” по типу английского семейного романа, — с угадыванием, обещающим, благополучным окончанием... Культурный человек наших дней не верит в то, что все древние греки были Аристидами или Аполлонами Бельведерскими». Не верит он и в то, что «благодаря евгенике, управляемому хозяйству, народным университетам и стерилизации “неприспособленных” сказка об Иване-дураке станет былью»¹. Средний читатель некогда тянулся к чтению подобных книг потому, что ранее, «в скрытом состоянии, элементы романтической или науковерческой пошлости были налицо во всех почти произведениях историографии XIX в., как элементы пошлости житейской в романах даже величайших писателей той же поры»². Теперь же история и роман от них избавились, оттолкнув тем самым и простого читателя. Хотя последний вполне готов был удовлетвориться тем второсортным романном чтивом, которое в изобилии производила современная беллетристика. Европейский роман вышел «в люди» из низких жанров, но сумел возвыситься до высокого искусства в прозе XIX в. Теперь же он вернулся к своему началу, и читатель, ранее торопившийся узнать, «удастся ли душе-рыцарю выбраться из заколдованного леса», снова с прежним вниманием следит, как сумеет раскрыть тайну убийства «симпатичный агент Скотланд-Ярда»³.

Споры о языке, романе, современной прозе, несомненно, были возбуждены ощущением того кризиса, который переживало сознание человека послевоенных лет. Всякий раз критики пытались проследить историю вопроса, сформулировать основные черты литературной ситуации (русской и европейской). При этом за общим анализом всегда стояло стремление найти тот «выход из тупика», о котором говорил К. Мочульский.

Подобное же стремление питало и споры о поэзии, хотя здесь пути выхода намечались несколько иные, да и сама картина полемики приобрела иные черты. Для той или иной поэтической идеологии важна была и поэтическая практика, которая могла бы стать наглядным подтверждением данной позиции. Вместе с тем высказывания критиков не всегда опирались на противостояние направлений. По крайней мере внимание

¹ Бицилли П. Кризис истории // Совр. записки. Париж, 1935. № 58. С. 333.

² Там же.

³ Бицилли П. Венок на гроб романа // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования. Статьи. Рецензии. М., 2000. С. 475.

молодых поэтов начала 20-х годов к авангарду не подкрепило поддержкой этого направления со стороны эмигрантской критики¹. Неудивительно поэтому, что сильное авангардистское направление в поэзии эмиграции так и не сложилось². Тот «авангардизм», который был замечен у молодых поэтов, входивших в такие объединения начала 20-х годов, как «Палата поэтов», кружок «Гатарапак» и группа «Через», просуществовал недолго.

Несомненно, большую роль в преодолении «футуристических» симпатий у молодых поэтов сыграл «Цех поэтов», возрожденный в Берлине участниками петроградского «Цеха» и затем переехавший в Париж. Кроме членов «Цеха» его собрания посещали поэты самых разных направлений, они не принимали участие в обсуждении прочитанных стихов. Исповедуя «неоклассицизм», воззрения на поэзию во многом противоположные авангардистским устремлениям, члены «Цеха» не могли не повлиять на общую литературную ситуацию в русском Париже³.

Идея «неоклассицизма» не была детищем эмиграции, она явилась очевидной наследницей акмеизма. О новом классицизме критики говорили с самого начала 20-х годов — и в Советской России, и в зарубежье⁴.

¹ Легко заметить, что будущие оппоненты — Владислав Ходасевич и Георгий Адамович — к футуризму относились в это время с одинаковым (хотя и разными причинами вызванным) неприятием. То же можно сказать и о Константине Мочульском, который в 20-е годы играл заметную роль как критик. Альфред Бем, отзывавшийся о футуризме с сочувствием, попытается воздействовать на современный литературный процесс как критик значительно позже, а Д.С. Святополк-Мирский, особая позиция которого могла сочетать интерес к «неоклассицизму» с не меньшим интересом к поэтам-футуристам, из эмигрантских поэтов, в сущности, поддержал только Марину Цветаеву.

² Наиболее заметной и последовательной фигурой можно было бы назвать Ильяэда (И.М. Зданевича), поэта и художника, который еще в России писал «заумные» стихи. До войны он издал за границей сборник «Лидантю Фарам» (Париж, 1923). Общей картиной эта книга не изменила. Вместе с тем в стихотворениях многих поэтов все-таки отразилось стремление к обновлению стиха и средств художественного воздействия. И не только в творчестве молодых, как у Бориса Поплавского или Бориса Божнева, но и в произведениях Марины Цветаевой.

³ Из четырех членов «Цеха» этого времени только Ирину Одоевцеву вряд ли можно причислить к «критикам». И Г. Адамович, и Г. Иванов, и Н. Оцуп обладали той способностью давать точные и емкие формулировки, которая была унаследована ими еще с «гумилевских» времен. Об этой стороне критики названных авторов см.: Федякин С.Р. Искусство рецензии в «Числах» и «Опытах» // Литературовед. журн. М., 2003. № 17.

⁴ См.: Жирмунский В. О поэзии классической и романтической // Жизнь искусства. М., 1920. 10 февр.; Оцуп Н. О Н. Гумилеве и классической поэзии // Цех поэтов. Пг.,

Но в эмиграции эта идея изначально противостояла различным авангардистским попыткам «обновить слово». Не случайно в ответ на выступление «Цеха поэтов» в Берлине 28 февраля 1923 г. (особенно — на доклад Г. Адамовича, где он предстал в роли идеолога) В. Шкловский и Эренбург, движимые «футуристическими» симпатиями, упрекали участников «Цеха» («топчутся на месте и рабски реставрируют старые формы») и противопоставляли им творчество московских поэтов¹.

В начале 20-х годов Г. Адамович воспринимался как очевидный идеолог «неоклассицизма». В статье «Новый петербургский цех поэтов» К. Мочульский, с особым вниманием читавший критические работы Адамовича, опубликованные в альманахах «Цеха», заметил, что тот в своих отзывах и рецензиях следует идее «классического искусства»². Но все-таки особого пристрастия именно к классицизму в критических заметках Адамовича, опубликованных в эмиграции, мы не обнаружим. За всеми его репликами, в которых можно увидеть идеологию «неоклассицизма», уже прочитывался будущий создатель «парижской ноты». Так, в «Комментариях», опубликованных в четвертом альманахе «Цеха поэтов», он с одобрением отмечал «сухость» и «строгость» последних стихов Пушкина, противопоставляя их дальнейшему (начиная с Лермонтова) «разложению» поэзии. С тою же теплотой он говорил о чувстве меры у Расина, о его «версальской сдержанности»³. За этими словами стояло не столько утверждение нового «классицизма», сколько отрицание всякой «вычурности» в обращении со словом, всякой «избыточности» в выборе поэтических средств.

Наиболее последовательным эмигрантским идеологом «неоклассицизма» в начале 20-х годов был Константин Мочульский. С 1921 по 1923 г. им написано около 20 статей и рецензий, которые так или иначе касались поэтики этого направления⁴. Ценной особенностью выступле-

1922 Кн. 3; Мочульский К. Классицизм в современной русской поэзии // Совр. записки. Париж, 1922. № 11.

¹ См. газетный отчет об этом выступлении: Рувль. Берлин, 1923. 3 марта. Подробно ситуацию описал О.А. Коростелев (см.: Адамович Г.В. Собрание сочинений / Сост., послесл. и примеч. Коростелев О.А. — СПб., 2000. Комментарии С. 655).

² См.: Последние новости. Париж, 1922. 2 дек.

³ См.: Адамович Г.В. Собрание сочинений. СПб., 2000. Комментарии. С.251, 253.

⁴ Неоклассицизма Мочульский касается даже в работах, по первому впечатлению никак с ним не связанных. Явно или подспудно эта тема присутствует в следующих статьях и рецензиях критика, обилие которых говорит само за себя: Поэтическое творчество А.Ахматовой // Рус. мысль. Прага, 1921. № 3/4; Бальмонт К. «Сонеты солнца, меда и

ний критика стало стремление увидеть за борьбой символизма и акмеизма не столкновение идеологий, но противоборство *стилей*. Для него акмеисты и поэты сходного направления были объединены не только борьбой с символистской традицией, но новым, противоположным символистскому принципом словесного творчества: «Вместо туманного многословия символистов — сжатая точность новой школы, вместо темной торжественности — ясная простота, вместо абстракции мифотворчества — конкретные слова почти разговорной речи»¹. Он и кризис символизма увидел не как кризис идеологии (с известным положением: символизм хотел быть чем-то большим, нежели литература, а оказался только литературой). В особенностях символистской поэтики, которые привели к кризису все направление: преобладание в словаре общих и абстрактных понятий, их всеобъемность, бесформенность и туманность, произвольность эпитетов — критик обнаружил полный распад языка². При этом К. Мочульский почти не выступал в роли полемиста. Но если входил в спор, то не с идейными противниками, а с исследователями. Например, в отклике на книгу В. Жирмунского «Валерий Брюсов и наследие Пушкина»³ он с наглядностью показал, как попытки формалистов и околоформалистов отказаться ради объективности анализа от вкусовых оценок и ограничиться только разбором текста неожиданно оборачиваются лож-

луны» // Там же. 1921. № 10–12; Ахматова А. «Anno Domini» // Совр. записки. Париж, 1922. № 10; Новое о Блоке // Последние новости. Париж, 1922. 22 февр.; Новые сборники стихов // Там же. 1922. 12 мая; «Возмездие» А.Блока // Там же. 1922. 30 июля; Мандельштам. *Tristia* // Там же. 1922. 14 окт.; О классицизме в современной русской поэзии // Совр. записки. 1922. № 11; Новый Петербургский цех поэтов // Последние новости. 1922. 2 дек.; Новые стихи Анны Ахматовой // Там же. 1923. 13 янв.; Брюсов и о Брюсове // Звено. Париж, 1923. 5 февр.; О «песеннике» А.Белого // Там же. 1923. 12 февр.; Валерий Брюсов. Мнe. Стихи 1920–1921 г. (подп.: К.В.) // Там же. 1923. 26 февр.; Русские поэтессы. М. Цветаева и А. Ахматова // Там же. 1923. 5 марта; Эйхенбаум. Анна Ахматова (подп. К.В.) // Там же. 1923. 23 апр.; Поэтика Гумилева // Там же. 1923. 18 июня; Последние стихи Гумилева // Там же. 1923. 5 нояб.; О литературной критике // Там же. 1923. 12 нояб.; О тяжести и легкости (Творчество О. Мандельштама и М. Кузмина) // Там же. 1923. 19 нояб.; Возрождение Пушкина // Там же. 1924. 16 июня. К этим публикациям примыкают пародии Мочульского на Ахматову, Бальмонта, Брюсова, Гумилева, Мандельштама и Кузмина, опубликованные в 1923 г. в «Звене» (№ 1 от 5 февраля и № 2 от 12 февраля).

¹ Мочульский К. Поэтическое творчество А. Ахматовой // Рус. мысль. София, 1921. № 3/4. С. 185.

² См.: Мочульский К. Бальмонт К. «Сонеты солнца, меда и луны» // Рус. мысль. София, 1921. № 10–12.

³ См.: Мочульский К. Брюсов и о Брюсове // Звено. Париж, 1923. 5 февр.

ными выводами. Ведь стилистические «огрехи» Брюсова могут быть восприняты исследователями и как общая черта литературного направления¹.

Хотя для большинства критиков за современным «неоклассицизмом» стояла идея «возрождения Пушкина» (так называлась одна из статей К. Мочульского), термин этот все-таки не был достаточно определенным². Н. Бахтин, например, связывал его с античной традицией «произносимого слова». Подход этого «идеолога» к поэтическому слову был одним из самых оригинальных в 20-е годы, и выступления Бахтина шли вразрез не только с другими критиками, но и со всей современной ему поэзией. Ее коренной порок он видел в том, что стихотворение ныне адресуется «читателю», тогда как должно адресоваться *человеку*. Начиная литературную деятельность как поэт³, Бахтин в своем поэтическом творчестве заметно расходился с устремлениями существовавших в русской поэзии направлений. Этим был во многом обусловлен его пристальный интерес к самой проблеме способа существования поэзии⁴.

Кризис современной поэзии, полагал Н. Бахтин, связан со сдвигом в языковом сознании. Речь шла не о «распаде языка», который К. Мочульский обнаружил в творчестве символистов. Предпочтения Н. Бахтина опирались на историю культуры, его идеал — не то или иное современное направление, но поэзия эллинов.

¹ Подробнее об этой стороне литературного наследия Мочульского см.: Федякин С.Р. К. Мочульский о неоклассицизме в русской поэзии // Литературовед. журн.. М., 1994. № 4.

² О популярности термина, как и его размытости, говорит, например, и то, что в живописи В. Вейдле готов был причислить к «неоклассикам» импрессиониста О. Ренуара. См.: Вейдле В.В. О новом классицизме // Звено. Париж, 1925. 14 и 21 сент.

³ См.: Эджертон В. Ю.Г. Оксман, М.И. Лопатто, Н.М. Бахтин и вопрос о книгоиздательстве «Омфалос» // Пятые тыняновские чтения. Рига, 1990; Федякин С.Р., Юрченко Т.Г. «Омфалос» // Литературная энциклопедия терминов и понятий // ИНИОН РАН. М., 2001.

⁴ Этот интерес нашел отражение в статьях Н. Бахтина: О русском стихосложении // Звено. Париж, 1924. 23 июня; Письма о слове. 1. О произносимом слове. 2. О формальном методе // Там же. 1924. 18 и 25 авг.; Пути поэзии // Там же. 1925. 9 февр., а также в рецензиях на книги русских формалистов и ученых, близких этому направлению (Жирмунского, Томашевского, Эйхенбаума и др.), часто подписанных инициалами «Н.Б.» (см. «Звено» от 23 июня 1924, 1 сент. 1924, 29 сент. 1924), и докладах (см. отчет о беседе, организованной редакцией «Звена»: «Звено». 1926. 4 апр. С.8).

Изначально поэтическое слово — слово заклинательное, произносимое; это — «поэзия для слушателя». Здесь музыке дано реальное звучание, здесь словесный материал распределен во времени, имеет свои кульминации и спады. И потому в такой поэтической речи отчетливей и тверже логический остов. Звучащая поэзия призвана повелевать, она властно вовлекает слушателя в свое течение. В новейшей поэзии «для читателя» изменились основы построения речи. Незвучащая музыка слова вынуждена оберегать себя, поэтому она выходит на передний план, затушевывая логический остов произведения. Отсутствие жесткой направленности во времени каждую «точку пути» делает равно существенной. Поэзия становится все более «келевой», поскольку превращается в искусство тончайших узоров, а в них надо вникать внимательно и многократно. Такая «мыслимая» поэзия, удаляя звук, умалила и смысл. И «слово, в его двоякой сущности — звучащей и указующей, медленно умирало»¹. Поэт-заклинатель (Орфей) сменился поэтом-ремесленником, изготовителем безделушек для узкого круга любителей. Символизм как раз и попытался вернуть поэзии «значение силы движущей и устрояющей», но в современных условиях эта цель оказалась неосуществимой. «На смену символизму пришел трезвый эстетизм и разнузданный футуризм», который искажил идею «всенародности». Отныне «поэтам остается или продолжать заниматься изготовлением поэтических пустышек, приятных и беспомощных безделушек, или, оставив стихи, обратиться к работе над перестроением всей современной культуры»².

В идеях Н.Бахтина можно увидеть своеобразное предвосхищение позиции А.Бема 1930-х годов с той оговоркой, что в середине 20-х Н.Бахтин не принимал русский футуризм, тогда как Бем связывал боль-

¹ Бахтин Н. Письма о слове. 1. О произносимом слове // Звено. Париж, 1924. 18 авг.

² См. отчет о беседе, организованной редакцией «Звена» // Звено. 1926. 4 апр. С.8. Несомненно, Бахтин здесь говорит о собственном пути. Он сам оставил поэзию ради того, чтобы попытаться осмыслить современность и затем идейно воздействовать на нее. Но вместе с тем в этой позиции прозвучала идея, которая «носила в воздухе». Отказ от своего участия в литературной жизни мог тоже стать своеобразным словом. Можно вспомнить судьбы «авторов одного произведения», вроде Болдырева-Шкотта, обратившего на себя внимание повестью «Мальчики и девочки» и позже покончившего с жизнью, или М. Агеева (Марка Леви), который заставил говорить о своем «Романе с кокаином», после чего исчез из литературы. Нельзя забыть и рассказ Набокова «Василий Шишков», где схвачено само это явление: уход талантливого писателя из литературы еще до его подлинного творческого рождения.

шие надежды если не с Маяковским, то с Пастернаком. Идеологически Н.Бахтин был самым жестким и самым серьезным оппонентом не только неоклассицизма (хотя этим термином он пользовался), но и первых движений в сторону будущей «парижской ноты»¹. Правда, сила этой позиции оборачивалась ее же слабостью: в своих идеологических устремлениях, в суровости своих требований Н. Бахтин не мог опереться ни на одно современное поэтическое имя. Потому и последователей он иметь не мог.

Идея «неоклассицизма» господствовала в умах эмигрантских критиков в первой половине 20-х годов. К этому направлению были причислены лирики, через творчество которых шло «возрождение Пушкина», в том числе Георгий Иванов, Георгий Адамович, Владислав Ходасевич. Среди приверженцев «неоклассицизма» назывались и те, кто остался в Советской России: Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Михаил Кузмин, Всеволод Рождественский и др. Но уже к середине 20-х становится очевидным, что в недрах неоклассицизма намечаются линии «водораздела»², а скоро и сам термин перестает быть животрепещущим.

К концу 20-х годов вызревают новые направления, объединения, школы. В это время и возникла длительная полемика Г.В. Адамовича и В.Ф. Ходасевича, которая многое определила в литературе русского зарубежья. Этот спор уже не раз привлекал внимание исследователей. Основные выступления обоих критиков не только перепечатывались, но и были собраны в отдельной публикации³. И все же обобщенный взгляд на многолетнюю полемику дает возможность расставить некоторые акценты. В сущности каждый из критиков — выступал он с обзором или программной статьей или рецензировал какое-то произведение — пытался,

¹ См. стенограмму пятого заседания «Зеленой лампы» (Новый корабль. Париж, 1927. № 4) на тему «Есть ли цель у поэзии?», где в докладе Адамовича звучат первые «наброски» его будущей позиции и где самым жестким ответом ему стало выступление Н. Бахтина.

² См. статью К. Мочульского «О тяжести и легкости (Творчество О.Мандельштама и М.Кузмина)» (Звено. 1923. 19 нояб.), где два «неоклассика» рассмотрены как фигуры, во многом противоположные. См. об этом также: Федякин С.Р. К. Мочульский о неоклассицизме в русской поэзии // Рос. литературовед. журн. М., 1994. № 4.

³ Основные материалы этого спора см.: Полемика Г.В. Адамовича и В.Ф. Ходасевича (1927–1937) / Вступ. ст. и примеч. Коростелева О.А.; публ. Коростелева О.А., Федякина С.Р. // Рос. литературовед. журнал. М., 1994. № 4. С. 204–250.

пусть косвенно, ответить и на вопрос: как сейчас нужно (или не нужно) писать.

Несомненно, главное слово и основной «тон» выступлений Адамовича сосредоточился в его «Комментариях». Сначала — в виде серий фрагментов, потом в виде книги. Хотя книга «Комментарии» вышла только в 1967 г. и включала, кроме фрагментов еще и три статьи, тем не менее это «выправленное» автором издание стало своеобразным «канон» устремлений Адамовича-идеолога. Название завершающей книгу статьи — «Невозможность поэзии» — содержит в предельно сжатой словесной формуле то, что говорил Адамович о поэзии на протяжении многих лет. В двух словах здесь сформулирован идеал, предел: настоящая поэзия — это всегда выход за грань человеческих возможностей. Человек создан «по образу и подобию Божию», и в поэтическом творчестве он пытается достигнуть этого почти невозможного *богоподобия*. Но совершенство не достигается любыми средствами. Нужно отказаться от всевозможных моднейших ритмических изысков, от сложных метафор. В истинной поэзии невозможна «педадь», как невозможна и любая фальшь. Она требует предельной творческой честности. Настоящая поэзия — та, что «по образу и подобию» требует настоящего литературного аскетизма. Нужны самые обычные слова, и главный источник воздействия стихотворения — интонация. Иначе говоря, Г. Адамович хотел от поэзии «гениальной простоты», чураясь любого нажима и ненужного усложнения.

Неудивительно, что стихи поэтов «парижской ноты», т.е. тех, кто пытался следовать за Адамовичем, часто напоминали дневник, который ведь пишется не для многих и о том, что произносится «шепотом», а не перед широкой аудиторией. Понятен и термин «человеческий документ», столь часто превращавшийся в краткую характеристику подобных стихов (хотя и не только стихов, — Адамовичу и в прозе неумело выраженная «непридуманность» дороже любой литературщины). Но «дневниковые», «непридуманные» стихи хороши именно тогда, когда они действительно *не придуманы*. И поэтому так легко здесь сорваться в натужность и неестественность. Ходасевич, впрочем, заметил по этому поводу, что подобные стихи «бледны и анемичны» не только потому, что автор хотел их сделать такими, но и потому, что молодым стихотворцам не хватает литературного мировоззрения, без которого быть настоящим поэтом просто невозможно. Преобладающее в поэзии молодых «уныние» мало похоже на трагедию, оно то и дело сбивается на мещанскую драму. Неесте-

ственный аскетизм оборачивается обезличенностью: «Стихи словно не знают, какими им быть, и у них нет отчетливого желания быть какими-нибудь»¹. Поэтому одним «документом» ограничиваться никак нельзя. И начинать надо не с порочной установки на «документ», но с обычной поэтической выучки. Полагая, что труд в поэзии «убивает внутреннюю ценность», молодые стихотворцы так и не научились выражать свои чувства достойным образом, и потому «их душевное изнеможение, их душевный распад превращается в распад литературный»².

Ходасевич немало сил приложил к тому, чтобы внушить младшему поколению — особенно участникам пестуемой им группы «Перекресток» — желание учиться у великих русских поэтов. Его позиция «по внешности» своей была по-школьному проста: без знания классики нельзя ни сохранить в изгнании русскую культуру, ни просто написать настоящего стихотворения. Адамович готов был ему возразить, что особое рвение к учебе у классиков может погубить пусть не громкий, но живой поэтический голос начинающего поэта, что его «умелая» поэзия будет мертворожденной³.

Нетрудно увидеть, что в главном позиции критиков совпадали: кризис сознания — отличительная особенность нынешнего времени, и нужно найти достойный выход из ситуации. Оба не терпели обезличенности, только один полагал, что опасность исходит со стороны чрезмерного ученичества, тогда как другой видел ее в нежелании такой учебы, через которую идет приобщение к подлинной культуре и подлинной традиции. В сущности, каждый по-своему был прав, ведь личность писателя — это и его самостояние, и его (через это самостояние осуществляемое) отношение к культурному наследию. Наконец, очевидным в этой полемике становится главное: подробно обсуждавшийся в 20-х годах вопрос о кризисе сознания и основных его чертах все более «снижается» к более простому, но и более насущному — как можно писать в эпоху всеобщего духовного кризиса.

Третий голос, который пытался вмешаться в спор парижан, принадлежал Альфреду Бему, опекавшему пражский «Скит». В главном —

¹ Ходасевич В.Ф. Кризис поэзии // Возрождение. Париж, 1934. 28 янв.

² Новые стихи // Там же. 1935. 28 марта.

³ За каждой позицией угадывается личная поэтическая судьба и Ходасевича, долго проходившего «выучку» у Пушкина и других классиков XIX в., и Георгия Адамовича, нашедшего собственный поэтический голос путем отказа от следования образцам. Но вряд ли эта «изнанка» долголетнего спора двух ведущих критиков доходила до младшего поколения писателей.

это очевидное неприятие идей Г. Адамовича. А. Бему претил литературный аскетизм. Он, напротив, высоко ценил поэтов, которые не боялись излишеств в выборе средств воздействия (особо выделял Пастернака и Цветаеву). Правда, и с Ходасевичем Бем сходилась далеко не во всем: установка последнего на «классицизм» не могла не показаться ему чересчур жесткой. Потому и вызывало возражение с его стороны крайнее неприятие Ходасевичем поэзии Маяковского¹.

Вообще, если пристальнее взглядеться в позицию пражского критика, то нетрудно заметить: Бем ценил не столько точность слова, сколько его энергию. Он готов был приветствовать и резкую новизну, и элементы архаики в современной поэзии, покуда в них можно ощутить «поэтические мускулы». Он готов был поддержать любого поэта, способного «писать в мажоре». И он порицал молодых парижан за то уныние, которое царило в их стихах. Правда, при всем своеобразии суждений войти в спор двух ведущих критиков эмиграции *на равных* Бему не удалось. Сказалось и то, что он вступил на критическое поприще позже, нежели Адамович с Ходасевичем. Свою роль сыграла и сама удаленность Праги и Варшавы (городов, где авторитет Бема был силен) от Парижа.

Многoletний спор ведущих критиков русского зарубежья, в котором, наверное, наибольший интерес представляют не основные их идеи, но оттенки и «повороты» этих идей, шел с конца 20-х годов по конец 30-х. То затихая, то разгораясь с новой силой, он выходил далеко за рамки только лишь поэзии. В сущности, это был спор о том, возможно ли существование литературы в столь критическое время, и если возможно, то какую эта литература должна быть².

К середине 30-х годов вызревают новые дискуссии, мало похожие на выступления 1920-х. В центре критического противостояния не случайно постоянно находятся произведения писателей младшего поколения. Проблема литературной смены становится к этому времени одной из самых злободневных. Появление в 1930 г. журнала «Числа», где задавали тон бывшие участники «Цеха поэтов» и где голос молодых парижан был отчетливо слышен, не могло не вызвать многочисленных откликов. Идеология «Чисел» с их попыткой направить молодые силы на «новое

¹ На выступление Ходасевича «О Маяковском» (Возрождение. 1930. 24 апр.) Бем откликнется в статье «Спор о Маяковском» (Руль. 1931. 2 июля), где скажет об «объективно несправедливой» оценке Ходасевичем крупного русского поэта.

² Правда, это глубинное противостояние не всегда было видно за отдельными рецензиями и откликами на то или иное литературное событие.

слово» столкнулась с идеологией «традиционалистов». К середине 1930-х и лицо журнала, и самый его тон вполне определились. И, конечно, роль публикуемых в журнале «Комментариев» Адамовича была чрезвычайно высока. Во многом это был камертон «Чисел». Здесь как бы совместились ощущение писателя, находящегося перед белым листом бумаги, и общее ощущение кризиса сознания. «Как можно не видеть, что христианство уходит из мира¹!». Тон, с каким произносились подобные фразы, был полон самой неподдельной ностальгии. Но содержание таких изречений могло показаться вызывающим. «Комментарии», как и самые умонастроения журнала, вызвали упрек со стороны Ф.А. Степуна. По его замечанию, в подобных репликах звучало не только сомнение в будущем христианства, но под сомнение ставилось и будущее русской культуры: «Не означает ли такое настроение, с одной стороны, полного разрыва с прошлым России (хорошо ли, худо ли бывшей все же страной православной), а с другой — и с ее будущим? — ибо какое же будущее у страны, не могущей жить *неопровергнутой* истиной своего прошлого?»² При этом Ф. Степун вступал не столько в философско-публицистический, сколько в идеологический спор: ему важно было воздействовать на сознание младшего литературного поколения. Но именно это поколение — в лице Газданова — и произнесет в ответ самую жесткую отповедь. Правда, на шумевшая статья Г. Газданова «О молодой эмигрантской литературе»³ была подготовлена не только выступлением Степуна, но и спором, «разразившимся» на страницах журнала «Меч» в 1934 г. Две полемики — о столичной и провинциальной литературе (1934) и о молодой эмигрантской литературе (1936) — лишь на первый взгляд были о совершенно разных предметах. В первом случае провинциальные молодые литераторы — главным образом Праги и Варшавы — попытались выразить свое возмущение поведением парижских литераторов, засильем их настроений в эмигрантской периодике; во втором спор зашел о том, что дала (или точнее — почему так мало дала) русской литературе эмигрантская молодежь. Но глубинный смысл этих полемик заключался в другом. И там и здесь проблема «новизны» и «поддержания традиций» достигла наибольшей остроты. Противостояние «столицы» (Париж) и

¹ Цит. по: Адамович Г.В. Комментарии. СПб., 2000. С. 290.

² Новый Град. Париж, 1935. № 10. С. 28.

³ Газданов Г. О молодой эмигрантской литературе // Совр. записки. Париж, 1936.

«провинции» (Прага, Варшава, Белград и т.д.) в творчестве молодых было во многом противостоянием сомнительного «новаторства» (которое могло выглядеть и как подражание известным европейским образцам) и не менее сомнительного «традиционализма» (который тоже легко прочитывался, как эпигонство).

Спор 1934 г.¹ обострился тревожным ощущением, что с литературной «сменой» дело обстоит более чем неблагоприятно. Это же чувство вызвало к жизни и полемику 1936 г. о молодой эмигрантской литературе², где Гайто Газданов в своей статье, положившей начало длительному спору, сформулировал то, что зрело долгие годы в сознании писателей-эмигрантов: «Толстой — к слову сказать, понимавший в литературе больше, чем все русские эстеты вместе взятые, — определяя главные качества писателя, третьим условием поставил “правильное моральное отношение автора к тому, что он пишет” (цитирую по памяти). В самом широком и свободном толковании это положение есть не требование или пожелание, а один из законов искусства и одно из условий возможности творчества»³.

¹ См.: Федоров В. Бесшумный расстрел: Мысли об эмигрантской литературе // Меч. Варшава, 1934. № 9/10. С. 8–9; Вебер Е.С. Знак равенства: О зарубежной литературе // Там же. 1934. № 11/12. С. 13–14; Мережковский Д.С. Около важного: О «Числах» // Там же. 1934. № 13/14. С. 3–5; Философов Д.В. Письма к неизвестным: В защиту «г. Федорова из Чехословакии» // Там же. 1934. № 13/14. С. 5–8; Бем А.Л. Свое и чужое // Там же. 1934. № 17/18. С. 5–7; Цуриков Н.А. При особом мнении: мысли читателя // Там же. 1934. № 17/18. С. 7–8; Мережковский Д.С. О хорошем вкусе и свободе // Там же. 1934. № 17/18.

² Кроме статьи Газданова см. основные выступления в полемике: Осоргин М. О «молодых писателях» // Последние новости. Париж, 1936. 19 март; Бем А. Человек и писатель // Меч. Варшава, 1936. 3 мая; Алданов М. О положении эмигрантской литературы // Совр. записки. Париж, 1936. № 61; Варшавский В. О прозе «младших» эмигрантских писателей // Там же. 1936. № 61; Осоргин М. О «душевной опустошенности» // Последние новости. Париж, 1936. 10 авг.; Ходасевич В. Перед концом // Возрождение. Париж, 1936. 22 авг. Из других выступлений нельзя не упомянуть двух обзоров Г. Адамовича, несмотря на то что эти статьи лишь отчасти касались затронутой темы: Адамович Г. Современные записки, книга 60 // Последние новости. Париж, 1936. 12 марта; Адамович Г. Современные записки, книга 61 // Там же. 1936. 30 июля.

³ Газданов Г. О молодой эмигрантской литературе // Совр. записки. Париж, 1936. Кн. 60. С. 406.

В этой несколько неточной цитате¹, дополненной собственным замечанием, трагическое положение русского писателя-эмигранта обозначилось с предельной отчетливостью.

В сущности, Г. Адамович, подвигнувший Ф. Степуна на возражения, был прав в своем пафосе и своем тоне, если читать его не «идеологически», но «культурологически». Речь шла не о попытке «Чисел» и молодых парижан «уйти» от христианства, но о той основе русской и европейской культуры, без которой ни сама эта культура, ни тем более «моральное отношение автора к тому, что он пишет», не могли существовать. Об истончении и «выветривании» из искусства религиозного начала чуть позже скажет и Владимир Вейдле в книге «Умирание искусства». Согласитесь с Вейдле и Ходасевич. И его рецензия на «Умирание искусства» будет звучать совершенно в согласии с той картиной, которую он пытался начертать в полемике 1936 г.: «...только в послевоенные два с половиной десятилетия художник наконец оказался вполне окружен холодом стратосферической атмосферы, где религиозного кислорода, необходимого его легким, уже почти нет»².

Таким образом, в конце 30-х годов критика снова подошла к тому вопросу, о котором много писали в 20-е, — о кризисе сознания и его проявлении в самых разных областях жизни и культуры. Но тогда в упомянутых статьях Павла Муратова, Николая Бахтина, Петра Бицилли, Константина Мочульского и многих других эта тема звучала более обобщенно. В центре стоял «человек вообще» или «писатель вообще». В полемике 1936 г. все поставленные ранее вопросы касались не «общих тенденций», но сошлись на одном: в толстовско-газдановской реплике все заострилось до предела — писатель перед чистым листом бумаги, мучимый вечным «зачем?».

«Только чудо могло спасти это молодое литературное поколение; и чуда — еще раз — не произошло»³. Фраза Газданова запоминалась. Но ведь и писатели старшего поколения переживали то же самое. Они под-

¹ Толстой в своем «Предисловии к сочинениям Гюи де Мопассана» сформулировал «три условия истинного художественного произведения: 1) правильное, то есть нравственное, отношение автора к предмету, 2) красота формы и 3) искренность, то есть любовь к тому, что описывает автор» (Толстой Л.Н. О литературе. М., 1955. С. 275). Газданов в своей реплике как бы «соединил» первое и третье условия.

² Ходасевич В. «Умирание искусства» // Возрождение. Париж, 1938. 18 нояб.

³ Газданов Г. О молодой эмигрантской литературе // Совр. записки. Париж, 1936. Кн. 60. С. 408.

чинялись тому же «закону искусства», что и молодые. Бем не без основания заметил: «Кое-кто из писателей старшего поколения очутился в куда более сложных материальных и духовных условиях, чем молодое поколение, и, однако, это не помешало им именно в этих условиях создать произведения большой художественной ценности»¹. Перед старшими стояла та же проблема «морального отношения», что и перед молодыми. И здесь «чудо» произошло. О неудаче молодых можно было говорить именно потому, что очевидной была «удача» старшего поколения: оно дало не только отдельные произведения, но и *литературу*. Бунин, Шмелёв, Ремизов, Зайцев, Г. Иванов, Цветаева, Ходасевич... Как решался вопрос «морального отношения» каждым из этих писателей, какими путями двигалось их сознание, каким образом находили они для своих произведений художественные средства, способные выразить новое, «трудное» мироощущение? О том, что поиск был неизбежен, что один и тот же вопрос касался каждого, об этом сказала и толстовская формула, прозвучавшая в устах писателя Гайто Газданова, и вся полемика 1936 г. Но сама ее острота говорила и о другом. Здесь эмиграция подошла к одному из самых главных вопросов: как разрешить и можно ли разрешить ключевое противоречие литературы русского зарубежья. С одной стороны, оказавшись за пределами родины и будучи непосредственными носителями русской культуры, писатели обязаны были хранить традиции и быть «консерваторами». С другой стороны, эмиграция стала результатом тех катаклизмов, которые так перевернули мир, что выразить полноценно эти перемены можно было только на путях обновления средств художественного воздействия. Время «антикультуры» не нуждалось в писателе-художнике, но само существование русской литературы в эмиграции могло быть оправдано только ее *художественностью*. Эту «антиномию» пыталась осмыслить и разрешить эмигрантская критика. Однако в полной мере «разрешить» ее смогли только сами писатели — своим творчеством. О том, что литература первой эмиграции не справилась с этой задачей в историческом времени, говорит судьба ее младшего поколения: в полемике 1936 г. были названы только два имени, которые не вызвали сомнений в их значительности: В. Сирин (Набоков) и Г. Газданов.

Но несомненно и другое: значительная часть литературного наследия эмиграции стала классикой, т.е. тем следом в «вечности», откуда «черпать» может не только ближайшее поколение. И здесь, в этих произ-

¹ Бем А. Человек и писатель // Меч. Варшава, 1936. 3 мая.

ведениях, противоречие «старого» и «нового», мучившее не одного писателя русского зарубежья, нашло свое разрешение. Несомненно, этому способствовали и многочисленные литературные баталии, и самое стремление критиков эмиграции связать положение современного писателя с тем изломом, который переживала мировая история.

Т.Г. Петрова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА ЭМИГРАЦИИ
О ПИСАТЕЛЯХ XIX ВЕКА
(ПУШКИН, ЛЕРМОНТОВ, ЧЕХОВ)

«Скорбь за порушенную Россию — главная черта эмигрантской литературы старшего поколения»¹. По мнению философов, критиков и публицистов русского зарубежья, Россия могла «выздороветь» только «коренным духовным преодолением революции», разорвавшей культурную традицию и ставшей «низвержением культурного слоя» (Н.А. Бердяев). Поэтому важная роль отводилась «возрождению национального духа», возможного лишь «через культ и идеализацию прошлого в его целом и в его непрерывности»². Есть только две идеи, неразрывно связанные одна с другой, которые, как полагал П.Б. Струве, могут образовать духовный стержень отечественного национального возрождения — это идея религиозно-церковная и национальная, ибо «нужно понять, что не может быть национального духа без роду, без племени»³. Эмиграция, наследуя литературоцентризм отечественной культуры XIX в., связывала будущее духовное возрождение с традициями русской классической литературы, которая «для нас, потерявших родину, — писал Д.С. Мережковский, — родина последняя; все, чем Россия была и чем она будет» (Руль. Берлин, 1921. 19 нояб.).

¹ Николюкин А.Н. О русской литературе: Теория и история. М., 2003. С. 239.

² Струве П.Б. Прошлое, настоящее, будущее // Публицистика русского зарубежья (1920–1945). Сб. ст. М., 1999. С. 177.

³ Там же. С. 182.

В условиях кризиса культуры эмиграция искала и находила опору в отечественном классическом наследии, в русской литературе — в ее устремленности к «последним вопросам бытия», в ее поисках Бога.

В метрополии в этот период характерным становилось пренебрежение художественным опытом прошлого¹. Уникальность отечественной социоисторической ситуации в 20–30-х годах XX в. заключалась в том, что «господство тоталитарной идеологии в России предполагало не эксплуатацию традиционных религиозных, нравственных, культурных ценностей, а их исключение из культурного кругозора»². Гуманизм, сложные формы психологизма, онтологическая наполненность русской классики противоречили пафосу новой эпохи. Наряду с радикальным отрицанием, присущим теоретикам Пролеткульта, РАПП и ЛЕФа, в 20-е годы декларировалась и преемственность классического наследия (например, группой «Перевал»), однако его освоение должно было проходить в условиях «преодоления» и «освобождения» от «реакционных элементов». Хотя «теория нового искусства началась с резкого отмежевания от классики»³, в 20-е годы еще была возможна некоторая свобода исследований; в 30-е годы единственно допустимым стал классовый подход к литературе (в советской критике 30–50-х годов уже не было идейно-художественных направлений).

Откликаясь на споры о классической литературе в Советской России, на усиление гнета цензуры, П. Пильский с явным сарказмом обобщал: между решениями «допустить» или «неукоснительно запретить» был найден компромисс — «пусть классики живут, но обязательно в урезанном виде...» (Сегодня. Рига, 1928. 16 июля). Статьи критиков и публицистов русского зарубежья были направлены против вульгарного социологизма и теории «двух культур», против признания в классическом наследии только того, что отвечает задачам советской власти, а также

¹ См. об этом: Голубков М.М. Утраченные альтернативы: Формирование модернистской концепции советской литературы. 20–30-е годы. М., 1992; Елина Е.Г. Литературная критика и общественное сознание в советской России 1920-х годов. Саратов, 1994; Добренко Е.А. Формовка советского читателя. СПб., 1997; Соцреалистический канон: Сб. ст. / Под ред. Гюнтера Х., Добренко Е. СПб., 2000.

² Мартыанова С.А. Ценностные аспекты русской классики XIX в. в литературоведении XX в. // Наука о литературе в XX веке: (История, методология, литературный процесс). Сб. ст. / Отв. ред. Ревякина А.А. М., 2001. С. 61.

³ Там же. С.65.

против утраты самого понимания русской классики как целостного явления¹.

Истоки догматического сужения задач анализа искусства (эта тенденция возобладала в критике метрополии) деятели эмиграции порой усматривали в «реальной критике» XIX в. П. Пильский, например, отметил в качестве предтечи целенаправленную публицистичность Н.Г. Чернышевского: в его разборах «по поводу» литература «становилась лишь материалом» для выводов «общественного характера» — ведь интересовал критика «не сам Тургенев, не психология и художественный образ героя “Аси”, а современный тип дворянско-помещичьего распада» (Сегодня. 1928. 25 июля).

В зарубежье политический ракурс тоже часто преобладал в оценках литературы — особенно советской. Однако наряду с этим существовала религиозно-философская, импрессионистическая, эстетическая критика, продолжавшая дореволюционные традиции и создававшая новые подходы, свойственные эпохе Серебряного века.

Голоса русских классиков были услышаны и соотнесены в эмиграции с трагическими отзвуками эпохи. Рассмотрим более подробно осмысление критиками-эмигрантами творчества Пушкина, Лермонтова и Чехова, следуя главным образом по страницам периодики 1920–1930-х годов.

Важнейшей чертой художественной культуры русского зарубежья стало ее самоопределение по отношению к личности и творчеству Пушкина. Эстетическое и духовное поклонение поэту в отечественной литературе стало традиционным после знаменитой речи Достоевского на пушкинских торжествах 1880 г., когда были сформулированы два основных мировоззренческих подхода «к явлению по имени “Пушкин”» в речах и Достоевского, и Тургенева². Если Тургенев главный смысл существования поэта видел в «классическом чувстве меры и гармонии», в том, что он — «великолепный русский художник», но при этом отказал ему в звании национального или «национально-всемирного» поэта, то Достоевский, напротив, подчеркнул *пророческое явление* Пушкина, отметив смирение как единственный путь к подлинной свободе, а также «всечеловечность», «всемирность»

¹ Подробнее о целостности русской классики см.: Николукин А.Н. О русской литературе: Теория и история. М., 2003. С.7–19; С.245–253.

² О значении речей Достоевского и Тургенева см.: Филин М. От составителя // Тайна Пушкина: Из прозы и публицистики первой эмиграции. М., 1998. С.5–20.

Пушкина и русского человека вообще. Завершая свой земной путь обращением к Пушкину как русскому национальному поэту, писатель произнес знаменитые слова, ставшие пророческими: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и, бесспорно, унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем»¹. Последующая история пушкиноведения проходила в борьбе, развитии и взаимовлиянии «двух русских правд» о Пушкине, «непримиримых по сути». Однако увлечение аспектом эстетическим могло сочетаться с поклонением «тайне».

В эмиграции были не только сторонники Достоевского, но и сторонники Тургенева, которые «всячески отстаивали прагматические, либеральные и эстетические воззрения на Пушкина и его наследие», хотя и не могли опровергнуть Достоевского². Например, П.Н. Милюков утверждал, что Пушкин «вопреки Достоевскому» никакой «тайны» с собой в могилу не унес: «Мистика великих “миссий” и “всечеловеческих проблем” была ему чужда. Он прост и ясен в своем величии — и потому он велик»³. В свою очередь и с других позиций мнение Ф. Достоевского опровергал Г. Адамович; он отмечал, что из того Пушкина, каким он был — из художника, «еще удерживавшего в мире восемнадцатый век, еще пытавшегося отвратить страшившее его неотвратимое, духовное и материальное “расползание” николаевской игрушечно-стройной России», — невозможно сделать того, кем он не был: «пророка», «провидца», «взрывателя будущего»⁴. Критик назвал Пушкина «прекрасной звездой», на которую глядишь с изумлением — именно в силу ее недоступности и непостижимости.

Ведущие теоретики символизма — Д. Мережковский, Вяч. Иванов, В. Брюсов, А. Белый — пытались разгадать «тайну» Пушкина, о которой говорил Достоевский. Вся литературная эмиграция также стремилась ее «разгадывать». Но ранее развили и продолжили эстетический культ поэта как объединяющего символа русской культуры именно символисты, сохранившие тезис об универсальности пушкинского гения. В контексте эстетизма конца XIX в. сложился культ Пушкина как «поэта формы». Символисты чувствовали в Пушкине не столько эпика, сколько

¹ О значении речей Достоевского и Тургенева см.: Филин М. От составителя // Тайна Пушкина: Из прозы и публицистики первой эмиграции. М., 1998. С. 10.

² Там же. С.14.

³ Милюков П. Живой Пушкин (1837–1937): Историко-биограф. очерк. Париж, 1937. С. 136.

⁴ Адамович Г. Пушкин и Лермонтов // Последние новости. Париж, 1931. 1 окт.

трагика, ибо «символизм принес с собой принципиально новое понимание драмы как прасновы всего художественного творчества, вскрывая ее генетические связи с обрядом и мифом»¹.

«Русский бунт», «бессмысленный и беспощадный», которого так опасался Пушкин, стал для писателей и критиков русского зарубежья страшной реальностью. История у деятелей русской эмиграции, как и у Пушкина, становится главной и роковой проверкой человека на его «самостоянье». Важнейшим для них оказалось и пушкинское приятие мира, связанное с верой в будущее, в творческие возможности истории и человека, и отношение к российской *государственности*. Писатели и критики зарубежья размышляли о свойственной поэту «*высшей свободе*» (Д. Мережковский), о его *религиозности*, о его *жизни и смерти*, о *поэтике* его произведений. Думается, что в эмиграции неявно присутствовали и мысли В.В. Розанова — о поэте мирового «лада», «ладности, гармонии, согласия и счастья», «главе мирового охранения» (статья «Пушкин и Лермонтов», 1914). Еще в 1912 г. он отмечал «вечность» и «общевоспитательность» его поэзии (статья «Возврат к Пушкину»).

Несмотря на ограниченность печатных источников, на отсутствие рукописного наследия поэта, пушкиниана начала складываться с первых лет возникновения эмиграции. Всего было издано около 100 книг и примерно 1500 произведений малой формы, появившихся в периодической печати². В этом ряду книги: П.М. Бицилли «Этюды о русской поэзии»³ (1926), где содержится глава «Поэзия Пушкина», а в дополнениях приводятся работы «Сон и проч. в Пушкинском словаре» и «Художественный замысел “Медного Всадника”»; М.Л. Гофман «Пушкин. Психология творчества»⁴ (1928); А.В. Тыркова-Вильямс «Жизнь Пушкина»⁵ (т. 1

¹ Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX в. М., 1998. С.62.

² См.: Филин М.Д. Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) // Лит. энциклопедия рус. зарубежья (1918–1940) / Т.4: Рус. зарубежье и всемир. лит. Ч. 2. М., 2002. С.310–329; См. также: Филин М.Д. Пушкиниана русского зарубежья: Материалы для библиографии // Московский пушкинист. М., 1995–1998, 2000. Вып. 1–5, 8.

³ См.: Петрова Т.Г. П.М. Бицилли. Этюды о русской поэзии // Лит. энциклопед. рус. зарубежья. Т. 3: Книги. М., 2002. С.93–95.

⁴ См.: Петрова Т.Г. М.Л. Гофман. Пушкин: Психология творчества: Вторая глава науки о Пушкине // Там же. С.174–175.

⁵ См.: Казнина О.А. А.В. Тыркова-Вильямс. Жизнь Пушкина // Там же. С.547–548.

– 1929, т. 2 – 1948); В.Ф. Ходасевич «О Пушкине»¹ (1937); П.Н. Милоков «Живой Пушкин»² (1937); А.М. Ремизов «Огонь вещей: Сны и предсонье: Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский»³ (1954); С.Л. Франк «Этюды о Пушкине»⁴ (1957) и многие другие.

Таким образом, когда русская эмиграция *первой волны* решала вопрос о том, на какой духовной основе она могла быть объединена, имя Пушкина возникло органично. При всей полярности взглядов представителей русской эмиграции имя великого поэта оказалось той консолидирующей и примиряющей основой, которая заставила забыть жестокие разногласия. В творческом и личном феномене Пушкина изгнанники искали ответы на насущные вопросы времени, с его гением связывали надежду на будущее возрождение России и ее культуры. С именем Пушкина – с днем его рождения – было соотнесено ежегодное празднование Дня русской культуры⁵, в котором эмигранты стали видеть символ национального праздника, преследовавшего цель – напомнить русским, живущим за пределами отечества, о том, что больше всего связывало их воедино. В эмиграции широко праздновалось 125-летие со дня рождения Пушкина (1924) и особенно торжественно отмечалось 100-летие со дня его трагической гибели (1937), проходившее в 231 городе 42 государств Европы, Азии, Америки, Австралии и Африки⁶. Центром этих торжеств был Париж. В юбилейных номерах газет – «Иллюстрированная Россия» (28 янв. 1937), «Возрождение» (6 февр. вышло особое приложение к газете – «Пушкин. 1837–1937»), «Последние новости» (10 февр.), однодневная газета «Пушкин» (8 февр) – были опубликованы статьи И.А. Бунина, Д.С. Мережковского, Б.К. Зайцева, И.С. Шмелева, М.А. Алданова, В.Ф. Ходасевича, Г.В. Адамовича, С.Л. Франка, П.Б. Струве, П.Н. Милокова, В.А. Маклакова, М.Л. Гофмана,

¹ См.: Зверев А.М. В.Ф. Ходасевич. О Пушкине // Там же. С.374–375.

² См.: Петрова Т.Г. П.Н. Милоков. Живой Пушкин (1837–1937): Историко-биограф. очерк // Там же. С.359–361.

³ См.: Чуйкова О.А. А.М. Ремизов. Огонь вещей: Сны и предсонье: Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский // Там же. С.492–493.

⁴ См.: Петрова Т.Г. С.Л. Франк. Этюды о Пушкине // Там же. С. 570–571.

⁵ См.: Петрова Т.Г. «Пушкин – все наше бытие»: Критика «первой волны» русской эмиграции о творчестве Пушкина // А.С. Пушкин: К 200-летию со дня рождения. Ст. Беседы. Библиогр. М., 1999. С.75–90.

⁶ См.: Филин М. От составителя // Центральный Пушкинский комитет в Париже 1935–1937: В 2-х т. М., 2000. Т. 1. С.13.

Н.К. Кульмана, А.Л. Бема, М.О. Цетлина, В.В. Вейдле, А.В. Тырковой-Вильямс, М.А. Осоргина, Г.Л. Лозинского, С.С. Ольденбурга и др. Все памятные даты, связанные с именем поэта, проводились его соотечественниками под девизом «Пушкин и современность»¹.

И. Шмелёв объяснял, что в зарубежье эти торжества становятся не трезной, а радостной встречей с Россией. Он произнес ставшие знаменитыми слова: «Пушкин — все наше бытие...» П.Н. Милоков размышлял о народности Пушкина и приходил к выводу, что историзм поэта не был понят современной ему публикой и критикой. Б. Зайцев провозгласил Пушкина знаменем свободы, духовной культуры, любви к родине в высшем ее виде, а Н. Кульман писал о том, что «восславление» поэтом свободы стало его «творческим подвигом», который особенно значим «в наш жестокий век».

К проблеме «Пушкин и новаторство» обратился А.Л. Бем. Он заметил, что, несмотря на декларирование в своих лирических манифестах романтического идеала «поэта-пророка» и поэтической независимости, пренебрежения к суду современников («Ты сам свой высший суд»), Пушкин тем не менее всегда осознавал, что всякое новшество должно «считаться с реальными условиями своего времени, с его «духом» и обязано «держаться в рамках реалистического учета возможных преобразований существующих норм и обычаев». Все это, по мнению А. Бема, определило «историзм» Пушкина, сказавшись на его отношении к литературным новациям: поэт «удивительным образом сочетал в себе смелость и трезвость, прозрение в будущее и учет настоящего»².

Размышляя над вопросами новаторства и творческого своеобразия поэта, П.М. Бицилли приходил к важному для себя выводу: Пушкин «иррационализировал историческое и политическое» в лирике и тем самым «углубил и возвысил» «национальное чувство» и «национальную идею»³. По мнению Е. Ляцкого⁴, поэт понимал современную ему самодержавную и крепостную Россию в одном нераздельном представлении с ее восточноевропейским прошлым, т.е. судил о ней слитно — как мысли-

¹ Чельшев Е.П. Российская эмиграция: 1920–30-е годы: История и современность. М., 2002. С. 70.

² Все статьи, рассмотренные выше, см: Пушкин. Париж, 1937. 8 февр. (одноднев. газ.).

³ Бицилли П.М. Этюды о русской поэзии. Прага, 1926.

⁴ Ляцкий Евг. Пушкин и его историческая мысль // Науч. труды Рус. народ. ун-та в Праге. Прага, 1928. № 1.

тель и как историк. Именно историзм, полагал критик, постепенно стал предпосылкой его политической мысли.

Два «главных силовых напряжения» пушкинского творчества — «империя и свобода» — выделил Г.П. Федотов. Критик считал, что, «отрехшись от революции», поэт «не отрекался от свободы», которая лишь «менялась в своем содержании», тогда как тема империи оставалась «константой его творчества»¹. «Поэтом империи» назвал Пушкина и С.С. Ольденбург, настаивая, что русский гений «не принадлежал к числу бунтарей»: «Он больше утверждал, нежели отрицал, — и он был кровно связан со всем величавым строем Императорской России»². Основным «фундаментом» политического мировоззрения Пушкина, согласно С. Франку, было национально-патриотическое умонастроение, оформленное как государственное самосознание. По общему своему характеру политическое мировоззрение поэта представляло собой «консерватизм», проникнутый определенными «либеральными началами». По мнению критика, своеобразие мировоззрения поэта слагалось из трех основных моментов: во-первых, из убеждения, что историю творят и поэтому государством должны править не «все», не средние люди или масса, а избранные, вожди, великие люди; во-вторых, из тонкого чувства «исторической традиции как основы политической жизни». И наконец, в-третьих, «из отвращения к насильственным переворотам» и забот о «мировой непрерывности политического развития»³.

Д.С. Мережковский в своих суждениях о Пушкине как продолжателе дела Петра, отмечал, что оба они «пророчески угадывают» назначение России — соединить «Восток и Запад в грядущей всемирности». По убеждению критика, поэт нужен «обеим Россиям», ибо «он — примиритель, соединитель, тот, кто делает из двух одно и разрушает стоящую посреди преграду», он — «огненный столп, ведущий нас в пустыне изгнания на Родину»⁴.

Однако, согласно Мережковскому, Пушкин менее всего был рожден политическим бойцом и проповедником. Он «дорожил свободой как внутренней стихией», необходимой для развития его гения. Именно по-

¹ Федотов Г.П. Певец Империи и Свободы // Совр. записки. Париж, 1937. № 63. С. 358.

² Ольденбург С.С. Поэт империи // Пушкин. 1837–1937. Париж, 1937. 6 февр.

³ Франк С. Пушкин как политический мыслитель. Белград, 1937. Цит. по: Франк С.Л. Этюды о Пушкине. М., 1999. С. 62.

⁴ См.: День рус. культуры. Париж, 1926. 8 июня.

требность в «высшей свободе», по мысли критика, и привела поэта к безысходному столкновению «с русским варварством», что и стало главной внутренней причиной его преждевременной гибели. А потому во всей русской истории «нет более горестной и знаменательной трагедии, чем жизнь и смерть Пушкина».

Эта статья¹ вызвала полемику, в которой приняли участие С. Булгаков, В. Зеньковский, С. Франк, И. Ильин, П. Струве, Г. Адамович, К. Зайцев и др. Протоиерей С. Булгаков, например, утверждал, что именно смерть поэта, озаренная «потусторонним светом», является «ключом к пониманию» всей его жизни. В «духовной трагедии» Пушкина его кончина стала «катарсисом», «достойным завершением жизни» и в этом смысле как бы «апофеозом» поэта². В.В. Зеньковский подчеркивал, что постоянная «глубокая и серьезная духовная работа» сообщила произведениям Пушкина ту «пламенеющую силу», действие которой навсегда осталось в русской культуре³.

С. Франк отметил, с одной стороны, несомненное и бесспорное художественно-литературное влияние поэта на всю позднейшую русскую словесность, а с другой — непонимание духовного мира Пушкина, равнодушные к нему или даже прямое его отвержение⁴. Против подобного отношения к духовному наследию поэта, напоминал С. Франк, протестовали и Достоевский в своей известной речи, и Д. Мережковский в «Вечных спутниках», и М.О. Гершензон, призывавший вникнуть в «мудрость Пушкина». Поэт никогда не проповедовал отвлеченного, самодовлеющего эстетизма, подчеркивал критик, ибо поэзия была для него «выражением религиозного восприятия мира», чуткого внимания к «божественному глаголу». «Прекрасное должно быть величавым», — утверждал С. Франк, возражая вместе с тем Гоголю, который, несмотря на все свое преклонение перед Пушкиным, обвинил его в том, что он якобы «ничего не хотел сказать своему времени, никакой пользы соотечественникам не замыслил (“сам поэт... на битву не вышел”)

Русское сознание тотчас же после Пушкина, продолжал С. Франк, пошло «по пути негодования на мировое зло, его обличения и борьбы с ним» (Гоголь, Лермонтов, Достоевский). Мучимое неразрешен-

¹ Мережковский Д.С. Мысли о Пушкине // Пушкин. 1837–1937. Париж, 1937. 6 февр.

² Булгаков С. Жребий Пушкина // Новый град. Париж, 1937. № 12.

³ Зеньковский В.В. Памяти А.С. Пушкина // ВРСХД. Париж, 1937. № 1–2.

⁴ Франк С. Пушкин и духовный путь России // Пушкин. Париж, 1937. 8 февр.

мым противоречием между «несовершенством эмпирического мира» и «Божьим замыслом мира», оно проникнуто «мировой скорбью... и духом борьбы за правду». У Пушкина совсем иначе: его основная, определяющая религиозно-метафизическая установка — «сочувствие» всему живому на земле, или, пользуясь его собственным термином, «благоволение». Поэт действительно «на битву не вышел», потому что позиция «битвы» была не для него: его поэтический гений совпадал с раскрытостью духа к восприятию «божественного смысла мирового бытия», — утверждал С. Франк. Этот основной принцип мировоззрения Пушкина нашел выражение в заключительных его словах о Радищеве: «Нет убедительности в отношениях; нет истины, где нет любви». Весь трагизм последующего духовного пути России в конечном счете определен тем, что этот завет Пушкина был забыт и отвергнут. К такому выводу приходит С. Франк. В более ранней работе он доказывал, что «в безмерно богатом и глубоком содержании духовного мира» поэта «религиозное чувство и сознание играют первостепенную роль». Критик выделил тогда три основные тенденции, определившие, по его мнению, духовный склад Пушкина: «...склонность к трагическому жизнеощущению, религиозное восприятие красоты и художественного творчества и стремление к тайной, скрытой от людей духовной умудренности»¹.

И.А. Ильин, подключаясь к дискуссии, главное «задание Пушкина» увидел в стремлении поэта «духовно наполнить» и оформить «русскую душевную свободу» и тем самым «оправдать ее религиозно и исторически», указать ей пути, «заложить основу ее воспитания», а в конечном итоге дать русскому народу жизненно важные ориентиры: жить «в глубочайшей цельности и искренности», т.е. жить «божественным содержанием», воплощенным «в совершенную форму»². По мысли критика, такое задание Пушкин принял, «разрешил и совершил», став «солнечным центром нашей истории».

По-своему отвечал на вопрос о том, в чем величие Пушкина и загадка неуклонного роста его значения для России и русской культуры, П.Б. Струве. Он усматривал особую религиозность зрелого Пушкина: поэт предполагал «не погружение в Божество и не Его утверждение мыслию, а “касание мирам иным”... стыдливое, сдержанное приближение»,

¹ Франк С. Религиозность Пушкина // Путь. Париж, 1933. № 40. Цит. по: Франк С.Л. Этюды о Пушкине. М., 1999. С. 8–9, 14.

² Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина. Рига, 1937.

когда дух только «смирненно склоняется перед неизъяснимым»¹. Подлинное величие поэта протоиерею Иакову Ктитареву виделось в изображении красоты человеческого духа, в религиозном понимании жизни и в той «бодрости духовной», которая «излучается из его верующей души и горит в его бессмертных творениях». Свое «верую» Пушкин выразил в стихотворении «Поэт»².

Совершенство пушкинской поэзии, согласно Г. Адамовичу, основано на «зрелой ясности духа». И хотя Пушкина принято считать родоначальником новой русской литературы, но своим духовным обликом и даже «столь дорогой ему, столь недоступной нам идеей творческого совершенства» поэт, по мысли критика, был обращен назад, к XVIII в., и «остался позднейшему русскому развитию чужд»³. Г. Адамович полагал, что гётевское или шекспировское начало в Пушкине было неизмеримо сильнее дантевского. «...В сущности, и Лермонтов, и Гоголь... были как бы безотчетной, но страстной репликой Пушкину, немедленным ему возражением. И Гоголь, и Лермонтов эстетически заплатились за измену утратой чистоты... но именно они по контрасту и оттенили облик Пушкина», — утверждал Г. Адамович.

В обсуждаемой здесь дискуссии, начатой Д. Мережковским (6 февр. 1937 г.), в полемическом аспекте рассматривались некоторые ранее публиковавшиеся работы В.Ф. Ходасевича⁴, а также известная статья «О пушкинизме»⁵ (Возрождение, 1932. 29 дек.). Критик отмечал здесь, что историческое значение речи Достоевского заключалось в открытии пророческого явления поэта. Именно в тот день, по его мнению, и было предрешено возникновение науки о Пушкине. Задачу пушкинизма

¹ См.: Пушкин. Париж, 1937. 8 февр..

² См.: Там же.

³ См.: Последние новости. Париж, 1937. 10 февр.

⁴ В сложных отношениях притяжения-отталкивания к работе В. Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина» (Л., 1924), главами печатавшейся в 1923 г. в берлинском журнале «Беседа» и в переработанном виде вошедшей в его книгу «О Пушкине» (1937), находились и П.М. Бицилли («Поэзия Пушкина» — один из трех его «Этюд о русской поэзии», 1926), и М.Л. Гофман («Пушкин: Психология творчества», 1928), и др. С работой В. Ходасевича книги двух названных критиков сближает тема, вынесенная М. Гофманом в название своего труда. А идея о «внушающе действенном» повторении слов и образов в поэзии Пушкина, по мнению М. Цетлина (Совр. записки. Париж, 1926. №3), особенно близка названным работам Бицилли и Ходасевича.

⁵ Г.П. Струве отмечал, что В. Ходасевичем о Пушкине и его эпохе в газетах и журналах было опубликовано более ста статей.

критик видел в стремлении обеспечить возможность «правильного чтения, необходимого для понимания и ему предшествующего». Само же понимание, толкование эстетическое и философское В. Ходасевич выводил за пределы собственно пушкинизма, призванного собрать все написанное Пушкиным, выверить и «дать полный и верный текст». Проникнуть внутрь творческого процесса поэта, понять его во всей полноте, возможно лишь имея подробный комментарий к его стихам и прозе, основанный на точном знании его жизни, ибо «нельзя понять эту поэзию во всем объеме и во всей глубине, не изучив и не поняв эту жизнь». А потому работа по изучению пушкинской биографии стала второй, столь же важной отраслью пушкинизма, как исследование его текста. И за последние тридцать лет, подчеркивал В. Ходасевич, сделано было очень много. Однако критик выступал против схоластических крайностей академического пушкиноведения, отметил и черты кризиса, поразившие эту дисциплину.

С позицией В.Ф. Ходасевича оказался солидарен К.И. Зайцев (статья «Борьба за Пушкина» // Харбинское время, Харбин, 1937. 11 февр.). Критик разграничивал два враждебных подлинному и «живому» Пушкину потока. Один, «аполитический», поток «пушкиноведческого крохоборства», уходящий корнями в далекое прошлое: в составе академической пушкинистики критик подметил опасность «научообразной мертвечины». Другой поток — «неприкрытая пропаганда», где создавался новый миф о «пролетарском», «революционном» поэте.

О неудовлетворительном состоянии русского пушкиноведения писал также С. Франк¹, подчеркивая настоятельную необходимость заняться исследованием многогранности «духовного содержания» творчества и личности поэта. Он полагал, что по образцу «поэтического хозяйства» Пушкина, «так интересно прослеженного Ходасевичем», необходимо исследовать то, что можно было бы назвать его «духовным хозяйством», т.е. те основные «духовные темы и идеи», которые проходят через все его творчество. По мнению С. Франка, к ним относятся: идея равнодушия природы к человеческой судьбе и ее трагизму; убеждение в невозможности счастья; мысль о привлекательности опасности, риска жизнью; идея «пенатов», культ домашнего очага, семьи, домашнего уединения как основ духовной жизни; идея просветления через страдания,

¹ Франк С. О задачах познания Пушкина // Белградский пушкинский сборник. Белград, 1937.

тихой радости на дне скорби; воспоминания детства как основы жизни и отсюда неколебимая верность месту, где протекало детство, друзьям детства и отрочества; связь эротической любви с религиозным сознанием; особая значительность осени как космического состояния, близкого трагизму человеческой жизни; ничтожество славы и религиозное призвание поэта; мотив покаяния и нравственного очищения и многое другое.

О Лермонтове в рассматриваемый период было написано значительно меньше работ, чем о Пушкине¹. Две памятные даты, связанные с его жизнью и смертью, пришлось на военные годы — 1939 и 1941, а потому о широком чествовании поэта не могло быть и речи.

Известный афоризм Д.С. Мережковского: «Пушкин — дневное, Лермонтов — ночное светило русской поэзии», — отразил устоявшееся в отечественной культуре сравнение Лермонтова и Пушкина с акцентом на преимущества второго². В зарубежье возникали и противоположные тенденции. Отталкиваясь от «имени Пушкина» (П.Б.Струве), критики пытались определить место Лермонтова в «хронотопе нашей истории» и «степень его близости всевозможным чаяниям первой эмиграции»³. При этом часто сопоставлялись нередко не сами поэты, но «идеологизированные мифы о гениях», где миф о Лермонтове подчас отождествлял его с Печориным, но такой «по духу» Лермонтов не мог быть близок подавляющему большинству эмигрантов, ибо «демонизм», «нищенство», «торжествующий эгоизм» (В. Соловьев) уже были пройдены Россией и ее творческой элитой на рубеже трагического XX в.⁴ Д. Мережковский 11 мая 1930 г. на вечере поэзии, посвященном Лермонтову, специально обратил внимание на то, что за «демоничностью» Лермонтова не разглядели его «ангеличность».

Символику личных судеб двух великих русских поэтов, гонимых и в конце концов погубленных «чернью», сравнивал В.Н. Ильин, обнаруживая при этом «принципиальное различие» их «жизненного рока»⁵. Ес-

¹ См.: Захаров В.А. М.Ю.Лермонтов // ЛЭРЗ. Т. 4. Русское зарубежье и всемирная литература. Ч. 2. М., 2002. С.129–148.

² Одно из самых ранних в эмиграции противопоставлений поэтов было предпринято в первых номерах журнала «Числа» (Париж, 1930).

³ Филин М.Д. От составителя // Фаталист: Зарубежная Россия и Лермонтов. М., 1999. С.11.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Ильин В.Н. Печаль души молодой (М.Ю. Лермонтов) // Вестн. РСХД. Париж, 1932, № 1.

ли Пушкин «прежде всего и после всего — артист», находящийся «как бы весь во власти той стихии человеческого существа, которая именуется душой», то Лермонтов — «мыслитель и трагический духовидец», «дух и в то же время тяжелая, мрачная, непросветленная плоть», невидимые нити связывают его с Достоевским, полагал критик¹. Он трактовал кончину Пушкина как несчастный случай, нечто для поэта внешнее, а в гибели Лермонтова видел плохо замаскированное самоубийство. Тема Достоевского: «Страдание — есть причина сознания», — имеет множество трансформаций и среди них, согласно В.Н. Ильину, личность и творчество Лермонтова — одна из важнейших.

В эмиграции суждения о поэте отличались не только полемичностью, но высокой степенью критичности по отношению к его наследию. Так, П.М. Бицилли в главе «Анализ поэтического творчества Лермонтова», вошедшей в его книгу «Этюды о русской поэзии» (Прага, 1926), отмечал, что поэтическое новаторство Лермонтова осталось незамеченным, а потому и его роль как «обновителя русского поэтического языка» была впоследствии забыта. Критик считал, что Лермонтов никакого литературного движения собой не продолжает, «ни от кого не исходит», ничего не завершает, а лишь начинает.

Г.В. Адамович, ведущий критик парижской газеты «Последние новости», на протяжении жизни многократно обращался к творчеству Лермонтова, о котором, по его признанию, ему было говорить легче, чем о Пушкине. По мнению Адамовича, в 30-е годы Пушкин «иссякал» и его «точил червь простоты», в «Медном всаднике» «нет уже внутренней уверенности», а «мировые бездны» у самого поэта «довольно скромные»². В подобных высказываниях А. Бем увидел опасность культа Лермонтова и умаление роли Пушкина, тем более что Г. Адамовича он воспринимал как теоретика «антипушкинского движения», представителя новой «писаревщины», отмеченной «нигилистическим» отношением «к нашим культурным ценностям»³. Начав длительную полемику с Г. Адамовичем, А. Бем подчеркивал, что русская литература «в ее самых сложных проблемах укоренена в Пушкине».

Г. Адамович, со своей стороны, утверждал, что поэзия — «дело сложное, таинственное, и Лермонтов в ней явление слишком неповтори-

¹ Цит. по: Фаталист: Зарубежная Россия и Лермонтов. С. 11.

² См.: Числа. Париж, 1930. Кн. 1. С. 138, 142, 143; Там же. Кн. 2/3. С.167, 168.

³ Бем А. Культ Пушкина и колеблющие треножник // Руль. Берлин, 1931. 18 июня.

мое, чтобы кто-нибудь мог его затмить, заслонить»¹. Обращаясь к лермонтовской прозе, он акцентировал внимание на ее новизне по сравнению с прозой современников и на ее обращенности к будущему: «Лермонтов ищет правдивости, полноты и глубины человеческого образа. Внутреннее у него впервые противопоставлено внешнему».

Все это побуждало А. Бема и в последующих работах говорить об опасности культа Лермонтова, связывая с этим «глухоту к столь бесспорным культурным ценностям» и «некоторый отрыв от культурной традиции»². С тревогой критик писал о том, что молодое литературное поколение эмиграции, на его взгляд, недооценивает значение утраты традиции, ибо без нее литература «может незаметно для себя перестать быть русской по своему существу», оставаясь русской лишь по языку³. Поэтому столь грустные чувства вызывал у критика тот факт, что в жизни литературной молодежи Пушкин «не играет сейчас роли “культурообразующего” фактора».

Г. Адамович, напротив, полагал, что в эмиграции и в советской России происходит некоторое разделение по признаку ориентации на одного или другого из двух поэтов. Таким образом, это явление показывает, что, во-первых, «у новых поколений есть чувство преемственности, сознание связи всего прошлого со всем будущим» и что, во-вторых, Пушкин и Лермонтов не стали еще «музейными ценностями», которые хранятся, оберегаются, изучаются, восхваляются, но ничему реальному уже не служат⁴. Если в суждениях о них высказываются смелые или даже недостаточно почтительные мысли, то это — не беда, ибо для памяти поэта «тяжелее и оскорбительнее было бы превратиться в реликвию, к которой воспрещается подходить на слишком близкое расстояние»⁵. А это, по мысли Адамовича, едва не случилось с Пушкиным, тогда как Лермонтову, наоборот, пришлось выдерживать охлаждение многих литературных «мэтров».

¹ Адамович Г. Лермонтов (15/28 июля 1841) // Последние новости. Париж, 1931. 1 авг.

² Бем А. Письма о литературе: Свое и чужое // Меч. Варшава, 1934. № 17–18. С. 6.

³ Бем А. Письма о литературе: Свое и чужое // Меч. Варшава, 1934. № 17–18. С. 7.

⁴ Адамович Г. Пушкин и Лермонтов // Последние новости. Париж, 1931. 1 окт.

⁵ Там же.

Объясняя, чем Лермонтов близок молодому поколению, формировавшемуся в условиях кризиса эпохи, Г. Адамович утверждал, что поэт «пленяет тоном» своей «непоправимо трагической», «безутешной» и потому «бескомпромиссной» поэзии. Он привлекает к себе сердца и сознание людей тем, что у него «представление о человеке и мире не закончено, не завершено, не приведено в равновесие и порядок — и потому во всех обращенных к будущему мечтах и помыслах он является спутником, сотрудником, а не укоряющим идеалом»¹.

В статьях юбилейного 1939 г. Адамович вновь выступал «адвокатом» поэта. Назвав его самым ранним литературным увлечением символистов («русских мальчиков»), критик в статье «Лермонтов» (Последние новости, 1939. 28 июля) еще раз отмечал, что Брюсов и его окружение, включая Гумилёва, стали называть Лермонтова «третьестепенным» стихотворцем, тогда как Блок «любил Лермонтова страстно», и сейчас, с концом «брюсовского периода русской поэзии», снова восходит «звезда» Лермонтова.

Поэт что-то добавляет к Пушкину, «отвечает ему и разделяет с ним, как равный, власть над душами», — подчеркивал Г. Адамович в другой статье (Последние новости, 1939. 19 дек.). Лермонтов ворвался в пушкинскую эпоху «как варвар и как наследник», «как разрушитель и как продолжатель»; «ему в ней тесно, и, может быть, не только в ней...» В его стихах критик прежде всего акцентировал внимание на поразительности интонации и звука, в отличие от тончайшего подбора слов, которыми пленяют Пушкин и Тютчев. Обращаясь к роману «Герой нашего времени», Г. Адамович утверждал, что «до Льва Толстого никому у нас и не снилось писать на такой высоте (конечно, Гоголь не в счет. Но Гоголь писатель фантастический, и насколько его реализм призрачен — именно при сопоставлении с истинным реализмом, Лермонтовым, и становится ясно)». Критик завершал статью риторическими вопросами: что внесли бы Пушкин и Лермонтов в русскую литературу, проживи они долгую жизнь, и почему ни того ни другого в России не уберегли?²

В юбилейный год внимание критиков концентрировалось преимущественно на «светлых сторонах» творчества поэта. Прежде всего кри-

¹ Там же.

² Позднее, в статье «Поэзия в эмиграции» (Опыты. Нью-Йорк, 1955. №4), Г. Адамович вновь подчеркивал, что имя Лермонтова, «подлинно религиозного поэта», «метафизика христианства», было выдвинуто в эмиграции в противовес Пушкину.

тики стремились «защитить» поэта от давних обвинений, предъявленных ему в речи-статье В. Соловьева «Лермонтов» (Вестник Европы. СПб., 1901. № 2), оказавшей большое влияние на творческую интеллигенцию дореволюционной России. Напомним здесь, что молодой Д. Мережковский, отгалкиваясь от идей В. Соловьева в своей брошюре «М.Ю. Лермонтов: Поэт сверхчеловечества» (СПб., 1909), писал о поэте-богоборце, отмечал его бытийный метафизический бунт и говорил о том, что где-то в глубине души поэта «остался уголок, неутоленный Пушкиным».

Спустя полвека чтение книги Д. Мережковского «Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы» (СПб., 1897; 2-е изд. СПб., 1899) заставило П.С. Ставрова¹ вновь вспомнить В. Соловьева. Тот «осудил» Лермонтова «на вечные муки» за его «бунтарство, богоборчество, за отсутствие христианского смирения», написав страшные, «ужасающе несправедливые слова» о поэте, который, как считал философ, «Божью волю» принимал «как личную обиду». Критик вспомнил и слова Д. Мережковского в защиту поэта: «Кто знает, не скажет ли Бог осудителям Лермонтова того, что сказал Он друзьям Иова: “Гнев Мой на вас, ибо вы не так праведно говорите обо Мне, как восставший на Меня Иов”».

В полемику с В. Соловьевым вступил и Г. Мейер, написавший о поэте не одну статью. В работе «Недрузи Лермонтова» (Возрождение, 1939. 28 июля) критик заявил, что у поэзии Лермонтова «больше интимных друзей и поклонников, чем у поэзии Пушкина», и ополчился на «жуткое утверждение» философа о Мартынове как «роковом орудии кары», якобы заслуженной Лермонтовым за «полную соблазна и демонизма поэзию».

В газете «Возрождение» 24 ноября 1939 г. было опубликовано несколько выступлений, посвященных поэту. И. Тхоржевский в статье «Огненной тени: (Лермонтовская годовщина в эмиграции)» видел долг русского зарубежья в том, чтобы «отстоять в русской памяти неискаженный героический облик настоящего Лермонтова: в его военном мундире, в его российском сиянии, с его безмерной личной свободой, с его неотступной мыслью о Боге». И. Лукаш в статье «По небу полуночи...» обратился к таким стихотворениям, как «Выхожу один я на дорогу» и «Молитва», и отметил, что народ «услышал в Лермонтове» «молитву», кото-

¹ Ставров П.С. Вечный спутник // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1949. 12 июня.

рая «была откровением, завершением всего его гения». Б. Зайцев в статье «О Лермонтове» писал, что поэт «навсегда сказал нечто русскому сердцу не только ямбами и тканью фраз “Героя нашего времени”, но всем своим обликом, огромными бесцветными глазами, горечью, томлением по Божеству и восстанием на жалкую человеческую жизнь, скорбным одиночеством, отблеском трагедии, сразу легшим на его судьбу. Полюбили подземную его стихию, сжатую многими атмосферами давления, как в вулканической горе. Никак не байронизм вызывал поклонение, а почуянный в глубине “ангел”, зароненный небесный звук». Критик полагал, что «не Гоголь развивал и укреплял линию пушкинской прозы», а именно Лермонтов сделал это своим «Героем нашего времени», подготавливая переход к Тургеневу и даже к Л. Толстому. Б. Зайцев увидел здесь «начало спокойной реки» русского романа, с описаниями, «красками — тем, без чего роман обойтись не может», и приходил к выводу, что «байронически-романтический Лермонтов дальше, чем Пушкин, двинул изобразительную возможность прозы».

В юбилейный год вышла книга К. Мочульского «Великие русские писатели XIX в.» (Париж, 1939). Здесь, в статье «Лермонтов», он обратил внимание на то, что лермонтовский Демон не похож на библейского сатану: «... не любит зла, ибо нигде не встречает сопротивления», тоскует по тем дням, когда он был «в жилище света», тяготится своим могуществом, одиночеством и своей свободой¹. По мнению критика, образ Демона остался не ясным до конца и самому Лермонтову, который подчеркивал искренность его любви, раскаяние, обращение к «добр», а вместе с тем и давал понять, что «его вдохновенные и пламенные речи были только соблазном и обманом... образ падшего духа дробится и расплывается. Мы так и не знаем, к чему стремится Демон: спасти себя любовью чистой девушки или погубить ее своими коварными соблазнами. И эта двойственность знаменательна: в самом поэте была борьба добра со злом, нераскаянной гордыни и жажды искупления»².

В Печорине, по мысли К. Мочульского, «болезнь века» углубилась и странный недуг неверия, сомнения, бессердечия поразил уже «самые источники жизни», и потому Онегин еще просто «чужак», а Печорин уже «нравственный калека». В его образе «русская болезнь века» была раскрыта Лермонтовым во всей ее зловещей глубине. «Сильная личность,

¹ Цит по: Фаталист: Из наследия первой эмиграции. С. 101.

² Там же. С. 103.

властолюбивая и ледяная, волевая и бездеятельная, дошла до саморазложения. Весь путь был пройден. Романтический прекрасный демон был развенчан»¹, — заключал критик.

Размышляя о Печорине и его создателе, К.И. Зайцев подчеркивал, что он является «героем», но лишь «своего времени», и автор правдиво «объективирует ... болезненные веяния века, отложившиеся в нем самом»². Однако Печорин не укладывается в заданную «тезу»: нечто «нечеловеческое» и одновременно «мертвящее» отличает его от Онегина и выделяет вообще из всех многочисленных «героев своего времени». «В Печорине обитает Демон», «Печорин — Дух Зла», который «обладал таинственной властью» и над самим Лермонтовым, и «борьбой с ним является в значительной мере все творчество поэта»³.

Вяч. Иванов в статье «Лермонтов» (1947—1948), на новом этапе возвращаясь к символистскому кругу идей, стремился показать, что миф «Демона» «основан на внутреннем созерцании архетипа Небесной Девы», рожденной «прежде всех век», ибо поэт обладал врожденным даром «видеть вокруг всех вещей как бы излучение вечной идеи»⁴. Лермонтов хотел отобразить идею Вечной Женственности, «предсуществовавшую вселенной». Демон не мог удовлетвориться радостью рая, потому что «не находил это женское существо... но он ощущал его присутствие, сокрытое в лоне Бога»; Демон владеет знанием вещей и «предугадывает Премудрость, еще не явленную»⁵.

Истолкованный таким образом миф, как полагал Вяч. Иванов, перестает быть бессвязным, «и воистину сатанинским оказывается страстное стремление Демона вырвать палладиум всемогущества — Премудрость Божию — из рук Творца»⁶. Критик писал и о том, что Лермонтову был присущ особый дар видеть вокруг вещей как бы «излучение вечной идеи», т.е. «угадывать предсуществование». Вяч. Иванов продолжил мысль В. Соловьева о том, что Лермонтов и один из его предков — Томас Лермонт, ставший героем поэмы В. Скотта «Томас Рифмач», — обладали

¹ Там же. С. 108.

² Зайцев К.И. О «Герое нашего времени» // Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. Харбин, 1941. С.1—8.

³ Зайцев К.И. О «Герое нашего времени» // Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. Харбин, 1941. С.1—8.

⁴ Цит. по: Фаталист: Из наследия первой эмиграции. С. 164.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Там же. С. 163.

схожим поэтически-мистическим даром, и оба вели «двойную таинственную жизнь».

В жанре повести выступил Ю. Фельзен. В своих «Письмах о Лермонтове» (Париж, 1935) он утверждал, что главной лермонтовской любовью был Пушкин, а не Байрон; он говорил о пристальном внимании Лермонтова к человеку, проводил параллель между поэтом и своим поколением. «Герой нашего времени» и последние стихотворения Лермонтова (их тон и смысл) служили основанием для утверждения Фельзена, что поэту «предстояло сделаться именно писателем-психологом»; написанное им положило «начало русского психологического романа», того, чем русское искусство прославилось и утвердилось. Все отчетливее понимая свое место и свою роль в литературе, Лермонтов перед смертью стремился к отставке, к «толстому журналу» и упорядоченной писательской деятельности, «ко всей той внешней перемене, которая единственно могла его сохранить»¹. В. Ходасевич, высказав ряд критических замечаний, отметил у Фельзена страницы, проникнутые «большой, но сдержанной силой», раскрывающие поразительную «внутреннюю честность Лермонтова», его «сосредоточенное внимание к человеку», «трагическое в нем чувство ответственности, непоколебимую готовность расплачиваться за свои слова и поступки»².

В литературно-критическом наследии эмиграции отразилось бесконечное уважение к личности и творчеству А.П. Чехова, олицетворявшего для «России в изгнании» высшие этические ценности русской литературной классики³. Вместе с тем была очевидна важная тенденция — выявить и определить своеобразие его дарования в сопоставлении с корифеями отечественной литературы. Критики находили в произведениях писателя «отзвуки» Г.Р. Державина (В. Ходасевич), А.С. Пушкина (Г. Адамович), Н.В. Гоголя (П.М. Бицилли), И.С. Тургенева (М. Цетлин, П.М. Бицилли), Ф.М. Достоевского (П.М. Бицилли, М. Цетлин, М. Курдюмов), Л. Толстого (М. Цетлин).

В эмиграции в 1920 г. одним из первых о Чехове высказался Д.П. Святополк-Мирский, назвавший его писателем, который отличается «полной свободой от проповедничества и поучения» и принадлежит но-

¹ Цит. по: Фаталист: Из наследия первой эмиграции. С. 69.

² Ходасевич В. Книги и люди // Возрождение. Париж, 1935. 26 дек.

³ См.: Петрова Т.Г. Чехов в литературной критике русского зарубежья // А.Н. Островский, А.П. Чехов и литературный процесс XIX–XX вв. М., 2003. С.421–433.

вым временам (Русское письмо. Вводное // The London Mercury. 1920. Дек. Т. 3. № 14). М. Цетлин полагал, что для писателя более всего важен грустный вечерний «тон», он определил Чехова как первого русского импрессиониста, открывшего «сумерки» и «полутона». В отличие от Тургенева, который описывает наружность своих героев, подробно рассказывает об их прошлом, Чехов какой-то легкой светотенью «изнутри моделирует фигуры людей, освещает лица», — писал М. Цетлин в статье к 25-летию со дня смерти писателя¹. Смену настроений критик выделил как излюбленный чеховский прием. Изображая тончайшие оттенки «неподвижного» чувства, Чехов дает одно настроение, которое сразу же, без переходов сменяется другим. Таковы его «Учитель словесности», «Три года», «Соседи». Однако чеховский импрессионизм, уточнял Г. Адамович, был «всего лишь приемом», в то время как сердце писателя «разрывалось от сочувствия, ужаса, печали, жалости, любви» (Последние новости. Париж, 1929. 14 июля). Критик считал, что главное очарование писателя — именно любовное.

Великая доброта, ставшая «естественной окраской его таланта», пронизывает книги Чехова, полагал В.В. Набоков. В своих статьях он поставил Чехова третьим вслед за Л. Толстым и Гоголем, оставляя в стороне предшественников — Пушкина и Лермонтова. Однако критик акцентировал внимание на том, что Чехов не моралист, но истинный художник, которому прежде всего необходимо изобразить «живого человека», не заботясь о политической назидательности и литературной традиции. Мир для писателя смешон и печален одновременно, но, «не заметив его забавности, вы не поймете его печали, потому что они нераздельны»², — утверждал В. Набоков. Чехов первым из писателей отвел подтексту важную роль в передаче конкретного смысла. Русского читателя понастоящему привлекало то, что в чеховских героях он узнавал тип русского интеллигента, идеалиста. Его герои милы именно потому, что беспомощны, утверждал В. Набоков.

Если Г. Адамович писал о человечности, как важнейшей черте Чехова, то П. Бицилли специфику этой черты увидел в «снисходительно-сострадательном отношении ко всему живому с необходимо-присущим

¹ Совр. записки. Париж, 1930. № 41. С. 486.

² Цит. по: Набоков В.В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Толстой, Тургенев. М., 1996. С. 327.

такому отношению оттенком юмора»¹. Жалость к человеку, каков бы он ни был, более того — ко всему существующему на свете, доминанта чеховского восприятия жизни, убежден П. Бицилли, отметивший «родственность» «хмурых людей» 80-х годов у Чехова и «лишних людей», «уездных Гамлетов» 40-х годов у Тургенева. Однако чеховские «лишние люди», по мысли Ю. Айхенвальда, не расчищают себе дороги «в сутолоке человеческого действия», а тоскуют «по высшей красоте и правде», тяготеют к идеалу, «к своей нравственной “Москве”», они — «люди с одухотворенными лицами и больными сердцами»². Самую характерную и прекрасную черту литературной манеры Чехова критик видел в удивительном сочетании объективности и тонко-интимного настроения — «элегического одухотворения действительности». Воспоминания с их чарами и муками важной гранью входят во все творчество писателя и нередко образуют колорит и настроение его рассказов.

Е.В. Спекторский как доминанту творчества Чехова выделил «сочувствие к страданию»³. По мысли В. Ходасевича, славу Чехову создал его лиризм. Но будущий читатель под лирикой писателя найдет «подлинный, первоначальный двигатель чеховского творчества — эпос» (Возрождение. 1929. 15 июля). О духовной свободе писателя говорили М. Цетлин (Современные записки. 1930. № 41) и П. Пильский (Сегодня. 1929. 14 июля).

Вопрос о религиозности Чехова был поставлен сразу же после смерти писателя. В эмиграции, как и прежде на родине, на него отвечали по-разному. Задаваясь вопросом, лишен ли Чехов ощущения Бога и совершилось ли с ним исчезновение божества из русской литературы, Г. Адамович склонялся к тому, чтобы дать положительный ответ. Противоположное мнение высказали М. Курдюмов, В.Н. Ильин, Б. Зайцев, К.В. Мочульский и др.

Так, М. Курдюмов (под этим псевдонимом скрывалась М.А. Каллаш) сделал попытку пересмотреть традиционное представление о писателе как позитивисте и атеисте, склонялся видеть подсознательную религиозность Чехова. Писатель, по мысли критика, не интересовался «течениями прогрессивной мысли» именно потому, что все его творчество зрелого периода «стоит основами своими как раз в центре так

¹ Цит. по: Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 588.

² Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 323.

³ Спекторский Е.В. Чехов. Белград, 1930. С.43.

называемых «вечных» русских вопросов», над разрешением которых постоянно билась мысль Ф. Достоевского, а человеческая скорбь была несравнимо дороже Чехову и важнее всякой «гражданской скорби»¹. Сквозь его рассказы проходит жалость к человеку, к его беспомощности и ничем не оправданным страданиям.

В отличие от М. Горького, писатель всем своим творчеством как бы говорил: «Человек — это звучит трагически. Это звучит страшно и жалостно до слез»². Поэтому М. Курдюмов назвал главной темой писателя трагическую судьбу человека в мире. Все персонажи писателя, которые не запаковали себя в «футляры» ежедневных забот, мелкого тщеславия и узкоматериальных интересов, — все они, по словам критика, страдают от неразрешимости самого важного и основного для человека вопроса — о смысле человеческого бытия. О смысле жизни вообще. И потому на первом плане у Чехова стоит проблема личности и ее судьбы; личности в существе своем абсолютно одинокой. По мысли М. Курдюмова, незнание высших целей бытия мучает и опустошает душу героев. Поэтому «лишним» сознает себя и дядя Ваня, более чем добросовестно исполняющий принятые на себя обязательства. Писатель почувствовал, подчеркивал критик, что в какой-то мере «все наиболее духовно требовательные люди его эпохи» хотя бы в отдельные моменты своего бытия ощущают себя «лишними»³. При этом Чехов никогда не забывал, что «человек есть образ Божий, хотя бы и изувеченный и искаженный до неузнаваемости». Отсутствие высшего оправдания и высших целей бытия выступает одной из главных причин неудовлетворенности и тоски у всех «лишних людей» Чехова, а их некоторый эгоцентризм вытекает из «подсознательно-религиозной тревоги их душ»⁴.

«Чеховская тоска» — как томление человеческой души, неутолимое ничем земным, — в глубине своей религиозна, утверждал критик К. Мочульский, настаивая, что неверующий Чехов в «лирическом волнении» прикасался к «неведомой ему истине» (Россия и славянство. Париж, 1929. 13 июля). Б.К. Зайцев, изначально воспринимавшийся критикой как писатель «чеховской школы», неизменно писал о нем «с трепетом обожания», по словам Г. Адамовича. В литературной биографии Че-

¹ Курдюмов М. Сердце смятенное: О творчестве А.П. Чехова. Париж, 1934. С. 11, 15.

² Курдюмов М. Сердце смятенное: О творчестве А.П. Чехова. Париж, 1934. С. 19.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же. С. 48.

хова, вышедшей в Нью-Йорке к 50-летию со дня его смерти, Б. Зайцев подчеркивал неосознанное религиозное чувство писателя, искал в нем иррациональное начало, «глубинные религиозные эмоции», доказывая, что душа Чехова по-своему устремлялась к Богу.

Воспоминания о Чехове оставили также З.Н. Гиппиус, И.С. Шмелёв, К.А. Коровин, И.А. Бунин и многие другие. Эти мемуарные материалы вызывают непреходящий интерес.

Неоднозначно в литературной критике русского зарубежья было воспринято и творчество Чехова-драматурга. Так, И.А. Бунин, всегда говоривший о рассказах писателя в превосходных тонах, делал оговорку — «насчет пьес». В частности, вслед за Л. Толстым он утверждал, что чеховские пьесы уступают его рассказам. Не столь категорично это мнение разделяли Г. Адамович, М. Цетлин, М. Алданов, Г. Газданов. И даже В.В. Набоков при всей его любви к Чехову полагал, что писатель не создал «истинного шедевра драматургии». Вместе с тем, по его же словам, Чехов сумел выйти к созданию «нового и лучшего» вида драмы. Он назвал драматурга «непревзойденным мастером паузы» и выделил найденный им новый прием — «оживить своих персонажей» с помощью воспроизведенной ими какой-нибудь глупой шутки или неуместного воспоминания.

М. Курдюмов и К. Мочульский относились к тем, кто чрезвычайно высоко оценил «новую драму» Чехова. Пьесы драматурга «пытаются выразить трагедию обреченности», «трагедию бездейственности»; и главное в них, невидимо действующее лицо (как и в других произведениях писателя), — это «беспощадно уходящее время», которое уносит с собой несбывшиеся мечты и неосуществимые надежды, подчеркивал М. Курдюмов¹.

Оставаясь в своей беллетристике объективнейшим рассказчиком, Чехов захотел в пьесе «показать себя лирическим поэтом» и создал личный и своеобразный жанр — «лирическую драму», — писал К. Мочульский (Россия и славянство. Париж, 1929. 13 июля). Его персонажи, продолжал критик, лишь переживают «пафос свершения», но остаются неподвижными; их судьба — тосковать по действию, томиться, но не выходить из мира своих чувств, оставаясь в плену лирической стихии. Драматурга волновало «не случайное и временное», настаивал критик, а бессмертная человеческая душа, о судьбе которой он только и го-

¹ Курдюмов М. Сердце смятенное: О творчестве А.П. Чехова. Париж, 1934. С.29.

ворил: «о неразрешимой загадке существования, об обреченности и гибели». И это «его великая лирическая тема», которая роднит его с поэтами всех стран и времен.

Смысл эмиграции, высказанный словами Ю. Терапиано, — в «духе» «беспокойства», «в тревоге по Богу», «в тоске по человеку». Многие деятели русской культуры в эмиграции осознавали бесплодность политизации литературы и потому пытались найти объединяющую, спасительную гуманистическую основу. В поисках духовных ориентиров литературные критики и писатели зарубежья прежде всего обращались к ценностному миру русской классики, испытывали огромный интерес к ее религиозной сфере. Одной из важнейших становилась задача обоснования нового взгляда на русскую культуру — взгляда из эмиграции. И хотя, по мысли П.М. Бицилли¹, русская культура испытала трагический апокалипсис, но именно в этом критик видел залог будущего мирового культурного возрождения, «немыслимого без великих потрясений», без мучительного познания «трагедии становящегося Духа».

¹ См.: Бицилли П.М. Трагедия русской культуры // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996.

О.В. Кулешова

**КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ
В ОЦЕНКЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО**

Творчество Д.С. Мережковского в эмиграции представляет собой огромный конгломерат идей и образов, олицетворяющих философскую концепцию писателя. Философская идея предшествует образу, определяет условия его бытования. Художественный мир создаваемых произведений, яркий и самобытный, выстраивается по особым законам, подчиненным духовному видению автора.

Многочисленные русские и зарубежные исследователи относят Мережковского к разным философским традициям, называя в качестве предшественников философов различных школ, национальностей и эпох. Несомненной остается лишь принадлежность Мережковского к лагерю идеалистической философии, его антипозитивизм, борьба с приоритетом материального в мире и в душе человека. Темира Пахмусс считает, что философская концепция Мережковского, находясь в одном ряду с концепциями религиозных философов начала века – В. Розанова, Вяч. Иванова, Н. Бердяева, Ф. Сологуба и других, – выходит из представления славянофилов о религиозной миссии России в судьбе всего западного человечества и имеет таких предшественников, как Ф. Тютчев, Г. Ибсен, Ф.М. Достоевский и В. Соловьев¹. О. Матич добавляет имена Н.Ф. Федорова и Н.Г. Чернышевского². М. Алданов от-

¹ Pachmuss T. D.S. Merezhkovsky in exile: the master of the genre of biographic romance. N.Y., 1990.

² Матич О. Христианство третьего завета и традиция русского утопизма // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999.

мечает принадлежность Мережковского к «мощному религиозному течению, которое в русской литературе идет от заволжских старцев и... Васиана Косого к Толстому и Достоевскому»¹. Особое значение философии Ф. Ницше и Р. Штейнера для формирования концепции Мережковского видит Бернис Г. Розенталь². Огромное влияние на творчество писателя гегелевско-гераклитовской философии развития посредством противоречий отмечает М.О. Цетлин³. Пестрота имен подтверждает тот факт, что концепция Мережковского – явление общекультурное, выросшее из могучего сплава «плодородных слоев истории», литературы, философии, религии и мифологии.

Субъективность художественного мира позднего Мережковского обусловлена как идеалистическим характером философской концепции писателя, представлявшего исторический процесс как саморазвитие *Духа* во Вселенной, так и мессианскими устремлениями, развившимися на почве штейнеровской антропософии (особую миссию собственного творчества Мережковский видел в пробуждении духовного зрения человечества через обращение ко Христу для осознания возможности обожения и существования в новой духовной субстанции – Царстве Божиим). Подобное понимание исторического процесса обусловило антипозитивистский ракурс философии истории Мережковского: отрицание прогресса, «дурной бесконечности» линейного развития человечества, отрицание существования закономерностей и объективных предпосылок исторического развития, возвышение духовной *Личности* (духовной – не в значении «моральной, нравственной», а «исполненной Духа Святого») как движущей силы истории.

Особое значение для понимания специфики творчества позднего Мережковского имеет метод философствования, найденный писателем при обращении к античной философии. Гармония, вырастающая у Гераклита из вражды вещей, претворяется у Мережковского в синтез, возникающий в борьбе противоречащих друг другу антиномий. Неразрешимая двойственность понятий и явлений находит согласие в концепции о трехипостасной основе бытия. Теза и антитеза обретают синтез. Опираясь на учение средневекового монаха Иоахима Флорского, Мережков-

¹ Алданов М. Некролог // Новый журн. Нью-Йорк, 1942. № 2.

² Розенталь Б.Г. Мережковский и Ницше: К истории заимствований // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999.

³ Цетлин М.О. Д.С.Мережковский (1865–1941) // Новоселье. Нью-Йорк, 1942. № 2 (март).

ский делит историю человечества на три *зона*, три *Завета*. Первый (доисторический, допотопный) – Завет Бога Отца, век *Закона* и *послушания* – окончился гибелью человечества за грехи. Второй (век исторического христианства) – Завет Бога Сына, совершающийся под знаком *Любви*, – продолжается и по сей день. Отрицая фатальное предопределение и теологический взгляд на мир, Мережковский, следуя Достоевскому, оставляет современнику свободу выбора. Возможны два конца, считает писатель. «Дурная бесконечность» линейной истории должна окончиться гибелью человечества за грехи либо благим концом – Апокалипсисом. Если человек свободной волей откажется от «дурной бесконечности» зла и насилия современной истории, обратит лицо к Богу, скажет: «Дух Святой, прииди!» – наступит новый эон истории – *Третий Завет Духа-Матери*, век истинной свободы, Царства Божия на земле, христианства не исторического, а вечного, несущего не вечную гибель и смерть, а Воскресение.

Все, что было создано писателем в этот период, подчинено единственной цели: разбудить спящее человечество, остановить на краю пропасти, указать единственно возможный путь спасения. Мережковский ясно понимает, что нужно делать, и недоумевает, почему его голос никто не слышит. В каждом творении: романе, статье, письме, эссе (жанр не особенно важен для писателя) – Мережковский мучительно размышляет об одном. Любое сочинение, созданное в эмиграции, разъясняет, дополняет, углубляет концепцию, призванную, по мнению писателя, открыть человечеству новую перспективу исторического развития.

Несмотря на широту, свойственную Мережковскому при использовании различных жанров литературы, приоритеты, расставленные писателем при выборе жанров, были обусловлены особенностями философской концепции автора. Философия истории, делающая *Личность* двигателем духовной эволюции человечества, заставляет Мережковского обратиться к жанру философско-биографического романа-концепции. Однако если жанр романа ограничивает возможности писателя требованием опосредованного раскрытия философской идеи путем создания образа, то критика «субъективная, психологическая, неисчерпаемая, беспредельная... как сама жизнь»¹ имеет бесконечные возможности для решения самых жгучих и больших вопросов современной ху-

¹ Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С.353.

дожнику действительности. Философская концепция Мережковского наложила отпечаток на выбор тематики и стилистические особенности критических статей, созданных писателем в эмиграции.

Апокалиптическое видение современности, стоящей перед лицом вселенской гибели, мессианские настроения писателя, свято верившего в возложенную на него миссию спасения гибнущего мира, предопределили особый стиль критических сочинений Мережковского, характеризующийся высочайшим эмоциональным напряжением, нередко доходящим до взрыва. Часто используется сатира и гротеск в изображении «врагов», причем «враги» Мережковского (что в целом характерно для всего эмигрантского творчества), как правило, не персонифицируются в отдельные личности современников; главным образом это ложные идеи, затмевающие разум, идеи, которые можно и нужно преодолеть для спасения человечества и всеобщего благоденствия. Отсюда крик, насмешки, гнев и отчаяние, боязнь быть непонятым и не услышанным, разбитость и усталость от потраченных впустую усилий. Мысли изгнанника о покинутой, но бесконечно любимой Отчизне вносят особую лирическую струю в мироощущение поздних критических сочинений Мережковского, рождают светлые образы любви и умиротворения, а иногда, напротив, тоски и отчаяния. Надежда на великое возрождение России, восставшей из пепла и несущей человечеству вечное Воскресение и жизнь в Духе, пробивается сквозь скепсис писателя по отношению к современности. И если хаос и абсурд современности подчеркиваются в статьях Мережковского употреблением гипербол, хлестких эпитетов и оксюморонов, то светлая надежда, теплящаяся и пробивающаяся сквозь холод и мрак эмигрантского существования, воплощается в ярких и образных антитезах. Работая в области критики, Мережковский, прежде всего, остается талантливым художником. Его критическая статья изобилует художественными образами и стилистическими фигурами, сближаясь по стилю с текстами художественной литературы, что делает ее ярче, экспрессивнее и усиливает восприятие. Статьи Мережковского – это мини-эссе, повествующие о том, какова действительность, современность и как достичь полного преодоления этой действительности ради достижения новых духовных высот.

Образ современности в статьях Мережковского предстает как собирательный и обезличенный. Личность у писателя – движущая сила истории. Но не в том случае, когда, принимая участие в повседневных событиях, плетет цепь побед и поражений, становящихся в дальнейшем

историческими фактами. А только в том случае, если *Дух* наделяет ее особой силой и возможностью открыть людям правду о *Третьем Завете Духа-Матери* и Царстве Божиим на земле, приблизить благой конец — Апокалипсис. Мережковского интересует *Личность*, устремленная к благому концу, несущая идеи о человечестве Третьего Завета, способная помочь современному человеку сделать правильный выбор. В современности писатель не находит «положительного героя» (личности подобного масштаба, сумевшей стать духовным ориентиром для современников). Лишь в глубине веков возникают подобные образы. И русское классическое наследие особенно плодотворно в этом смысле для автора. Духовный багаж русской литературы дает возможность Мережковскому увидеть в отечественных писателях прошлого титанов, открывших через собственное творчество дорогу для шествия Духа Святого в современной истории и сердцах соплеменников.

Классики русской литературы — сегодняшние собеседники Мережковского, они стоят в одном ряду с современниками, участвуют в преодолении кромешной тьмы эмигрантского сегодня, ведут Россию по пути трансформации современной истории в будущее вселенское бытие в Духе.

В статье с характерным названием: «Загон, что называли Россией, и загон, что называется “эмиграцией”» (Сегодня. Рига, 1933. 1 окт.)¹ Мережковский создает образ поработленного русского со-знания, задыхающегося от несвободы и обреченного на гибель в неволе. Писатель намеренно использует гротескный образ загона («тыном огороженное место, куда загоняют ожидающий бойни скот»)², передавая атмосферу безвоздушного пространства, перенося пространственные категории в духовный мир русского человека, видя в соотечественниках «овец, обреченных на заклание»³. Но сквозь душную атмосферу несвободы и крайнего отчаяния, сквозь навязчивое видение погибающей России Мережковский различает спасительные, «воскресные» идеалы. Антитезой образу духовно погибшей и разоренной родины становится «великая русская литература — эмигрантский “Закон и Пророки”»⁴, а также душа

¹ Все работы Д.С. Мережковского цитируются по изданию: Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001.

² Там же. С. 411.

³ Все работы Д.С. Мережковского цитируются по изданию: Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001.

⁴ Там же. С. 409.

русского народа-богоносца, спасение которого кроется в силе *Креста* и силе *Земли*. Евангельский образ безвинного страдания, несущего на себе печать Духа Святого, использует Мережковский для определения причин испытаний, выпавших на долю русского народа. Россия, как и исцеленный Иисусом слепой, страдает, чтобы на ней явились миру дела Божии.

На обломках погибающего, заключенного в загон мира эмиграции чудесным становится для Мережковского «явление настоящей, новой русской литературы» (Около важного (о «Числах») // Меч. Варшава, 1934. 5 авг.). Молодые современники, почитающие классическое наследие, вдохновляют писателя на создание образа «нового сада», в котором культивируются «растения», привитые от русской духовности, духовной мощи русской классической литературы. Мережковский фиксирует динамичный процесс роста и борьбы за выживание молодой эмигрантской литературы, что дает ему возможность утверждать несомненность той русской духовной прививки, которая и есть залог божественной миссии всеобщего спасения, выпавшей на долю России: «И не “ростки” какие-нибудь, а уже молодые, хотя еще и невысокие, деревья; есть и кривые, они, может быть, и не примутся, засохнут. Но сад будет, — уже есть, — и прививка у него — русская»¹. Главный урок русской классики для молодой эмигрантской литературы — неперемное стремление «стать больше литературы»². И оно, по мысли Мережковского, всегда отличало русское классическое наследие, неотъемлемая черта которого — желание возвысить человека для жизни в Духе.

Обращаясь к жизни и творчеству классиков, критик по-новому живописует образы, созданные в ранних работах, рассматривает их в несколько иной плоскости. Идеи нищезаниженного христианства, стремление соединить дух и плоть как христианское и языческое начала, верхнюю и нижнюю бездны, воодушевлявшие автора при создании образов Пушкина, Гоголя, Толстого и Достоевского в ранних исследованиях «Пушкин» (1896), «Гоголь и черт» (1906), «Л.Толстой и Достоевский» (1900), не находят развития в статьях эмигрантского периода. На писателей золотого века русской литературы Мережковский ныне возлагает иную задачу. Они — предвестники благого конца — Апокалипсиса, Царства Божия на земле. Они должны помочь миру обратиться ко Христу,

¹ Там же. С. 422.

² Там же. С. 423.

подтолкнуть заблудившееся человечество на единственно правильный путь спасения. Через них говорит Дух Святой. Вместе с тем неотступная мысль изгнанника об оставленной им, погибающей родине заставляет писателя искать поддержку у тех, кто собственной жизнью и творчеством свидетельствует о возможности возрождения и спасения России. Философия истории наложила отпечаток и на стиль критических статей. Теза – антитеза – синтез – такова схема философских построений Мережковского. Два *Завета* друг с другом враждуют – в Третьем согласуются. *Закон Отца* и *Любовь Сына* может примирить только *Свобода Духа-Матери*. Так же Мережковский строит и свои статьи. Постоянные противоречия-антиномии друг с другом враждуют и сталкиваются в истории, согласуются и объединяются в религии.

К образу Л. Толстого Мережковский обращается в ранний период эмиграции. В статье «Л. Толстой и большевизм» (Общее дело. Париж, 1922. 19, 20 янв.) критик только нащупывает темы, которые разовьет в более поздних работах. Толстой еще где-то рядом с концепцией Мережковского о *Третьем Завете Духа-Матери* и наступлении Царства Божия на земле. Главная задача критика – согласовать не согласующиеся антиномии, добиться примирения вопиющих противоречий. Мережковский противопоставляет эстетику, этику, политику и метафизику Толстого религии. Все противоречия, существующие для Мережковского в эстетике и этике Толстого, согласуются и разясняются в религии. Эстетика и метафизика Толстого очень близка большевикам и Руссо, считает Мережковский. «Отрицание всякой культуры, как болезненной и противоестественной сложности, воля к упрощению, “опрощению”, т.е., в последнем счете, метафизическая воля к дикости» – их общая черта¹. «Воля к шире, глади, голи, к физической равнинности, к метафизическому равенству – эта древняя скифская воля – одинакова в Аракчееве, Бакуanine, Пугачеве, Разине, Ленине, Толстом. Уравняли, уладили Россию – уладят и Европу – уладят весь мир», – пишет критик². Мережковский противопоставляет культурное стихийному, «дикому», что в его понимании и есть противостояние личного безличному. «Воля к дикости – воля к безличности. Вот почему Толстой уничтожает Наполеона, затмевает это

¹ Все работы Д.С. Мережковского цитируются по изданию: Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001. С. 139.

² Там же. С. 141.

солнце личности, как туча вод потопных затмевает солнце в небе»¹. Этику Толстого — «непротивление злу насилием» — Мережковский не принимает вовсе. Таким образом, в истории — у Мережковского — Толстой предстает апологетом безличности, равнодушным ко злу, творящемуся на земле. Но высшая мера для Толстого, по Мережковскому, — религия. В религии абсолютное отрицание насилия Мережковский принимает. Отрицание старой культуры становится началом новой — религиозной. Это уже «не отрицание, а утверждение культуры высшее»². Толстой становится предсказателем наступления Царства Божия на земле. «Зеленая палочка» Толстого, его «орден для спасения мира» выражают глубочайшую сущность для Мережковского — «детство, как Царство Божие». «Если обратимся, станем как дети, то войдем в Царствие Небесное», — вслед за Евангелием будет утверждать он позднее. В религии Толстого критик видит тайную волю к Лику Единому. «Русский большевизм — толстовское чистилище»³. В огне чистилища сгорят грехи России, «зеленая палочка» приведет ее к Царству Божию.

Статья «Пушкин с нами» (Последние известия. Ревель, 1926. 20 июня), написанная Мережковским как речь, в форме живого слова, должна была быть произнесена на торжественном заседании в Сорбонне в день русской культуры. Отъезд на юг Франции помешал автору исполнить свое намерение, и речь была прочитана П.Н. Милоковым. Эта статья — новый штрих к философии истории Мережковского. Человечество должно устроиться всемирно, соединенное во Христе *Третьим Заветом Духа-Матери* и наступлением Царства Божия на земле. Эта идея, ставшая важным звеном всего эмигрантского творчества, — путеводная нить статьи. В данном случае Дух веет через Пушкина. Пушкин для Мережковского — выразитель идеи всемирности. Он не только «одно из величайших явлений русского духа», но и «непреложное свидетельство о бытии России»⁴. Как обычно, Мережковский сталкивает противоречия истории, способные разрешиться только в высшем порядке — во всемирной религии будущего. Цивилизованная Европа не видит и не понимает Пушкина, проходит мимо «всечеловечности» поэта, соединяющего «души всех веков и народов». «Тут заколдованный круг, — пишет Мереж-

¹ Там же. С. 142.

² Там же. С. 144.

³ Там же. С. 146.

⁴ Все работы Д.С. Мережковского цитируются по изданию: Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001. С. 228.

ковский, — русская всемирность в Пушкине; но Пушкин закрыт для мира»¹. Он не выполнил своего предназначения, умер, так и не открыв себя миру, «сделался величайшим русским поэтом, но не всемирным; так и не сказал, что Россия даст миру»². Он — продолжатель дела Петра — «не исполнение, а обещание русской всемирности»³. В тяжелую годину великого разъединения Востока и Запада, когда русский народ разделен на две половины гибельной революцией, Пушкин нужен России как несомненный символ единства и свободы, Пушкин нужен миру, ибо русская всемирность способна воссоединить расколотый мир. «Он — примиритель, соединитель, тот, кто делает из двух одно и разрушает стоящую посреди преграду»⁴.

Думы о России и размышления о приближении конца — Апокалипсиса одолевают Мережковского и в статье «Гоголь и Россия» (Возрождение. Париж, 1934. 10 июня). И вновь антиномии и противоречия истории разрешаются критиком в высшем порядке. Гоголь становится предсказателем создания Вселенской Церкви и наступления Царства Божия на земле, трагической и провиденциальной фигурой русской истории. Он «жил в страхе и умер от страха, что Россия погибнет»⁵. Он видел, где край пропасти, и понимал неизбежность падения. «Как Россия страшна, — этого Пушкин еще не знал, но уже знал Гоголь»⁶. Россия отвергла пророка: общественность осудила, Церковь просто не заметила. Слово о Боге — вот неопровержимая правда и право Гоголя. «Он почувствовал до смертной боли и смертного ужаса, что христианство для современного человека все еще остается чем-то сказанным, но не сделанным, обещанным и неисполненным. Христианство не входит в жизнь, и жизнь не входит в христианство; они разошлись и с каждым днем все дальше расходятся»⁷. Во время величайшего в истории всемирного отступления от Христа критик призывает вспомнить главную мысль всей жизни Гоголя: «Только со Христом спасется Россия, а без Него, погибнет»⁸. Гоголь

¹ Там же. С. 229.

² Там же. С. 230.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 231.

⁵ Все работы Д.С. Мережковского цитируются по изданию: Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001. С. 423.

⁶ Там же. С. 431.

⁷ Там же. С. 433.

⁸ Там же.

предчувствовал надвигающуюся гибель и знал, в чем спасение. Прими- рить все противоречия можно только во Христе. «Только Церковь может разрешить все узлы недоумения и вопросы наши»¹. «Жизнь будет во Хри- сте, и Христос будет в жизни», — это непонятое и забытое чаяние Гоголя — самое нужное и своевременное для лежащего во зле мира. Гоголь ут- верждает, что христианство в России еще меньше вошло в жизнь, нежели в Европе, и в то же время противопоставляет *Церковь Восточную Церкви Западной*. Мережковский видит в этом противоречии подтверждение своего учения о создании Вселенской Церкви и наступлении Царства Божия на земле: «Гоголь, говоря о Церкви настоящей, Восточной, в дей- ствительности понимает или предчувствует будущую Вселенскую Цер- ковь»². Гоголь — провозвестник Царства Божия *Третьего Завета Духа- Матери*, смерть его — смерть мученика и великое самопожертвование за Россию. «Россия спасется только тогда, когда скажет вместе с Гоголем: “Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом”»³, — утверждает Мережковский.

К судьбам России и Европы и к их будущему всемирному устрой- ству обращены и статьи о Ф.М. Достоевском: «Федор Михайлович Дос- тоевский. 1821—1921» (Руль. Берлин, 1921. 11 нояб.) и «Угль пылающий (О Достоевском)» (Сегодня. Рига, 1931. 8 февр.). Противоречия истори- и, казалось бы неразрешимые антиномии, вновь обретают синтез в надысторическом пространстве. Мережковский видит бездну, разде- ляющую Европу и Россию. Для него «борьба России с Европою — веко- вечная борьба Востока с Западом»⁴. Это — истина, открытая Достоев- скому. «Но Достоевский никогда не забывал, что исполнение европей- ской, всемирной культуры — не в борьбе, а в мире Востока с Западом»⁵. Христианство — единственная и глубочайшая основа всемирности. Нет и не будет иной. «Воля европейского Запада — воля к бесконечному про- грессу», в смысле «дурной бесконечности», к «царству человеческого, к истории; воля русского Востока — воля к благому концу, к Царству Божьему, к Апокалипсису»⁶. Достоевский, по Мережковскому, — пророк

¹ Там же. С. 434.

² Там же.

³ Там же. С. 436.

⁴ Все работы Д.С. Мережковского цитируются по изданию: Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001. С. 181.

⁵ Там же. С. 186.

⁶ Там же.

грядущего Апокалипсиса. «Наш русский Апокалипсис в России начался – в Европе кончится; наша гибель есть гибель Европы, наше спасение – спасение Европы», – полагает критик¹. Только Достоевский знал последнюю тайну о России. Для Европы Христос был. Для России Он был, есть и будет. Одержимая бесами, она не погибла, а лишь проходит через святое страдание, чтобы изгнать бесов и снова сесть у ног Иисусовых, настаивает Мережковский. Россия не только Восток, она – Восток и Запад вместе, «последняя война или последний мир» между ними, а потому лишь она сумеет покончить распрю между Востоком и Западом, заложить основание для будущей всемирности. Европа не избежит русского пожара, она или с Россией сгорит или с ней спасется. Достоевский предсказывает грядущий конец мира, при котором русский Восток, одержимый «волей к благому концу, к Царству Божьему, к Апокалипсису», объединится с заблудшим Западом во Христе. Нет, не было и не будет другой основы для всемирности, кроме христианского света с Востока. В этом и заключается, по мнению Мережковского, великое знание Достоевского.

Таким образом, классики «золотого» века русской литературы, согласно Мережковскому, видят, угадывают, предчувствуют наступление нового эона истории – Царства Божия на земле. Будучи свидетелями исторического христианства в период *Второго Завета Бога-Сына*, они, разрешая противоречия истории в надысторическом пространстве, предостерегают от гибели не только Россию, но и все человечество, призывают вспомнить его о Боге, чают наступления *Третьего Завета Духа-Матери*. Святой Дух веет через них. С их помощью совершается движение истории к благому концу – Апокалипсису. В век отступничества и атеизма память о них поможет удержать на краю пропасти погибающее человечество, воскресить великую Россию, считает критик. Они – духовная опора русской земли, благодаря им Россия воскреснет духовно, поднимется из пепла и, выполнив свое великое предназначение, спасет весь мир.

Статьи Мережковского до крайности эмоциональны. Критик обвиняет, развенчивает, угрожает, молится, выражает горячие надежды. Стиль статей нельзя определить ни как научный, ни как публицистический. Это не литературоведение и не критика в полном смысле слова. Это бесконечный поток сознания, мысли вслух о наболевшем, крик о

¹ Там же.

помощи и предостережение, исповедь и проповедь одновременно. Мережковский глубоко переживает трагедию оставленного им Отечества, печется о судьбе мира, безразличного к будущему. Менее всего его можно обвинить в бесплодном схоластическом философствовании.

К.А. Жулькова

ИЗ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ «СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСОК»: М.О. ЦЕТЛИН

Широта проблемно-тематического диапазона, строгий отбор авторов, высокий профессионализм сделали журнал «Современные записки» (Париж, 1920–1940) основным периодическим изданием первой волны русской эмиграции, исчерпывающе полно отразившим литературно-критический процесс своего времени.

Михаил Осипович Цетлин (1882–1945) – поэт (псевдоним: Амари), прозаик, мемуарист, переводчик, журналист, редактор, издатель, критик¹ – активно сотрудничал в журнале-долгожителе с его первого и до последнего, 70-го, номера, являясь бессменным редактором его по-

¹ См. литературу о нем: Адамович Г.В. Рец.: «Кровь на снегу» // Последние новости. Париж, 1929. 31 авг. С.3; Бицлли П. Рец.: «Декабристы: Судьба одного поколения» // Совр. зап. Париж, 1933. № 52. С.465–466; Ходасевич В. Книги и люди: «Декабристы» // Возрождение. Париж, 1933. 27 июля. С.3–4; Вейдле В. Рец.: «Кровь на снегу» // Совр. зап. Париж, 1939. №69. С.382–383; Осокин С. Рец.: «Кровь на снегу» // Рус. зап. Париж, 1939. № 19. С.200; Алданов М. Рец.: «Пятеро и другие» // Новый журнал. Нью-Йорк, 1944. №8. С.405–408; Зайцев Б. М.О. Цетлин // Там же. 1946. № 14. С.199–203; Давыдов А. Рец.: «Декабристы» // Опыт. Нью-Йорк, 1954. № 3; Гуль Р. М.С. Цетлин // Новый журнал. Нью-Йорк, 1976. № 125. С.271; Никольская Т.Л. Амари // Русские писатели. 1800–1917. М., 1989. Т. 1. С. 57; Цетлин-Доминик А. Из воспоминаний // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. Вып. 1. С.288–309; Цетлин-Доминик А. Предисл.// Цетлин М.О. Мальй дар. М., 1993; К истории «Нового журнала»: (По письмам М.А. Алданова к М.С. и М.О. Цетлиным из архива С.Ю. Прегель... США) // Там же. 1995. Вып. 4. С.310–325; Бирман М. Создатели «Нового журнала» // Там же. 1996. Вып. 5; Ревякина А.А. Цетлин М.О. // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). М., 1997. Т.1: Писатели русского зарубежья. С. 425–427.; Ревякина А.А. Цетлин Михаил Осипович // Русские писатели 20 века: Биографич. словарь. М., 2000. С.733–735.

этического отдела. Предоставив М. Цетлину полную свободу в выборе авторов-поэтов, редакция тем не менее строго регламентировала отведенное для поэзии место. «У нас стихи, вообще, на задворках. Мы хотим, чтобы на 6-ти страницах – 12 поэтов»¹, – слова редактора журнала В.В. Руднева, обращенные к М. Цветаевой. В адрес «Современных записок», в период существования журнала и даже после закрытия не раз звучали обвинения в притеснении «молодых» дарований. Отчасти такое мнение было справедливым. Из «молодых» прозаиков в журнале регулярно печатались только В. Сирин (Набоков) и Ю. Фельзен. И все же в стихотворный отдел под опекой М. Цетлина «молодежь» попадала.

Участие М. Цетлина в подготовке «Современных записок»² не ограничивалось редакционной работой в отделе поэзии. Он являлся также автором литературно-критических статей (в широко принятом в эмиграции жанре «Литературных заметок», разговора «На литературные темы» и т.п.), а также отзывов и рецензий (их более 60)³. И здесь внимание к «молодым» было весьма заметным.

Все эти материалы можно было бы распределить по четырем темам, в соответствии с литературными интересами критика: 1. Рецензии на книги «молодых», особенно – поэтов; этот раздел, как и следовало ожидать от Цетлина-поэта, был особенно объемён, репрезентативен. 2. Критические заметки о произведениях советских авторов. 3. Статьи о политических событиях (например, об отражении в литературных произведениях революционной действительности). 4. Анализ особенностей исторической прозы. Выделенная тематика, разумеется, не исчерпывает всех аспектов критических выступлений М.О.Цетлина в журнале, но объясняет небольшое количество его отзывов о русской классике (см.: Короленко, человек и писатель. 1928. № 37; О Чехове. 1930. № 41), о писателях «старшего» поколения эмиграции (прежде всего об И.А. Бу-

¹ Вишняк М. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб., 1993. С. 147.

² Далее в названии журнала используется аббревиатура – СЗ.

³ Сотрудничество в СЗ послужило причиной закрытия Цетлиным собственного альманаха. В 1923 г. он и его жена Мария Самойловна основали журнал «Окно», в котором печатались стихи К. Бальмонта, И. Бунина, З. Гиппиус, М. Цветаевой, беллетристика, мемуары, художественно-философская проза И. Бунина, Б. Зайцева, А. Куприна, И. Шмелева, А. Ремизова, П. Муратова, З. Гиппиус, Д. Мережковского, статьи Б. Шлецера и М. Гофмана. После трех выпусков издание прекратило существование, так как новый альманах представлялся друзьям М.О. Цетлина конкурентом СЗ.

нине¹), о зарубежной литературе (Анри Барбюс. 1920. № 1; Астарта. Новое о Байроне. 1922. № 9; Анатолий Франс. 1925. № 23).

В ряду условно обозначенной проблематики литературно-критических выступлений М. Цетлина третье и четвертое направления как бы объединяются самой политической ситуацией того времени и вместе с тем проливают свет на важнейшие реалии мирового исторического процесса. Политические разногласия 1920-х годов были настолько сильны, что и в литературной деятельности с очевидностью обнаруживалась принадлежность критика к тому или иному лагерю. Убеждения М. Цетлина явно проступали в его «Литературных заметках» с подзаголовком «“Февраль” и литература» (1927. № 31). Анализируя «Взвихренную Русь» А. Ремизова, произведения И. Эренбурга, Ф. Сологуба, З. Гиппиус, А. Толстого, критик обращал внимание прежде всего на то, как писатели отразили в них февральские события. М. Цетлин отметил «весеннюю пасхальность» в изображении начала революции В. Шкловским («Сентиментальная повесть»), Б. Зайцевым («Золотой узор»), а также В. Маяковским («будущим официальным певцом октября») в его «праздничных, радостных, молитвенных» стихах, посвященных февралю. «Таков был февраль, — заключает критик. — В октябре не было радости даже у победившей партии»².

Политические приоритеты критика прослеживаются и в анализе произведений французских писателей — А. Франса и А. Барбюса. Например, в романе А. Барбюса «Clarté» он почувствовал «влияние русских романистов, воспринятых через очки Мелькиора де Вогюэ и сентиментального социализма», увидел в нем связь «символической картины современного капиталистического общества» со сценами войны и «чистую публицистику, напоминающую самые плохие нелегальные брошюры для народа», популярное изложение социалистических доктрин, проклятие королям, отрицание Бога. Отсутствие интереса у российского читателя к другому роману А. Барбюса — «Огонь» — критик тоже объяснял причинами злободневно-политического характера: «Ни художественно проникновенное отрицание войны и интернационализм Барбюса, ни проповедь Ромена Роллана не могли вызвать интереса в России: там духовная атмосфера была так насыщена отрицанием войны, что оно казалось чуть

¹ См.: Иван Бунин. Роза Иерихона // Лит-ра рус. зарубежья: Антология. М., 1990. Т. 1. Кн. 2; Чаша жизни // Бунин И.А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1994. Т. 3.

² СЗ. 1927. № 31. С. 399.

ли не общим местом, и вызвать сенсацию могла, разве только, проповедь Ленина, доведшая практическое отрицание войны до позора Брест-Литовска»¹.

К тематике критических заметок об исторической прозе можно отнести рецензии М. Цетлина на книги Д. Мережковского «14 декабря» (1921. № 5) и «Наполеон» (1929. № 40), О. Буланова «Роман декабриста», Ю. Тынянова «Кюхля: Повесть о декабристе» (1927. № 30) и «Смерть Вазир-Мухтара» (1929. № 38), Г. Чулкова «Мятежники» (1927. № 30) и «Императоры» (1929. № 39), М. Алданова «Ключ» (1930. № 41), «Десятая симфония» (1931. № 46), «Бельведерский торс» (1939. № 68) и «Начало конца»; 1939. № 69), А. Толстого «Петр I» (1931. № 44), И. Лукаша «Пожар Москвы» (1931. № 45), М. Осоргина «Книга о концах» (1935. № 58). Сюда же примыкают материалы о еврейском вопросе — это рецензии на книги В. Жаботинского «Самсон Назорей» (1928. № 34), А. Высоцкого «Суббота и воскресение» (1930. № 43).

Историко-биографическая книга М. Цетлина «Декабристы: Судьба одного поколения» (1933) и стихотворный сборник на ту же тему «Кровь на снегу» (1939) — свидетельство особого интереса автора к историческому процессу вообще и к проблеме декабрьского восстания в частности. После революционных событий начала XX в. естественным было обращение ряда писателей к декабрьским событиям 20-х годов XIX в. Предпринимались попытки осмыслить и переосмыслить настоящее через исторические уроки прошлого. Так, Д. Мережковский «уходит в прошлое со взором, прикованным к современности, не к грязи ее, а к высшим проблемам»; прошлое «дает ему арену и одеяние для его современных сомнений и идей», — отмечал М. Цетлин в статье «О новом романе Мережковского»². Главным достоинством исторической прозы писателя критик считал обогащение этого жанра религиозно-философскими концепциями, «насыщенность и перенасыщенность культурой» — все это делало писателя «крупным явлением», «обновителем исторического романа в европейской литературе».

Расхождение М. Цетлина и Д. Мережковского во взглядах на историко-литературный процесс обнаружилось, например, в вопросе о праве романиста на вымысел при создании исторических фигур, о допустимости превращения героев в рупоры идей писателя. Если М. Цетлин

¹ СЗ. 1920. № 1. С.243.

² СЗ. 1921. №5. С.254.

строго придерживался фактического, документального материала, то Д. Мережковский, напротив, использовал роман как удобную форму для изложения своих мыслей. Не принимал критик трактовку самого исторического события — «14 декабря» 1825 г. Ибо не только «христианская добродетель, филантропия и боязнь крови», как полагал Мережковский, но и «ледяная гранитная сила самодержавия» помешали заговорщикам. «Вечный полюс» самодержавия, растопленный только через столетие, оказался сильнее «абстрактного пламени свободы»¹, — утверждал М. Цетлин. Он развивал мысли, свойственные политической (левоэсеровской) направленности журнала, боровшегося не только против большевизма, но и против угрозы справа.

Рецензируя другую историческую книгу Д. Мережковского — «Наполеон», критик назвал ее «мистическую диалектику» не всегда «убедительной»; особенно это касалось отношения главного героя к христианству. И все же эта книга, по мнению М. Цетлина, весьма увлекательна своим обращением к современности; ее пафос «сосредоточен на великом, духовном, героическом»². Подобно бетховенской симфонии, роман можно было бы назвать HEROICA, так как «конкретные черты», «житейские мелочи» в нем «углубляются», «одухотворяются», «возводятся в символ». Однако М. Цетлин указывал и на «систематическую преувеличенность» такого приема. В доказательство он привел отрывок из романа: «Во время длинной и скучной церемонии коронования многие заметили, как император несколько раз подавил зевету, а когда папа мазал его миром — казалось, думал только о том, как бы поскорее вытереться»; с авторским комментарием: «С вещим даром ясновидения, не покидающим его в роковые минуты жизни, узнавал ли он, вспоминал ли, что венчает себя как жертву?»

М. Цетлин не разделял убеждений Мережковского (близких к монархическим), но полагал, что несомненно заслуживают внимания и обостренная русскими событиями трактовка писателем Наполеона «как укротителя революционного хаоса», и страницы романа, посвященные роковому пересечению судьбы французского императора с русскими судьбами. В заключение критик цитировал строки романа, близкие его собственным политическим воззрениям: «Может быть, сейчас русские лю-

¹ СЗ. 1921. № 5. С.260.

² СЗ. 1929. № 40. С.542.

ди, побывавшие в аду коммунизма, знают о Наполеоне то, чего нельзя узнать из сорока тысяч книг¹».

В самом сложном положении в эмиграции оказалась творческая молодежь. Если писатели старшего поколения «унесли с собой в изгнание огромный запас воспоминаний органически пережитой жизни»², то поколение молодое не имело ни воспоминаний, ни родной почвы, ни новых тем.

Спор о *молодой эмигрантской литературе*, затянувшись на долгие годы, привлек внимание большинства участников литературно-критического процесса. М. Цетлин — одним из первых посвятил этому вопросу большую аналитическую статью «Эмигрантское: Критические заметки» (1927. № 32). Н. Андреев назвал ее «симптоматичной»³. Впоследствии статью широко цитировал Г. Струве в своей книге «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк, 1956. См. главу «Споры о зарубежной литературе»); теперь она включена (вместе с другими важными литературно-критическими публикациями русской диаспоры) в первый том двухтомника «Критика русского зарубежья»⁴. М. Цетлин не разделял пессимистической точки зрения, в которой сходились даже такие антагонисты, как Г. Адамович и В. Ходасевич. Он указывает на появление в эмигрантской среде молодых талантов — В. Сирина (Набоков), И. Одоевцева, Н. Берберова, — выражая надежду, что «литература, как все живое, пластична и многообразна», «ростки ее пробиваются и на неблагоприятной почве и вот-вот готовы разрастись назло хорошо вооруженному доводами скептицизму»⁵.

Эти оптимистичные фразы предвосхищали разговор о молодом писателе Е. Кельчевском, авторе роман «После урагана». Отмечая слабые места книги: следование трафаретам, использование старых анекдотов в качестве собственных наблюдений, многочисленные тирады по политическим вопросам, полные ничем не оправданного апломба, — М. Цетлин увидел и главное позитивное начало романа. Это — личность самого автора, «вернее, того “Я”, от имени которого ведется рассказ», его «напряженное изживание своей жизни», заражающее читателя. По

¹ Сз. 1921. № 5. С. 260.

² Сз. 1927. № 30. С. 516.

³ См.: Русская литература в эмиграции. Питтсбург. 1972.

⁴ См.: Критика русского зарубежья: В 2 т. / Под ред. Коростелёва О.А. М., 2002.

⁵ Сз. 1927. № 32. С. 435.

мнению критика, «После урагана» — ответ на сомнения, отнюдь «не исчерпывающий спора», но все же «положительный»¹.

Раздумчивый оптимизм М. Цетлина: «Расцветут ли эти дарования, что будет питать их — эмиграция, воспоминания о России, фантазия, каковы будут их произведения, гадать об этом естественно и... бесплодно», — опирался на творчество таких авторов, как В. Сирин (избравший фоном повести «Машенька» эмигрантский Берлин), Ю. Фельзен, Б. Сосинский и «еще несколько затеплившихся дарований», которые не чуждались эмигрантских тем. «Да, условия трудны, — сетовал критик, — но талант людской гибок и вынослив, как... вьющееся растение — татарник, о котором так хорошо писал в “Хаджи-Мурате” Л. Толстой. Талант использует все возможности — самые скудные, встретит все препятствия и победит»².

В заключение М. Цетлин высказал сожаление по поводу изолированности русской литературы от мировой: «Русским писателям чужда и неинтересна сложная жизнь современной французской литературы и других западных литератур... Можно ли заметить хоть какое-нибудь влияние Пруста, Валери или Жида?.. Если каждая литература — замкнутое духовное целое, особый мир, идущий по своим путям, то русская литература замкнута сугубо. Поможет ли эмиграция, физическое пребывание на Западе, этот круг разомкнуть?» Этот вопрос критик сформулировал в 1927 г.

Утвердительный ответ на него он дал в 1933 г.: «В то время как в редкой из советских книг не найдешь отголоска Бунина или Ремизова, в книге молодого эмигрантского автора ищешь влияния Пруста или Джойса». Явные следы «внимательного и любовного чтения произведений великого француза» М. Цетлин увидел в романе одного из первых русских «прустианцев» — Ю. Фельзена³. В том же номере критик рецензировал «Подвиг» В. Сирина (Набокова), отметив влияние «немецкого экспрессионизма»⁴, стилистические особенности которого он и раньше обнаруживал в творчестве писателя⁵. Одним из первых М. Цетлин выделил талант и необычность творческого дара В. Сирина, напечатав о нем статью в «Последних новостях» (Париж) еще 1 сентября 1921 г. Позже критик

¹ СЗ. 1927. № 32. С. 436.

² Там же. С. 438.

³ СЗ. 1933. № 51. С. 459.

⁴ Там же. С. 458.

⁵ СЗ. 1928. № 37. С. 537.

рецензировал его книги — «Король, дама, валет» (1928. № 37), «Возвращение Чорба» (1930. № 42).

Автор нескольких поэтических сборников, редактор стихотворного отдела одного из лучших периодических изданий русского зарубежья, М. Цетлин, бесспорно, обладал тонким литературным вкусом, художественным чутьем, независимой позицией. Н. Берберова писала: «Михаил Осипович современной поэзией интересовался без предвзятости и в 30-х годах умел оценить и Поплавского, и Сельвинского, с большим вниманием относясь ко всему «молодому» и «новому», не ища в поэзии других только того, что похоже на него, наоборот, любя иногда совершенно ему далекое»¹.

Имя Анатолия Ладинского появилось в содержании журнала в 1926 г., и с тех пор его стихи попадали почти в каждый номер. Первый поэтический сборник «Черное и голубое», вышедший в 1931 г., был отмечен в библиографическом отделе рецензией М. Цетлина, который назвал образы Ладинского смелыми, но «приблизительными». Образы эти «чуть-чуть туманны, как в фотографии, в которой не соблюдено расстояние», но они «чаруют своей своеобразной логикой»². Этот вывод критик подтверждал «неожиданным сравнением» из «Детства»: «Когда рояль прекрасный раскрывали / И черным лакированным крылом, / Огромной ласточкою в белом зале, / Он бился на паркете восковым». В рецензии на «Стихи о Европе» (1937. № 65) М.Цетлин выделил в поэзии А. Ладинского яркую стилистическую оригинальность, что как бы обеспечивало возможность даже и не подписывать свои стихи.

Рано заметил М. Цетлин и своеобразие поэтического таланта Бориса Поплавского. Стихотворение «Флаги. Белый домик», опубликованное еще в 1929 г. (№ 38), впоследствии было включено в единственный прижизненный сборник поэта — «Флаги» (Париж, 1931), получивший высокую оценку критика (1931. № 46).

В библиографическом разделе журнала М. Цетлин также опубликовал отзывы о стихах Д. Кнута (1928. № 35), И. Кнорринг (1932. № 49), Л. Гомолицкого (1934. № 55), З. Шаховской и В. Булич (1936. № 60), Ю. Шумакова (1936. № 60, 1937. № 63), Э. Чегринцевой, А. Штейгера и М. Горлина (1936. № 62), Ю. Софиева и П. Ставрова

¹ Новый журнал. Нью-Йорк, 1950. № 24. С.211.

² СЗ. 1931. № 45. С.508.

(1937. № 63), С. Прегель (1937. № 64, 1940. № 70), Г. Кузнецовой (1937. № 65), Монахини Марии (1938. № 66) и др.

В обзорной статье «О современной эмигрантской поэзии» (1935. №58) М. Цетлин высказал свой взгляд на полемику, открытую Г. Адамовичем и В. Ходасевичем — «известными критиками», «людьми с определенными и продуманными взглядами», и «споры не бесплодны»¹. М. Цетлин размышлял о кризисе поэзии, о правомочности претензий парижской группы поэтов на духовную «столичность» по сравнению с «провинциальными» поэтами.

Обзор не только русской, но и германской, французской литературы убеждал критика в очевидности кризиса поэзии. То, что даровитые поэты переходят на прозу (замолк как поэт В. Ходасевич), М. Цетлин считал далеко не случайным: «Вероятно, временно оскудевает самый источник поэзии как искусства — поэтическая «стихия» человеческой души. Эта стихия, разумеется, не исчезла совершенно, но подпочвенные поэтические воды струятся все слабее и не дают достаточно влаги, чтобы питать литературу»².

М. Цетлин отмечал, признавая сам факт кризиса, что Г. Адамович и В. Ходасевич приходили к разным выводам. По убеждению В. Ходасевича, «если поэты, несмотря на кризис и поэзии, и культуры, все же пишут стихи, то пусть они делают это... с предельно доступным им мастерством, по велениям строгой художественной совести». Г. Адамович требовал от поэзии другого — «предельно правдивого, самоуглубленного отражения кризиса и распада культуры и личности, притом отражения прямого, непосредственного, чуждого всякого “округления”, всякой “красивости”»³.

Вторым вопросом, вытекавшим из этой полемики, стал разговор о «столичности» парижских поэтов: В. Ходасевич «смеется над претензиями парижан на гегемонию»; Г. Адамович уверен, что гегемония существует и определяется более тесным соприкосновением с драмой цивилизации, с «болезнью европейской культуры»⁴.

Анализируя «новейшую» поэзию — в обзоре сборников Л. Червинской «Приближения», Р. Блох «Тишина», С. Прегель «Разговор с памя-

¹ СЗ. 1935. № 58. С.452.

² Там же. С. 453.

³ СЗ. 1935. № 58. С.453.

⁴ Там же. С.455.

тью», И. Голенищева-Кутузова «Память», Ю. Мандельштама «Третий час», С. Барга «Камни... Тени», Е. Таубер «Одиночество», А. Головиной «Лебединая карусель», — М. Цетлин стремился оспорить мнение В. Ходасевича, который называл «столичные» настроения парижских поэтов обязательной «униформой». И при этом он полагал, что наиболее талантливые поэты этой «униформы» чуждаются. Как писал М. Цетлин, ошибочность такого утверждения кроется в попытке противопоставить более талантливых парижских поэтов самым характерным поэтам; однако «эти два качества далеко не всегда совпадают»¹. Подтверждением своей позиции М. Цетлин считал сборник Л. Червинской, «очень характерный для парижан, словно нарочно написанный для иллюстрации их канона», и вместе с тем «один из лучших сборников стихов», вышедших в то время. По мнению критика, «парижане» легко могли бы принять в свой круг и стихи Раисы Блох — члена берлинского Кружка поэтов. Ее поэзия — «чистая лирика и держится на прямом и открытом выражении чувств. Дар сильного и сосредоточенного чувства — это редкий дар, и умение самоуглубляться — чуть ли не половина поэтического подвига». Рецензент подчеркивал простоту ее стиха: «Я люблю тебя, как бабушка внучонка, / За любовь свою не требуя наград»².

В поэзии Софии Прегель (тоже член берлинского Кружка поэтов) критик выделил зоркость восприятия, сравнимую с художниками фламандской школы. Поэтесса любит натюрморт и умеет передавать оттенки разных яств, обладает умением метко найденной и быст-ро зарисованной чертой сразу воскресить отошедший быт: «В те времена лекарства из аптеки / Бумажные носили колпачки». «Искреннее чувство и известную поэтическую культуру» М. Цетлин выделил в стихах Е. Таубер. Однако на восклицание поэтессы: «От счастья стихов не пишут», — он отвечал: «К сожалению и дух уныния, столь свойственный в эмиграции, одевая все серым флером, тоже вредит поэзии»³.

В книге «Память» И. Голенищева-Кутузова воплотилось все, полагал М. Цетлин, что «парижане» отрицали в поэзии. Именно это, по мнению критика, и объясняет положительный отзыв В. Ходасевича и отрицательный — Г. Адамовича. Книга написана в соответствии с традициями символизма, и если бы на ее обложке стояла дата 1907 г. и марка

¹ Там же. С.455–456.

² Там же. С.457.

³ СЗ. 1935. № 58. С.459.

издательств «Мусагет» или «Оры», то она никого бы не удивила. Но теперь она кажется стилизацией: «Словарь и ритмика, даже самые рифмы напоминают поэтов-символистов того времени»¹, — отмечал М. Цетлин. Говоря о «неподдельном даровании» поэта, критик не стал останавливаться на его недостатках и в характерной для себя манере обобщил: «Правильнее судить молодого поэта не по худшим его вещам, а по лучшим, которые всегда могут оказаться исходным пунктом нового подъема, новым “разбегом” для поэтического восхождения»².

Пражскую поэтессу Аллу Головину критик аттестовал как «несомненно талантливую», «вероятно, даже наиболее одаренную из начинающих». Образы ее свежи и убедительны. «В противоположность “парижанам” Алла Головина мажорна по тону, менее эгоцентрична, повернута “лицом к миру”, к его богатству и разнообразию», — отмечал критик. И вместе с тем в ее поэзии обнаруживается «некая неестественность — «при всей яркой раскраске стихов... часто кажется, что это сусальное золото, театральный румянец». Причину такого эффекта М.Цетлин увидел в недоверии поэтессы к реальности жизни и искусства; именно потому она и стремится «украсить мир» обилием образов³. «Не есть ли это оправдание критического “древа” Адамовича?» — задается вопросом М.Цетлин, и ответ у него готов: «В сущности, разница между взглядами Адамовича и Ходасевича (а также других, отрицательно относящихся к “парижским” поэтическим настроениям критиков, например, пражского проф. А. Бема) не столь велика. Разумеется, Ходасевич не отрицает ни значения “человечности”, ни оправданности в поэзии темы смерти и распада. Разумеется, и Адамович не отрицает необходимости поэтической “культуры”. Разница, и существенная, только в оттенках, в акценте, падающем на то или на другое. Акцент Адамовича, эгоцентрический, зовущий к правдивости и самоуглублению, кажется оправданнее, плодотворнее в настоящую минуту поэзии, чем противоположный, зовущий к бодрости, разнообразию, повернутости лицом к миру»⁴.

Общеизвестны два значения слова «критика»: разбор (анализ) чего-нибудь с целью дать оценку и отрицательное суждение о чем-либо, указание недостатков. В литературной критике зачастую эти значения

¹ Там же. С.457.

² Там же. С.458.

³ Там же. С.460.

⁴ СЗ. 1935. № 58. С.461.

взаимодействуют: делается анализ произведения с указанием на его слабые стороны. И чем жестче, язвительней критические замечания, тем больший резонанс они приобретают. Литературная критика М. Цетлина, особенно по отношению к «молодым» авторам, — «шадящая». Для него — «не обидеть!», как врачебное — «не навредить!». Он всегда был «осторожен» и свои замечания высказывал беззлобно, деликатно: не «ругал», а примирял, не осмеивал, а добродушно улыбался. И тем не менее М. Цетлин дал точные характеристики поэтического дара «молодых» авторов. Он не только заметил «незамеченное поколение», но и многое сделал для того, чтобы это поколение заметили другие.

Полемика 1920-х годов по вопросу о *целостности* русской литературы никак не могла миновать страницы журнала. Размышления М. Цетлина о мнимом или действительном распаде литературы на *советскую* и *эмигрантскую* появились в 1927 г. в рубрике «Культура и жизнь». Не раз высказанные в эмигрантской прессе суждения, что русская литература лишена целостности, что она распалась на две существенно-различные литературы, объединенные лишь национальным языком, ставятся критиком под сомнение. По его мнению, если и образовалась трещина между «эмигрантской» и «советской» литературой, то «она еще так свежа и неглубока, что может зарости, залечиться»¹. Вместе с тем одни критики утверждали, что литература русская жива «здесь», в изгнании, а «там» она задохнулась от отсутствия свободы (А. Крайний), другие выражали «восторг» перед литературой советской (Д. Святополк-Мирский, М. Слоним). Между этими противоположными суждениями шла непримиримая «гражданская война», подчеркивал М. Цетлин. И те и другие протестовали против смешения искусства и политики, но «из мешка торчит политическое шило»².

Не вставая на позиции ни одной из «враждующих» сторон, М. Цетлин был особенно резок по отношению к тем, кто «воюет» против эмигрантской литературы. В несвойственной ему жесткой манере он отреагировал на статью «стоящего лицом к России»³ М. Слонима, назвавшего И. Бунина «мертвым писателем».

¹ СЗ. 1927. № 30. С.514.

² Там же. С.515.

³ На одном из собраний «Зеленой лампы» (Беседа IV) М.О. Цетлин заявил: «Нельзя стоять ни лицом, ни спиной к России, как нельзя стоять лицом или спиной к самому себе». Он предлагал «оставить этот спор между хромым и глухим, кому хуже»: «Мы физи-

В ряду отзывов М. Цетлина на книги советских писателей – статья «“Истинно народные поэты” и их комментатор» (1921. № 3). Критик рассматривал здесь предисловие Иванова-Разумника к сборнику стихов Н. Клюева, С. Есенина и П. Орешина. С едким сарказмом он объявил Иванова-Разумника провозвестником, явившим «благую весть» сошествия в современную литературу «истинно народных поэтов». Из поэтов, провозглашенных «народными» (этот эпитет употребляется в статье только в кавычках), М. Цетлин выделил лишь С. Есенина. Признавая дарование Н. Клюева, он отметил, что «подлинные глубины народного духа»¹ ему чужды. По мнению критика, в С. Есенине нет «лукавства» Н. Клюева; он «бесхитрое и милее», в его творчестве есть «народность», правда, воссозданная в традициях «резных коньков и расшитых полотенцев», но «расшитых ярко и талантливо»².

Поэму «Инония» М. Цетлин назвал «очень талантливой» и выразил несогласие с критикой, которая, по его мнению, напрасно осмеивала в газетах метафорический образ – «божье теление»³, столь характерный для Есенина в тот период. В. Ходасевич счел «Инонию» «открыто антихристианской», «грубо кощунственной», сделав в 1926 г. расшифровку «псевдо-христианской» терминологии лирики Есенина, где «Приснодева = земле = корове = Руси мужицкой, Бог-Отец = небу = истине, Христос = сыну неба и земли = урожаю = телку = воплощению небесной истины = Руси грядущей». Однако критик все же полагал, что главная мысль Есенина – «Боже мой, воплоти свою правду в Руси грядущей!» – может уживаться «не только с его полуязычеством, полухристианством, но и с христианством подлинным». Хотя читатель «соблазнительные красоты» есенинской лирики способен воспринять «духовно безнаказанно», лишь «обладая чем-то вроде прочного водолазного наряда»⁴, – иронизировал В. Ходасевич.

М. Цетлин не выделял антирелигиозного аспекта в поэме. В словах поэта: «Не усташуся гибели, / Ни копий, ни стрел дождей, / Так говорит по Библии / Пророк Есенин Сергей», – видел лишь «ирониче-

чески лишены родины, почвы. Они лишены свободы... Кому хуже? Обоим» (цит. по: Терапиано Ю. Встречи. М., 2002. С.56. См. также: Новый корабль. 1928. № 4).

¹ СЗ. 1921. № 3. С. 249.

² Там же. С. 250.

³ СЗ. 1921. № 3. С. 250.

⁴ СЗ. 1926. № 27. С. 310.

скую усмешку над собой»¹. Критик отверг и оценку «Инонии» как «диссертации на получение привилегированного пайка» — по выражению Н. Бережанского². М. Цетлин верил в искренность поэта, в его «радостное ожидание нового мира», хотя и добавлял с сожалением: «Увы, теперь мы знаем, во что преобразилась эта крестьянская «Инония» и что стало с ее хатами и нивами. Но ведь тогда этого еще не было видно»³.

Поэму «Анна Снегина» М. Цетлин оценил отрицательно, сетуя на то, что политика «заползает и в такую чуждую ей область, как стихи». Суть поэмы (этого «маленького лирического пустычка, растянутого на сотни строк») он свел лишь к тщетной попытке отразить революцию и отношение к ней крестьянства. По мнению рецензента, С. Есенин выполнял социальный заказ, «задание дружественной критики: стать новым Некрасовым»⁴. Эта точка зрения лишь подчеркивала свойственную 1920-м годам накаленность политических разногласий и связанную с этим пристрастность критических суждений М. Цетлина.

В оценке критиком творчества советских литераторов политический ракурс порой доминировал. Например, в заметке «Племя младое» о «серапионовых братьях» он рассматривал произведения Вс.Иванова, Л.Лунца, К.Федина, М.Зошенко преимущественно с одной точки зрения, как отражены в них война и революция. Цетлинские характеристики творчества «серапионов» поверхностны. Критик указывал на «великолепное», по его мнению, описание того, как ворон клюет раненого в рассказе М.Зошенко. «Великолепными» ему кажутся партизаны из рассказа «Дитё» Вс.Иванова — они «много дают нам для понимания революции». В своих суждениях М.Цетлин явно опирался на авторитет Е. Замятина. Определяя перспективы писательского роста, критик на первое место поставил Вс. Иванова и Л. Лунца. Остальные «серапионы», по его мнению, менее перспективны: «Зошенко слишком быстро нашел себя в мастерстве своего унтерофицерского “фольклора”, Федин “застрял в Горьком”, Слонимский не уверен в своей технике»⁵.

Литературно-критический анализ материалов журнала «Красная новь» (М., 1921—1942) отличается большей глубиной. Критик отметил «воистину хорошо сделанные рассказы» «талантливого беллетриста»

¹ СЗ. 1921. №3. С.250.

² Сегодня. Рига. 1921. 7 янв.

³ СЗ. 1921. №3. С.251.

⁴ СЗ. 1925. №25. С.480.

⁵ СЗ. 1922. № 12. С.338.

И. Бабеля, увидев главную заслугу писателя в том, что он нашел особый язык, на котором можно говорить о войне и революции с послереволюционным читателем. Для людей, ставших очевидцами страшных событий, все кажется пресным, как после лимона, и потому «яркая краткость», «резкая свежесть», торжественность и патетичность языка Бабеля представлялись М. Цетлину стилистически оправданными.

По мнению критика, под воздействием «общей литературной атмосферы Советской России» видоизменился в сторону «плакатной яркости» и «большой талант» А. Толстого. В его произведениях по-явилось «кинематографическое движение», «суматоха», за счет чего его рассказы стали менее правдоподобными, но более яркими. К таким произведениям М. Цетлин причислил «Голубые города» и «Приключения графа Невзорова, или Ибикус»¹. Повесть «Ибикус» описывала события 1918–1919 гг., когда семья А. Толстого вместе с Цетлиными, покинув Россию, через Одессу эмигрировала во Францию².

Высокую оценку М. Цетлин дал вышедшей в 1927 г. в Париже первой части романа М. Булгакова «Дни Турбиных (Белая гвардия)». Главное достоинство книги он увидел в ее художественной правде. Однако, по мнению критика, даже такому крупному мастеру не удалось избежать широко распространенных в 1920-е годы и ставших «расхожей монетой у авторов революционного времени» приемов: прежде всего это тяготение к «разорванному повествованию, будто бы “прослоенному” вводными эпизодами, быстрыми мазками, лапидарными общими характеристиками, звукоподражаниями, отрывками из газет»³. Думается, что критик верно объяснил предопределенность и закономерность появления подобных приемов — «революционный хаос писатели хотят выразить хаосом типографским». По мнению М. Цетлина, М. Булгаков испытывал влияние А. Белого, А. Ремизова и «более слабых» писателей — Б. Пильняка и Артёма Весёлого; при этом, однако, критик, отмечал, что «острые углы» этих приемов у Булгакова «отполированы» и применяются «со вкусом и чувством меры»⁴.

Политическая пристрастность сказалась и в полемике о литературе «у нас» и «у них», когда одни горячо доказывали, что ничего ценного

¹ СЗ. 1925. № 25. С. 480.

² См. об этом: Крандиевская-Толстая Н. Воспоминания. Л., 1977.

³ СЗ. 1927. № 33. С. 530.

⁴ Там же.

не может быть создано в отрыве от родной земли, а другие не видели перспектив для развития литературы в условиях полного отсутствия свободы творчества. Признавая правоту не только упреков «им» в «грубости, в уродстве, в искажении языка, в духовной распущенности, в отсутствии внутренней свободы», но и правоту некоторых «их» упреков, М.Цетлин тем не менее не считал безнадежным положение русской литературы в целом. Литература не обречена, пока создаются в эмиграции такие произведения, как «Митина любовь», «Солнце мертвых», «Тайна трех», пока «творит и порой по-прежнему восхищает» А.Толстой, пока «продолжает умную работу и воспитывает себе учеников» в Советской России Е.Замятин. Очевидна серьезность проблем и «там», где «литературой властно заведуют несколько критиков марксистского толка»¹, и «здесь», где нет «стихии живого быта», «океана живого языка, питающих работу художника», не говоря уж об «ограниченности круга читателей, об отсутствии резонанса — обстоятельства очень важного для творчества»².

Верность журналу М. Цетлин сохранил на всю жизнь. Накануне вторжения Гитлера во Францию в 1940 г. журнал закрылся. Заслуга возрождения его на новой заокеанской почве принадлежала именно М.О. Цетлину. В 1942 г. в Нью-Йорке он совместно с М. Алдановым основал и до последних своих дней редактировал «Новый журнал», который с полным правом называют *сыном* «Современных записок», их преемником и продолжателем.

На страницах «Нового журнала» в 1958 г. появилась статья «О критике», которую можно считать программной для М. Цетлина. В редакционной пометке значилось: «Это “рассуждение” покойного М.О. Цетлина о критике, по-видимому, осталось неопубликованным. Установить, в каком собрании и когда оно было прочитано, нам, к сожалению, не удалось»³.

Сопоставление текста данной публикации со стенографическим отчетом доклада М. Цетлина, сделанного им 5 февраля 1927 г. на заседании «Зеленой лампы», позволило установить их связь — как части и целого. Статья «О критике» в «Новом журнале» полный вариант стено-

¹ СЗ. 1927. № 31. С.395.

² СЗ. 1927. № 30. С.517.

³ Новый журнал. Нью-Йорк, 1958. № 53. С.221.

графической записи, напечатанной в «Новом корабле» (Париж, 1927. № 1).

Суть выступления, содержавшего отповедь формальной критике и провозглашение критики философской, передана в стенографическом отчете достаточно объемно. В нем сжато и точно воспроизведены все основные тезисы. Однако полный текст дает представление не только о поставленном вопросе, но также и о личности автора. Первый тезис: «Критик не творец, не создатель новых ценностей», – М. Цетлин разрабатывал в уничижительном ключе: «Я твердо знаю, что нам, критикам, подобает скромность и взгляд на художника снизу вверх»¹. Вследствие этого глубокую причину конфликта между художником и критиком докладчик видел в том, что творцы не готовы к суду «низших», т.е. критиков, они допустили бы «суд пэров» – «равных себе творцов». Считая такие притязания неосновательными, автор статьи тем не менее призывал критиков к справедливости, беспристрастности и осторожности. Вывод, к которому в итоге приходил М. Цетлин, вскрывает его собственное нравственное кредо: «Для критика невозможна строгость историка литературы. Он должен помнить, что его похвала окрыляет (что бы ни говорили художники), а хула отравляет»².

Три основных обязательства, которые возлагал на критика М. Цетлин: справедливость, беспристрастность и осторожность, – выдерживаются им самим не в равной мере. В условиях накаленной политической разобщенности 1920-х годов объективность и беспристрастность представлялись едва ли возможными. В работах критика с очевидностью проступает определенная доля предвзятости в оценке произведений советских писателей. Однако, несмотря на порой довлеющие политические акценты, М. Цетлин в большинстве случаев безошибочно определял талант, выявляя характерные особенности и сильные стороны творчества эмигрантских и советских писателей.

¹ Там же.

² Новый журнал. Нью-Йорк, 1958. № 53. С. 226.

В.В. Никульцева

МЕМУАРИСТИКА И КРИТИКА ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

Игорь Северянин известен как оригинальный поэт, прошедший путь от символизма и романтизма к эгофутуризму и затем к реалистической ясности. Однако он является автором не только многочисленных «поэз», поэм и «автобиографических романов в стихах», но и литературоведческого труда по поэтике и версификации¹, а также обширных мемуаров.

В Эстонии поэт пишет книгу «Уснувшие весны». Критика. Мемуары. Скитания» (1931), куда вошли очерки 1920–1930-х годов о современниках: писателях, композиторах, артистах, художниках, общественных деятелях. Встреча Игоря Северянина с И. Буниным в 1938 г. послужила поводом для создания фрагмента воспоминаний о писателе («Моя первая встреча с Буниным», <1939>). В 1940 г. написаны «Заметки о Маяковском»², с которым Северянин был дружен.

«Уснувшие весны»³ состоят из 35 эссе, в большей части которых речь идет о ближайшем в дореволюционной России окружении поэта. Пять статей: «Стихи, мне посвященные» (б. д.), «Последние дни поэта» (1923), «О творчестве и жизни Фофанова» (1923), «Цветы неувядные (Лирика Фофанова)» (1924), «Цветы розовой окраски...» (О лирике Фофанова)» (1924) — посвящены тому, чьи отзывы о лирике Северянина дали протекцию начинающему поэту. Воспоминания о К.М. Фофанове,

¹ Теория версификации. (Стилистика поэтики). 1933 (28 л.) // РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 12.

² Рукопись хранится в музее В. Маяковского.

³ Цит. по: Северянин И. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза / Сост., авт. предисл. и коммент. Филькина Е. М., 1999. С. 449–507.

стихи которого поэт высоко ценил, пронизаны светлым чувством печали, почтительности и преклонения перед «духовным отцом»: «... несмотря на свою скромную форму, размер, бедноту рифм и общую кажущуюся банальность, они так пленительны и полны такого тайного очарования, что повторять их бесконечно является настоящим наслаждением, я сказал бы, потребностью каждого, кто любит и чувствует красоту»¹.

В отношениях с наставником подчеркивается простота, задушевность, полное доверие, искренность, духовность — те черты, которые были свойственны и Фофанову-поэту, и Фофанову-человеку. «Бывши поэтом-пушкинианцем, молясь на Пушкина, он любил простоту и ясность, хотя сам не был чужд свежих образов, смелых эпитетов... в творчестве своем, как истинно художественном, он часто бывал подсолнате́лен»². Делая записи о последних днях жизни поэта, Северянин припоминает все до мелочей: где было опубликовано известие о болезни знаменитого декадента, на что он жаловался и какой диагноз поставил врач, фамилию врача и адрес лечебницы, размер стоимости места на Новодевичьем кладбище. Праведным гневом и возмущением дышат строки, в которых описываются немногочисленные присутствующие на скромных похоронах «выдающегося русского поэта, временами доходящего до гениальности»³. Преклоняясь перед своим учителем, Северянин все же берет на себя труд сделать полный критический разбор его творческого наследия. В статье «О творчестве и жизни Фофанова» содержится резкая оценка: «Творчество Фофанова полярно: с одной стороны, жалкая посредственность, с другой — талант, граничащий с гением...»⁴. Недостатками его поэзии Северянин считает «вопиющую небрежность», «необдуманную наскоро́сть», «неуменье, возможно нежеланье, работать над стихом», а «главной силой», «очарованием фофановской музыки» — лирику «северной весны с ее белыми ночами, такими большими и призрачными, с ее утонченным целомудрием, с почти <безуханными> ароматами...»⁵. «Душа лирики» К. Фофанова, чье «непередаваемое обаяние» пленительно, по мысли его ученика, «не подлежит никаким анализам, никакой

¹ Цит. по: Северянин И. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза / Сост., авт. предисл. и коммент. Филькина Е. М., 1999. С. 450.

² Там же.

³ Там же. С. 452.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по: Северянин И. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза / Сост., авт. предисл. и коммент. Филькина Е. М., 1999. С. 453.

формулировке», однако именно этот анализ содержится в двух очерках критика — «Цветы неувядаемые (Лирика Фофанова)» и «"Цветы розовой окраски..."» (О лирике Фофанова)». В первой статье рассматриваются произведения, вошедшие в книгу «Стихотворения К.М. Фофанова (1880—87 гг.)». Критик ставит вопрос: почему поэта при жизни почти не замечали, тогда как С. Надсона читали запоем? «Объясняется, однако, все это очень просто, — считает Северянин, — у Фофанова не было тенденции, обязательной для русского поэта той эпохи, Надсон же, писавший душещипательные элегии, насыщенные гражданской скорбью и стереотипной лирикой обывателя, отвечал как раз запросам времени»¹. Свои субъективные суждения критик стремился оправдать следующим образом: «Повторяю, я говорю только с точки зрения литературного, специального, подхода и ничего более»². Этот «литературный подход» реализуется в обширных цитатах из фофановских стихотворений. Наряду с «замечательной плавностью» и «редкой вдохновенностью» Северянин подмечает у своего любимого поэта «несомненную иронию», перерастающую в провидческую самоиронию: жажда «любви и ласки, ожесточенный жизненными неудачами, подверженный страшному "виноградному пороку", пал он "жертвой суеты", не донеся до седин славы, хотя рассвет его и был ясным и обещал ему так много...»³. Благодарный ученик «великого поэта» пытается опровергнуть все сплетни, подчеркивая, что, «несмотря на все свои — иногда и крупные — недостатки, как в творчестве, так и в жизни, Фофанов был обаятельным, мягким, добрым, ласковым и сердечным человеком, очень нравственным, религиозным и даже застенчивым по-детски», который до последнего часа своей жизни «не переставал водить рукой по стене, как будто что-то писал», — творчество «не покидало его до самой смерти»⁴.

Заметка «Встречи с Брюсовым» посвящена второму поэту, приветствовавшему Северянина на литературном поприще. Вспоминая о «мэтре русской литературы», автор эссе детально и точно описывает его характер, манеру чтения и внешность. Для Северянина В. Брюсов олицетворял «нечто чудесное, сказочному сну подобное: юному, начинающему, почти никому не известному поэту пишет совершенно исключительное по

¹ Там же. С. 454.

² Там же.

³ Там же. С. 458.

⁴ Там же. С. 451, 454.

любезности письмо и шлет свои книги поэт, достигший вершины славы, светило модернизма, общепризнанный мэтр...»¹. Литературные вкусы двух поэтов во многом совпадали, что еще более сближало их; так, оба сходились во мнении, что «бездарность и безвкусице» С. Надсона «развратили целое поколение молодых стихотворцев»². Северянин не берет на себя труд оценить произведения «собрата по перу», но считает своим долгом объяснить охлаждение в их взаимоотношениях. Отмечая, что общий тон рецензий В. Брюсова на северянинские книги «был более чем благожелательный», автор воспоминаний признается, что «несколько погорячился... больше всего опасаясь, что мое молчание могло бы быть истолковано как боязнь перед "авторитетом"...»³, когда прочитал заметку о сборнике своих стихов «Златолира» (1914), и ответил рецензенту язвительными стихами, обвиняя того в зависти («Поэза для Брюсова»; сб. «Victoria Regia», 1915). Именно это послужило поводом к написанию В. Брюсовым статьи «Игорь Северянин»⁴, которая, «несмотря на все ее кажущееся беспристрастие и из ряда вон выходящие похвалы... носит в себе следы глубочайшей, неумело скрытой обиды...» И все же последняя встреча двух поэтов (Баку, февраль 1917) расставила все точки над «i»: Северянин, искренне чтя «истинных поэтов», к числу которых относил и себя самого, и В. Брюсова, искал повода помириться со старшим товарищем. И этот повод не заставил себя ждать — примирение двух мэтров, охлаждение между которыми возникло из-за неудовлетворенных амбиций, состоялось. «Чудесно начатое знакомство закончилось не менее чудесно, и я все-таки склонен больше верить оставшимся на всю жизнь в моих глазах благожелательным и восторженным последним глазам Брюсова, сердечным интонациям его последнего голоса, головокружительности его последних похвал по моему адресу там, в Баку, чем злостным предупреждениям явно переставшей меня чаровать чаровницы, в сущности далекой искусству и его жрецам»⁵. Заканчивая свой очерк на этой оптимистической ноте, Северянин предпочитает не вспоминать о дальнейших творческих контактах со «старшим собратом», переписку с которым возобновил в 1920 г. Письма 1920–1923 гг. (ОР РГБ, ф.386,

¹ Северянин И. Тост безответный. С. 458.

² Там же. С. 460.

³ Там же.

⁴ Брюсов В. Игорь Северянин // Критика о творчестве Игоря Северянина. М.: Издание В.В. Пашуканиса, 1916. С. 9–26.

⁵ Северянин И. Тост безответный. С. 460.

п.102, ед. хр.25), воспоминания Брониславы Погореловой (Рунт)¹ и других современников свидетельствуют о том, что охлаждение В. Брюсова к коллеге вовсе не сошло на нет, как это обрисовывает Северянин, а, наоборот, усугубилось, перейдя в открытое отторжение и даже забвение.

Четыре статьи (1927) посвящены Ф. Сологубу (Тетерникову), третьему поэту, представившему Северянина петербургскому литературному миру в октябре 1912 г. и посвятившему своему протекже «восторженный триолет («Восходит новая звезда...») и не менее восторженное предисловие» к «Громокипящему кубку».

В эссе «Салон Сологуба» дана панорама вкусов, привычек и занятий литературной и театральной богемы Петербурга 1910-х годов. Длинной вереницей проходят люди, с которыми мемуарист был не-когда в той или иной степени знаком: А. Чеботаревская, А. Ахматова, Н. Тэффи, О. Глебова-Судейкина, В. Гиппиус, К. Эрберг, В. Мейерхольд, З. Гиппиус, Д. Мережковский и др. Особенно тепло отзывается Игорь Северянин о Т.Л. Щепкиной-Куперник: «У меня осталось об этом вечере прелестное впечатление: столько уюта было в этой маленькой, глубоко симпатичной и скромной женщине в темном»². По-доброму вспоминает он и о А.Н. Чеботаревской: «В своем боготворении Сологуба, сделав его волшебящее имя для себя культом, со всею прямою и честностью своей природы она оберегала и дорогого ей человека, и несравнимое имя его»³. Отмечая такие черты супруги поэта, как «кокетливость, склонность к легкому флирту и болезненная эксцессность», Северянин преклоняется перед ее «безукоризненной» верностью. Склонность к «эксцессам», общая у мужа и жены, выливалась в создание интимно-фривольных вечеров, не выходящих при этом, по мнению мемуариста, за грани дозволенного. Живя на широкую ногу, чета Сологубов привлекала к участию в «рокфорных вечеринках» петербургский *demi-monde*, однако Л. Андреев, К. Бальмонт, А. Блок, В. Брюсов и Н. Гумилев посещали их крайне редко, будучи вынужденными поддерживать внешнее знакомство с коллегами по перу.

Если по отношению к В. Брюсову Северянин не смеет выступать критиком, то те или иные — как правило, восторженно-почтительные — оценки внешности, поступков, характера и поэзии Ф. Сологуба постоян-

¹ См.: Бронислава Погорелова (Рунт). Валерий Брюсов и его окружение // Воспоминания о Серебряном веке / Сост., авт. предисл. и коммент. Крейд В. М., 1993. С.38.

² Северянин И. Тост безответный. С. 462.

³ Там же. С. 464.

но приводятся им. Декламация Сологубом собственных стихов импонирует эссеисту простотой и четкостью, а «его колдовской, усмешливый и строгий голос»¹ усыпляет своей монотонностью. Интуиция и провидческие способности «мэтра» притягивали и пугали современников, которые все готовы были простить за «изумительный по остроумию спич», граничащий с дерзостью, что позволялся только ему одному, способному создать гостям атмосферу интимной непринужденности: «В сером своем, излюбленного мышиноного цвета костюмчике он вставал с места, терпеливо и чуть усмешливо выжидая момента, когда стол, разгоряченный теми вина и вином тем, стихнет. Все взоры обращались на поэта. Гости заранее предвкушали жгучее наслаждение. С бокалом в руке он начинал спич, и вскоре весь стол прыскал от неудержимого смеха или конфузливо опускал глаза»². В связи с памятными тостами Северянин припоминает множество анекдотов и скабрзных историй, случившихся в салоне Сологубов, и пересказывает светские сплетни, иронизируя при этом над собой и другими. Но, затрагивая многих современников, мемуарист не дерзает запятнать имя своего покровителя.

«Нежность» и «иронию» видит Северянин в отеческих глазах Ф. Сологуба. «Но он уже скомкал маску своего лица, выбрал в себя иронию и только нежно-нежно, на какую нежность способен только он, мой единственный, вновь неотрывно смотрит в мои глаза»³, — пишет Игорь Северянин в эссе «Сологуб в Эстляндии» (1927). Завтраки и обеды под открытым небом, разговоры «о жизни» и литературе, свободное музицирование в семейные вечера — основные темы этого очерка. Домашняя обстановка у Сологубов сильно привлекала молодого поэта и, видимо, еще и поэтому он так близко к сердцу принял кончину старшего друга и наставника — кончину того, кого он считал «самым близким... после Фофанова из своих современников»⁴. Анализируя произведения мэтра (очерк «Эстляндские триолеты Сологуба», 1927), Северянин выступает в роли очень доброжелательного и мягкого критика, считая Ф. Сологуба «самым изысканным из русских поэтов»: «Он очень труден в своей внешней прозрачной легкости. Воистину поэт для немногих. Для профана он попросту скучен. Поймет его стихи всякий, — не всякий почувствует их

¹ Северянин И. Тост безответный. С. 462.

² Там же. С. 463.

³ Там же. С. 466.

⁴ Северянин И. Тост безответный. С. 471.

чары, их аллитерационное мастерство... Трудно представить себе, как из такого типичного пролетария, каким был по рождению Сологуб, мог развиться тончайший эстет, истинный гурман в творчестве и в жизни»¹. Проводя параллель между своей творческой биографией и «жизнью души» высокопочитаемого им поэта, критик видит иронию судьбы, чьи удары направлены на отмеченных Богом людей: «...продажная критикокретиническая бездарь, — классическая свинья в апельсинах, — всячески поносила могущественного своего же русского поэта и, вместо того чтобы гордиться им, глумилась по своему хамскому обыкновению»².

Тепло отзываясь мемуарист и о своем современнике, редакторе издательства «Гриф» (Москва) В.В. Пашуканисе, который способствовал выходу в свет «Громокипящего кубка» — «первой книги поэт» Северянина. По его мнению, В.В. Пашуканис был «тонким, интеллигентным» издателем, обладал «большим вкусом» и писал «далеко не дурные» для человека с университетским образованием стихи. В «Гриф» издавались небольшими тиражами книги коллег по перу, в частности кубо- и эгофутуристов. Одному из своих близких товарищей посвящает Северянин статью «Осиянный (О творчестве Алексея Масаинова)». Будучи склонным к анализу взаимоотношений, рассказчик отмечает, что интуиция, которой он всегда доверял, не подвела его, когда в первую встречу почувствовал к А. Масаинову «живейшее влечение»: «Не обмануло меня первое впечатление: таким он и оказался впоследствии, когда стал у меня “своим человеком”, постоянно выступал на моих вечерах с лекциями об искусстве и со своими искристыми стихами, когда ездил со мною на концерты в Саратов, Москву, Псков...»³. Северянин называет младшего товарища «блестящим лектором», восторгаясь и его поэтическим творчеством, в корне своем имеющим подражательский характер, что, по мнению эссеиста, вполне закономерно: «Но я хочу подчеркнуть, что не всякое влияние удачно, у Масаинова же его “подвлианная” поэза вышла безукоризненной: сколько в ней вдохновения, блеска, колорита, колдовства! О подражании же здесь не может быть и речи: просто он создал нужные ему неологизмы, как, напр[имер], “озвонить”, другие же, мои,

¹ Там же. С. 468.

² Там же. С. 469.

³ Северянин И. Тост безответный. С. 471.

вроде “грезово” и “звончато”, употребил как удачные — ах, не все ли равно чьи? — достижения»¹.

О другом собрате по духу, И. Игнатъеве, Северянин повествует в связи с упоминанием о бутафорной одежде «кубистов»: «Из эгофутуристов только один И.В. Игнатъев ходил иногда в золотой парчовой блузе с черным бархатным воротником и такими же нарукавниками»². Ему посвящено эссе «Газета ребенка (И.В. Игнатъев и его «Петербургск[ий] Глашатай»)». Отмечая у своего товарища отсутствие какого бы ни было писательского дара, мемуарист не отказывает ему в тонком вкусе критика, в изысканности «стилистики» и в поэтичности души. Стиль, в котором написано эссе, разительно отличается от манеры создания других заметок и очерков — иронически-шутливый, в народно-сказовом духе. Внимание эссеиста привлекают «странности» Игнатъева: томящие предчувствия смерти любимой бабушки, внезапная и парадоксальная для женоненавистника свадьба, психические отклонения, спровоцировавшие самоубийство.

Несколько слов написано Северяниным и о «поэте-народнике» П. Ларионове, которого К. Фофанов прозвал «Перунчиком» «за свою динамичность». Будучи «косноязычным от рождения и не выговаривавшим большинства букв алфавита», Петр Ларионов под влиянием крепких напитков «приобретал вдруг способность потрясающе и захватывающе читать стихи Фофанова». Однако такая способность, проявляющаяся в интимном кругу близких друзей, пропала на массах, вследствие чего Северянин вынужден был отказаться от идеи «выпускать его на своих вечерах в Петербурге, Москве и Ярославле»³.

Определенными странностями отличался и другой товарищ и последователь Северянина — сын К.М. Фофанова К. Олимпов. Обладавший при жизни отца девической мягкостью и застенчивостью, он, став эгофутуристом, скандально прославился «своими дикими выходками и причудами вплоть до запускания в публику стульями...»⁴ и печально кончил жизнь в сумасшедшем доме.

Три эссе объединяет имя Г. Иванова. В первом — «Успехи Жоржа» («Сады» — Георгия Иванова) — мемуарист вспоминает о возникно-

¹ Там же. С. 472.

² Там же. С. 461.

³ Северянин И. Тост безответный. С. 479.

⁴ Там же. С. 451.

вании «Академии эгофутуризма», в «ректорат» которой входил и «Баронесса» (так называли Иванова в эгофутуристических кругах), о его измене этой литературной группе и союзе с Н. Гумилевым. Поэтическое творчество бывшего «соратника по академии», обладавшего «очаровательным талантом», привлекает Северянина «нежностью и простотой», и среди его книг лучшей признаются «Сады», доставляющие «истинное наслаждение бродить по их узорчатым аллеям, вдыхая тончайшие ароматы изысканных цветов, среди которых на озерах умирают последние “лебеди романтизма”...»¹. Однако эти строки написаны в 1924 г. Спустя три года Северянин пишет еще две заметки, острополюемичные по своему характеру. В первой из них – «Шепелявая тень» (1927) – содержится резкий выпад против Г.Иванова, сгустившего краски в серии мемуарных очерков, один из которых посвящен Северянину (1925). Сам адресат называет очерк из «Китайских теней» фельетоном и, в свою очередь, в остроумной манере дает отпор недавнему другу, вступая с ним в творческую борьбу. Настоящая отповедь Г. Иванову и (подспудно) А. Крайнему (З. Гиппиус), взявшему под свое покровительство мемуариста, содержится в заключительном эссе – «Новая простота...» (1927), где парижский критик уличается в «лживой тенденциозности освещения... частной жизни» Северянина и в отсутствии чувства ответственности за содеянное. Как и предыдущая, эта статья написана в тонко-ироничном ключе, позволяющем Северянину, не выходя за рамки приличия, восстановить репутацию друзей и знакомых и «смыть грязь» со своего несправедливо поруганного имени.

«Светлые воспоминания» остались у писателя о В. Маяковском, В. Каменском, Д. Бурлюке и А. Кусикове, о чем он пишет в очерке «Беспечно путь свершая...» (1924). К В. Маяковскому – человеку и поэту – Игорь Северянин сохранил теплое чувство до самой смерти: «Мне нет дела, к какой политической партии принадлежит он теперь, ибо я вижу в нем только поэта, моего некогда враждовавшего со мною друга, дружественного мне врага»². Со своей стороны, пролетарский поэт, по признанию мемуариста, любил «утощать» Северянина его же стихами в своем исполнении³.

¹ Там же. С. 475.

² Северянин И. Тост безответный. С. 461.

³ Об этом пишет и Н. Харджиев, опираясь на свидетельства современников (В.Каменский, Л. Брик и др.); см.: Харджиев Н.И. Статьи об авангарде: В 2 т. М., 1997. Т.2. С.37.

В 1940 г. Северянин пишет «Заметки о Маяковском»¹, охватывающие значительный период времени – с 1914 по 1922 г. Помимо собрата по перу галереей проходят современники: Л. и О. Брики, Б. Пастернак, А. Кусиков (Кусикян), Ф. Круут, А.Н. Толстой, проф. А.Н. Чумаков, Злата (Е. Гуцан-Меннеке), А. Чавчавадзе, М. Домбровская (Волянская), Г. Лившиц, О. Гзовская, Гайдаров, Б. Башкиров (Верин), Сонка (С. Шамардина), В. Солнцева (Гадзевич), В. Баян (В. Сидоров), И. Игнатъев, Д. Бурлюк, Х. и И. Виснапу, З. Венгерова, И. Пуни, Ф. Сологуб и мн. др. В этой пестрой мозаике героев и встреч главное место отводится В. Маяковскому, взаимоотношениям друзей-соперников. Советский поэт принимал участие в судьбе Северянина: совместно с А. Кусиковым устроил в берлинское издательство «Накануне» четыре его книги («Трагедия титана», «Соловей», «Царственный паяц», «Форелевые реки»), из которых две, включающие избранные стихи, так и остались неопубликованными; предлагал ехать в Советскую Россию, обещал ходатайствовать о лучших условиях жизни на родине; устраивал поэтические вечера и концерты с участием Северянина. Мемуарист вспоминает о поэтическом туре по России, объединившем кубо- и эгофутуристов («Первая Олимпиада российского футуризма», 1914). Однако, по его мнению, «полному объединению “Эго” и ”Кубо” всегда мешали и внешние признаки вроде цветных одежд и белизны на щеках»². «Никаких ссор между мною и Володей не бывало: бывали лишь временные расхождения. Никто из нас не желал уступать друг другу: “Молодо зелено”... Жаль!»³. Даже вызывающее поведение В. Маяковского на «поэзовечере» в Политехническом музее (Москва, 1918), когда Северянина избрали Королем поэтов, он склонен рассматривать благожелательно: «Маяковский вышел на эстраду: “Долой королей – теперь они не в моде”. Мои поклонники протестовали, назревал скандал. Раздраженный, я оттолкнул всех. Маяковский сказал мне: “Не сердись, я их одернул – не тебя обидел. Не такое время, чтобы игрушками заниматься”...»⁴.

¹ Цит. по: Северянин И. Я избран королем поэтов: Стихи и проза. М., 2000. С.516–527.

² Цит. по: Северянин И. Я избран королем поэтов: Стихи и проза. М., 2000. С. 523

³ Там же. С. 523-524.

⁴ Там же. С. 524.

В 1923 г. Северянин написал стихи, посвященные другу («Владимиру Маяковскому»), которые так и не дошли до адресата¹. В них подчеркиваются те черты, которые так ценил поэт в писателе — напор, мощь таланта, широта души, «революционный характер». Не помня, при каких обстоятельствах произошла первая встреча поэтов, мемуарист подчеркивает, что они сразу перешли на дружеский тон общения, говоря друг другу «ты». «Бывал он всегда со мною ласков, очень внимателен сердцем и благожелателен ко мне. И это было всегда. В глаза умел говорить правду не оскорбляя; без лести хвалил»².

Подводя итоги, Северянин сознается сам себе, что «очень сильно и по-настоящему любил Маяковского», что окончательно осознал в 1930 г.»³ Камнем преткновения в их отношениях были не разность литературных вкусов и политических ориентаций, а женщины, ссоры из-за которых «коверкали жизнь, болезненно и отрицательно отражаясь на творчестве». «...Я теперь жалею, — резюмирует Северянин, — что в свое время недооценил его глубинности и хорошесть: мы совместно, очевидно, могли бы сделать больше, чем каждый врозь. Мешали мне моя строптивость и заносчивость юношеская, самовлюбленность глуповатая и какое-то общее скольжение по окружающему»⁴.

За год до «Заметок о Маяковском» написана короткая статья «Моя встреча с Буниным» (1939)⁵, в которой речь идет об автобиографическом эпизоде. Не будучи лично знакомым с классиком, Северянин ценил его «как беллетриста, а еще больше как поэта»⁶. Эпизод передан в форме диалога, который ярко отражает разность характеров и положений двух писателей: Бунин показан скучающим и пресыщенным жизнью человеком, развенчивающим свой имидж, а сам мемуарист — философски настроенным скептиком, иронизирующим над современным бытием. Внешняя логика разговора прикрывает равнодушие и утомление маститых собеседников, отринутых своей родиной и болезненно любящих ее.

¹ Стихотворение включено в неопубликованную книгу И. Северянина «Литавры солнца. Стихи 1922–34 гг.» (рук. хранится в РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1 Ед. хр. 1. Л. 94–94 (об.)).

² Северянин И. Я избран королем поэтов. С. 527.

³ Там же. С. 524.

⁴ Северянин И. Я избран королем поэтов. С. 527.

⁵ Цит. по.: Северянин И. Я избран королем поэтов. С. 496–498.

⁶ Там же. С. 496.

В «Уснувших веснах» помимо заметок, очерков и эссе о писателях-современниках есть и оперные заметки, и образцы эпистолярного жанра. Немало воспоминаний Северянина о жизни в Эстонии. Важным звеном книги являются «Блестки» — свод «афоризмов, софизмов, парадоксов» (1915–1919).

Основным методом Северянина-критика выступает описательный: обширные цитаты из произведений рассматриваемых поэтов перемежаются с упоенно-вдохновенными оценками ярких метафор, сравнений, эпитетов, из которых сплетается причудливый узор индивидуально-го словесного творчества. Для критика несомненно важным остается все то, что делает неизъяснимо-прелестными поэтические строки, за которыми он видит сложный духовный мир создателя, те тонкие грани его таланта, которые, на взгляд поэта-критика, недоступны невооруженному глазу «заурядного читателя» и «критико-кретинического бездаря». Автор и человек в восприятии Северянина — это две ипостаси единого целого, но они разводятся, когда речь заходит о личном отношении к коллеге. В такие моменты критик вновь становится мемуаристом, причем довольно саркастическим и беспощадно жестким, но сохраняющим объективность в восприятии и интерпретации лиц и событий.

Мемуариста отличает справедливость в оценках современников; максимально правдиво рассказывая о событиях личной жизни и творческих взаимоотношениях, он, однако, не избегает субъективного элемента в виде иронических и саркастических замечаний. Сохранив на всю жизнь презрение к критике («У всякого великого художника есть свои шуты: это — критики»), поэт осторожно пробует себя в этой сфере. Как критик, Северянин старается не повторять тех ошибок, которые «кармически» повлияли на его судьбу на заре поэтической славы, и, памятуя об этом, старается быть предельно точным и нелицеприятным.

И.А. Ревякина

ПУБЛИЦИСТЫ И КРИТИКИ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920-Х ГОДОВ
О ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО

Обсуждение разных сторон деятельности М. Горького в 1920-е годы касалось и значимых процессов развития русской литературы в целом. Исторический раскол и новая реальность обусловили неизбежное острейшее противостояние и вместе с тем очевидное притяжение разных теперь берегов национальной культуры. Именно об этих тенденциях, которые касались и всей литературы, и отдельных ее представителей — в том числе Горького, много позднее, в 1954 г., Г. Адамович в предисловии к своей итоговой книге писал: «Диалога с Советской Россией в эмигрантской литературе не наладилось. Или хотя бы монолога, туда обращенного, без надежды и расчета на внятный ответ, с одним лишь вычитыванием между строк в приходящих оттуда книгах... Многое, однако, материалом для него послужить могло бы». Важность самого вопроса о таком *диалоге* или даже *монологе* Адамович выделял в конце предисловия своим взволнованным размышлением-призывом: «Не отрекайся от страны в несчастье... Вчитайся, вдумайся, пойми — худо ли, хорошо ли, сквозь все цензурные преграды в этих книгах говорит с тобой Россия!

Сомнения парализовали волю. Как было обратить речь “туда” прежде, чем договориться с самим собой?»¹

Произведения Горького 20-х годов, несомненно, давали огромный «материал», чтобы, *вчитываясь* и *вдумываясь* в него, *понять* разные голоса России, «здесь» и «там» — их переключки, худое и доброе в

¹ Адамович Г. Одиночество и свобода. М., 1996. С.19–20.

них: ведь жизнь и творчество большого писателя сопрягались с главными путями времени и его искусства.

О возможностях литературной критики в особых условиях эмиграции много спорили. Так, оглядываясь на пройденный опыт, З. Гиппиус в 1928 г. заявляла, что «художественная критика» отсутствует в «политических журналах» эмиграции, там все пронизано субъективностью, а критики — лишь «надсмотрщики над углами искусств» и «художественная правда» им недоступна¹. На это немедленно и с решительным возражением отозвался В.Ф. Ходасевич. По его утверждению, критик должен «уметь читать» литературное произведение, и в этом, а вовсе «не в оценках», — «смысл и ценность» его деятельности. Главным Ходасевич считал «независимость» позиции критика, «определенность художественных воззрений», а также «солидность литературных познаний»².

Для Д.В. Философова критическое разномыслие тоже было очевидно переживаемого времени. Только так, по его словам, и происходили «спору о самом важном», не имеющие «ничего общего с полемикой личного характера». На этом он и настаивал в 1934 г., определяя свою «правду активизма», т.е. «сознательного» и «действенного» отношения к разноликой литературной реальности: «Может быть, в первые годы нашего изгнания мы грешили... тенденциозностью, т.к. слишком живы были наши воспоминания об эпопее белой борьбы, о трагическом периоде военного коммунизма... С тех пор мы научились смотреть открытыми глазами на происходящее в России». По словам критика, «утверждение, что лишь эмиграция более объективно и менее тенденциозно способна расценить и освещать происходящее в России, не является вовсе парадоксальным»³.

Высказывания о Горьком так или иначе совмещали субъективное и объективное в стремлении *понять* или *истолковать* не только «художественную правду» писателя, но и его общественно-политическую позицию, его размышления о «времени и о себе».

На первый взгляд, кажется поразительным калейдоскоп самых несхожих оценок личности Горького: от памфлетно-резких «Смердяков

¹ Крайний Ант. Положение литературной критики // Возрождение. Париж, 1928. 24 мая.

² Х.В. [Ходасевич В.Ф.] Еще о критике // Там же. 31 мая.

³ Философов Д.В. К читателю // Меч. Варшава, 1934. № 19/20. С. 4

русской революции» — у Евг. Чирикова¹, до аналитически взвешенных — у Г. Федотова: писателю по праву принадлежит, полагал он, «патент на благородство» за все, сделанное для интеллигенции в период революции². На протяжении 20-х годов, возможно, ни один писатель не вызывал такой пестроты мнений и неослабевающей горячности в спорах. Яростному неприятию роли Горького в исторических событиях революции 1917 г. и последующих лет (Д. Мережковский, З. Гиппиус, И.А. Бунин) противостояло стремление понять позицию писателя во всей ее сложности (Ф. Степун, В.Ф. Ходасевич, Г. Адамович и др.), а не только разоблачать и отрицать.

Собственно литературное творчество Горького, казалось бы, несомненное по силе и самобытности, также вызывало резко различные оценки. Не только Ю. Айхенвальд продолжал еще с дореволюционных лет твердить, что Горький давно исчерпал «нечестность» своего «дарования». Это же не сходило с уст З. Гиппиус. Напротив, новизну художественных открытий писателя отстаивали М. Слоним, М. Осоргин, Ф. Степун, Е. Замятин, Ю. Анненков и др.

В развитии критики о Горьком явно различимы два периода: 1920-е и 1930-е годы. Выделение 1920-х годов обусловлено прежде всего тем, что это был период становления самого *русского зарубежья*. Писатель также прошел тогда определенный путь: от поисков контактов с эмиграцией до резкой конфронтации с ней. Вспомним, например, с одной стороны, не случайно «забытые» в советское время его статьи «Призвание писателя и русская литература нашего времени» и «Группа “Серапионовы братья”», а также его намерение печатать в журнале «Беседа» и *советских*, и *эмигрантских* писателей, а с другой — опубликованную в конце 20-х годов резкую статью «О белоэмигрантской литературе» (1928). Так определился рубеж двух разных периодов в осмыслении творчества Горького вне пределов «метрополии»³.

Отражение деятельности и творчества Горького в литературном зарубежье 20-х годов уникально различием подходов. Основаниями для

¹ Чириков Е. Смердяков русской революции: Роль Горького в русской революции. София, 1921.

² См. его статью-некролог «На смерть Горького» (1936).

³ См. об этом: Ревякина И.А. Русское Сорренто (1924–1933): Литературные диалоги и противостояния // Италия и русская культура XV–XX веков. М., 2000. С. 152–176; Ревякина И.А. Русское Сорренто (1924–1933) // Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918–1940. М., 2000. Т. 2: Периодика и литературные центры. С. 408–413.

противоположных оценок были и неоднозначность позиции писателя (он являлся не только глашатаем революции, но в то же время ее критиком), и многообразие точек зрения на большевизм в самой эмиграции. Исторически рядом оказывались крайние точки зрения: непримиримых, с одной стороны, а с другой – тех, кто оставался некоторое время нейтральным, искал контактов или даже компромиссов (сторонники «смены вех», евразийцы и др.). Активная общественно-историческая позиция Горького (и в этом сказалось одно из свойств его таланта) вызывала все новые поводы для «ответов» ему. Выступал ли Горький с юбилейным приветствием В.И. Ленину в 1920 г. или вел полемику с Г. Уэллсом о голоде в России и его причинах, ставил ли вопрос об истоках «жестокости» русской революции (в статье «О русском крестьянстве») – все это, как и многое другое, становилось предметом полемики. Феномен Горького, духовный и политический, порождал публицистическую критику и собственно публицистику разных жанров: это и памфлет, и полемическая статья-ответ, и сатирический фельетон. Именно так заявляли о своем отношении к деятельности писателя как участника революции особенно непримиримые – Д. Мережковский, И. Бунин, А. Яблоновский и др.

Вместе с тем в 20-е годы складывалась и линия *художественной* критики. Она определялась осмыслением всех, без исключения, новейших произведений писателя – таковы «заметки из дневника», воспоминания, рассказы 1922–1924 гг., повесть и рассказы биографического цикла, роман «Дело Артамоновых». Этой линии критики было присуще стремление понять место Горького в «смене художественных вех» эпохи. Интерес к взаимодействию в творчестве писателя разных стилей – реализма и модернизма – характерен для выступлений Г. Адамовича, Ф. Степуна, М. Слонима, Н. Оцуца.

Наконец, четко обозначился в 20-е годы общекультурный подход к этой «крупной» фигуре, как тогда называли Горького. Культурологи, философы, критики пытались определить роль писателя в осознании раскола русской культуры, в которой, по определению Г. Федотова, столкнулись «прозрение» ее «религиозного смысла» и «мысль о только человеческом характере»¹. Так намечалась исторически и философски объемная трактовка творчества писателя, интересная разносторонними обоснованиями – и с точки зрения традиций, и со стороны непосредственных наблюдений за текущей литературой. Многие оказались предме-

¹ Федотов Г.П. О Святом Духе в природе и культуре // Вопр. лит. М., 1990. № 2. С. 207.

том споров: удачи и неудачи писателя, природа его таланта, признаваемого или отвергаемого.

Публицистическая линия критики имела ряд заметных всплесков. Среди первых ниспровергателей Горького — Д.С. Мережковский. В памфлетно-фельетонном стиле написаны его статьи 1920 г.: «О чёрте, честности и равенстве» (отклик на обсуждение юбилейного приветствия Горького Ленину), а также «Открытое письмо Уэллсу» (ответ на защиту английским писателем культурных начинаний в Советской России). С внешней стороны — это выступления именно на *злобу дня*. Однако статьи необычны, так как написаны философом «нового религиозного сознания»: в них политически-сиюминутное смещено и в область метафизических вопросов. Для Мережковского «ложь» большевизма не только в неосуществимости конкретных политических лозунгов («мира, хлеба, свободы»); его волнует «ужасающий религиозный смысл» большевизма. Уничтожив «божественную ценность» человеческой личности, большевики являют «реальную одержимость дьяволом», они — «предельное воплощение, реализация Абсолютного Зла в человеческой личности, не только в духе, но и в плоти». В этих суждениях — корень непреклонного развенчания Горького Мережковским. Обращаясь к Уэллсу, философ утверждал: «...ваш друг Горький — не лучше, а хуже всех большевиков — хуже Ленина и Троцкого. Те убивают тела, а этот убивает и расстреливает души»¹.

Имя писателя почти постоянно упоминается в публицистике И.А. Бунина уже с 1919 г. Осенью 1920 г. его выступления против Горького следуют одно за другим: «О Горьком» — в газете «Общее дело» (24 сент.), «Суп из человеческих пальцев» — в «Свободных мыслях» (27 сент.), «“Многогранность”» — в «Общем деле» (5 нояб.)². Писатель не приемлет Горького — про-

¹ Цит. по: Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001. С. 111–112. Обличительная позиция в отношении к Горькому нашла выражение и в книге четырех — Д. Мережковского, З. Гишпиус, Д. Философова и В. Злобина — «Царство Антихриста» (Мюнхен, 1921). Гишпиус опубликовала в ней часть своих «Петербургских дневников», представляя в них Горького в самом неприглядном виде: он некультурен, человечески не порядочен; привлечение Горьким писателей к работе во «Всемирной литературе» она рассматривала как «подкармливание будто бы интеллигентов», унижительное для них; в горьковской газете «Новая жизнь» видела только «худое дело» соглашательства, в «промежутках» которого писатель беззастенчиво «скупал за бесенок старинные вещи у “буржуев”, буквально умиравших с голоду». О предвзятости дневниковых записей Гишпиус писал врач и участник февральских событий И.И. Манухин. См. его письма и воспоминания в кн.: Звенья: Исторический альманах. М., СПб., 1992. Вып. 2. С. 18; Новый журнал. Нью-Йорк, 1963. № 73. С. 191–195.

² См.: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 гг. М., 1998.

пагандиста советской власти, и потому он с яростной запальчивостью отвечает на горьковские статьи в поддержку ростков «нового» в революционной России: «Обращение к народу и трудовой интеллигенции», «Вчера и сегодня», «Советская Россия и народы мира». Не принимал Бунин и проявлений оппозиционности писателя, его попыток умирить красный террор; не оценил он и культурной работы Горького в первые советские годы. Антибольшевистская позиция предопределяла неизбежную резкость суждений Бунина. Несколько позднее М. Слоним скажет о нем в связи с его программным выступлением «Миссия русской эмиграции»: он «очень хороший писатель», но одержим «потонувшим миром», «ослеплен политической злобой и скован самомнением и предубежденностью»¹.

И такое мнение не было единственным.

Тем не менее в самой «предубежденности» Бунина была доля исторической правоты. О событиях революции он писал с мучительной болью гуманиста, что с отчетливостью и проявилось в одном из самых ярких и страшных памфлетов Бунина — «Суп из человеческих пальцев: Открытое письмо к редактору газеты “Таймс”». Это был ответ на послание М. Горького Г. Уэллсу, который писал об ужасах го-лода и одичания в революционной России. Горький пытался смягчить душераздирающий резонанс выступления своего английского друга. Отклик Бунина, со своей стороны, стал манифестом-обращением ко всему европейскому «культурному, христианскому миру»², призывом к человечности. Писатель считал преступлением попытку оправдать «творчество социального опыта», пусть и невиданного в истории, однако купленного ценой «несказанной муки» России. Тут между гуманизмом христианина и гуманизмом революционера — между Буниным и Горьким — пролегла пропасть. Эту правду-боль большого русского писателя поддерживала зарубежная Россия. А.В. Амфитеатров писал Бунину: «Каждое Ваше выступление против Горького, Нансена, Уэллса... голос живого бодрого человека на безнадёжном поле, мертвыми костями усеянном»³.

¹ Слоним М. Литературные отклики: Бунин-критик. — Антон Крайний и Зинаида Гиппиус... О «Верстах» // Воля России. Прага, 1926. № 8/9. С. 89.

² Бунин И.А. Публицистика 1918—1933 гг. С. 66.

³ Бунин И.А. Публицистика 1918—1933 гг. С. 503. К сожалению, историческая правота бунинских разоблачений *красного террора*, как и праведный гнев писателя-гуманиста по отношению к Горькому, который в той или иной степени «прошал» большевикам их политику насилия, в горьковедении до сих пор рассматривается только как проявление озлобленного субъективизма писателя, классовой слепоты, как непонимание им

Ожесточенную дискуссию вызвала статья «О русском крестьянстве», одно из самых спорных публицистических выступлений Горького. На родине оно не было напечатано, не будучи одобрено партийным мнением. В результате статья так и осталась «зарубежным» его произведением. Издание ее в виде брошюры предварительно анонсировалось в первых числах октября 1922 г. в «Новой русской книге», в газетах «Сегодня», «Накануне», «Новое время», что свидетельствовало об интересе к писателю. Непримирым оппонентом писателя в его главном утверждении: жестокость русской революции — это выражение «исключительной жестокости русского народа», стал А. Яблоновский. Он выступил с памфлетными статьями «Адвокат дьявола» (Руль. Берлин, 1922. 12 окт.), «Ослиный мост» (Сегодня. Рига, 1922. 13 окт.), «Волки и овцы» (там же, 22 окт.). В статье «Адвокат дьявола» Яблоновский обвинял: «...совершенно напрасно “сын народа” г. Горький мажет дегтем русские ворота», «с азартом защищает безупречность “вождей революции”».

Позднее об упрощенном подходе Горького к вопросу о «жестокости форм революции» писал историк и общественный деятель С.П. Мельгунов¹. Были и другие мнения, но скорее как исключение; общим правилом стало говорить о ненависти писателя к крестьянству.

Заметным событием художественной критики о Горьком представляется дискуссия вокруг его новых произведений — «заметок из дневника» и воспоминаний, а также рассказов начала 20-х годов, которые печатались в «Беседе». Первым высказался Ю. Айхенвальд в своих «Литературных заметках» (Руль. Берлин, 1923. 27 мая, 2 сент.). Критик утверждал, что дарование Горького давно угасло, а новые его произведения — та же «сочиненность», что и прежние, и содержат они только «крупницы правды». В полемику с ним вступили М. Слоним и Д. Лутохин в журнале «Воля России» (Прага, 1924. № 4, 6/7). По мнению Слонима,

реальностей русской трагедии в эпоху революции. См., например: Примочкина Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья. М., 2003. С. 52–74 (раздел «Кончается Бунин, самый крупный и прекрасный художник»).

¹ Мельгунов С.П. Красный террор в России. Берлин, 1924. См. также: Литературная энциклопедия русского зарубежья. М., 2003. Т. 3: Книги. С. 166–168. Добавим, что Г. Федотов в статье-некрологе о Горьком выделял период 1917–1922 гг., когда во всей силе проявился свойственный писателю «апогей человека»: «Никто не вправе забывать того, что сделал он в эти годы для России и для интеллигенции» (Федотов Г.П. Защита России: Статьи 1936–1940 гг. из «Новой России». Париж, 1988. С.37). Горьковская апология большевизма в статье «О русском крестьянстве», появившейся именно в 1922 г., несомненно, была отмечена как серьезный поворот в мировоззрении писателя.

«дарование» Горького — «по-прежнему свежо и ярко». «Новизна» недавно созданного — «записные книжки», мемуары — рассматривалась им как «живое» явление современной литературы: художественный документализм был воспринят тогда как важный фактор новизны и горячо обсуждался. Статья М. Слонима имела полемическое название «Живая литература и мертвые критики»; при этом эпитет «мертвые» адресовался Айхенвальду и Антону Крайнему, т.е. З.Н. Гиппиус. Она незадолго до этого выступила с резким выпадом против Горького в статье «Литературная запись: Полет в Европу» (Современные записки. Париж, 1924. № 18). Предельной контрастностью оценок — «живое» и «мертвое» — Слоним верно обозначил остроту противостояния в литературе.

Антигорьковский аспект статьи Гиппиус обычно рассматривается не в полном объеме. Не случайно был избран момент выступления: Гиппиус язвительно иронизировала по поводу «любви к “культуре”» Горького «при полной к ней неспособности» именно тогда, когда писатель вступил в полосу успеха. В 1923—1924 гг. в Берлине появились три книги Горького: «Воспоминания: Н.Е.Каронин-Петропавловский. А.П.Чехов. Лев Толстой. М.М.Коцюбинский. Леонид Андреев»; «Мои университеты»; «Заметки из дневника. Воспоминания». В то же время стала выходить «Беседа», где публиковалось многое из только что написанного. И все это оказалось в центре литературных споров. Статья Гиппиус печаталась в № 18 «Современных записок», а в предыдущем (№ 17) выступили М.Осоргин — с благожелательной, хотя и краткой аннотацией «Беседы» и Ф.Степун — с рецензией на книгу «Мои университеты». Ведущий журнал русской эмиграции демонстрировал и независимость, и свободу мнений, предоставляя слово оппонентам (не об этом ли мечтал и Горький для своей «Беседы?»).

В такой особой ситуации ясен широкий смысл выступления Гиппиус: не только против явного успеха Горького-художника, не только против его новой и очень значимой культурной инициативы (замысел «Беседы»), но главным образом против Горького как представителя *другой культуры* — той, за которой — и демократия, и революция, и «восстание масс» — все эти пугающие призраки «Грядущего Хама» (по столь непростому, хотя давнему, но не устаревшему, определению Д. Мережковского). Теперь, в 1924 г., в статье «Благоуханные седины» об этом же

писала Гиппиус: об угрозе «культурного срыва» в новейшей истории и неизбежной «потере понятия личности»¹.

Против культурологической парадигмы Гиппиус (явно смешивались культура и политика) была направлена позиция М. Слонима. Он — на стороне Горького (не забудем об особой ситуации первой половины 20-х годов) в поддержке идеи единения культурных сил, даже несмотря на политическую конфронтацию. Это было подчеркнуто отнюдь не случайным сопряжением имен Горького и Бунина, разделяемых ожесточенным противостоянием. Критик писал: «Монархизм Бунина и большевизм Горького — пена на взбаламученном море политических превращений, а творчество их — драгоценные камни в полной чаше русского художества». В сущности М. Слоним высказал резкое неприятие выступлений Бунина, как и других ниспровергателей писателя: «Пора прекратить постоянное пошлое зубоскальство над Горьким и понять, что Горький-художник принадлежит не коммунистической партии, а всей мыслящей и культурной России. И эта Россия от Горького не откажется и безразличным для себя его считать не может»².

Попыткой определить некоторые общие черты писательского почерка Горького стала рецензия Ф. Степуна на книгу «Мои университеты», куда вошли кроме одноименной повести еще и автобиографические рассказы, и воспоминания — «Сторож», «Время Короленко», «О вреде философии», «О первой любви», «В.Г. Короленко». Замысел этого цикла писатель рассматривал как третью часть своей художественной автобиографии (две первые — «Детство» и «В людях») и первоначально называл «Юность» и «Среди интеллигенции». Воспоминания о Короленко понравились С.С. Юшкевичу, о чем он сообщил в письме Горькому.

О своем интересе к новым произведениям извещал писателя и Ф. Степун, высказав намерение отозваться о них в печати: «С громадным наслаждением прочел “Университеты”. Задержу.. чтобы написать рецензию». И в другом письме: «В типах “университетов” есть то, что, на мое ощущение, иногда портит Вашу большую живопись. Слишком крепкий мирозерцательный настой образов, какой-то если не мозговой, то все-таки печеночный интеллектуализм, но об этом я сказал в рецензии,

¹ Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 395. Подробнее см.: Ре-
вякина И.А. Антон Крайний против М. Горького: Эпизод литературной дискуссии 1924 г.
// Зинаида Николаевна Гиппиус: Новые материалы. Исследования. М., 2002. С. 320–334.

² Воля России. Прага, 1924. № 4. С. 62.

по-моему, очень мягко»¹. Степун размышлял в рецензии над общими чертами стиля Горького в сопоставлении с традициями и новейшими исканиями².

Критик считал, что Горького не коснулись «метания» русской литературы «в поисках новых стилистических путей». Их выразили, например, А. Ремизов и А. Белый, каждый своим единственным языком. Степун писал, что у Горького «как будто нет ни стиля, ни языка, ни фразы, а есть только образы, и даже не образы, а прямо люди, города, Волга...» По мнению критика, писатель продолжал стилистическую традицию Л. Толстого, в то время как многие его современники «тяготели» к Гоголю и Достоевскому: «Но, конечно, при Толстом он не мастер, а подмастерье. Толстой все может, а Горький — с выбором. Природу работает хуже людей. И среди людей ему удаются мужчины лучше женщин и социальные низы лучше верхов и интеллигенции». Нечто от Толстого Степун находил у Горького в его «пристрастии к рассуждениям»: «Искусство Горького много любвеобильнее и мудрее его взглядов на жизнь, его веры в разум, его романтики, просветительства и гуманизма»³. Когда Горький «смешивает» «описания», «правдивые и зоркие», с «размышлениями», он «словно сам себе крылья рубит». В рецензии была отмечена и емкость художественного слова Горького — «десятки людей», о которых рассказано, остаются в памяти читателя «резко очерченными и вполне законченными образами».

Ф. Степун указал и на горьковские «пересечения» с традициями Достоевского: «Горький не любит Достоевского. В своих оценках как России, так и свойств русского народа он прямой антипод Достоевского. А все же та Россия, которую чувствует и художественно утверждает Горький, очень близка России Достоевского. Философствование, как единственно серьезное дело жизни, человек как величайшая загадка жизни, Бог как вечная мука человека, органическое, корневое единство — смрадного и святого, гениального и никчемного, напряженной внутренней жизни и полной внешней бездеятельности, самопожертвования и звериной жестокости — все это характерные черты России Достоевского, и все они до единой налицо в тех жутких, бесконечно даровитых

¹ Горький М. и Степун Ф.А.: Переписка / Публ. Бочаровой И.А. // De visu. М., 1993. № 3. С. 146—147.

² Современные записки. Париж, 1924. № 17. С. 479—483.

³ Там же. С. 479, 480, 481.

и загадочных людях, которые нарисованы Горьким в его воспоминаниях»¹. Это суждение иллюстрировалось анализом рассказа «Сторож». Степун завершал разбор выводом о современности произведений, вошедших в книгу, событийно далеких, а внутренне близких недавней революционной эпохе и ее последствиям: «Все же вместе они каким-то таинственным образом разгадывают загадку России и приближают к нам то, что в ней происходит... Почему? — Думается, потому что своими глазами видишь, до чего все то, что сейчас в ней свершается, глубоко связано с ее народной душой, до чего органически изживает она свои страшные судьбы»².

В поле зрения Г. Адамовича — рассказы 20-х годов, «Дело Артамоновых», статья, обращенная к молодой советской поросли (критик назвал ее «поучениями») ³. С экзистенциальных позиций одобрительно были приняты Адамовичем «О тараканах» и «Рассказ о необыкновенном». Критик-писатель нашел в них нечто близкое себе и общему умонастроению: отражение «теперешней жизни», ее сложности и «тяжести», «той мировой путаницы», внешние формы которой художнику не удается охватить и он, отказываясь от «исторического размаха», дорожит «глубиной и высотой» постижения «надтреснутого мира». По мнению Г. Адамовича, в рассказе «О тараканах» — «размах удивительный»: «Это одна из самых поэтических вещей Горького и художественно, пожалуй, самая зрелая. В этих сорока страницах куда больше души и ума, чем в огромном “Деле Артамоновых”». И как пред этой полутрагической безделушкой меркнет та “широкая бытовая картина”!»⁴

Оценка Адамовичем романа оказалась двойственной. Критик не нашел в нем того метафизического подтекста, который проявился в рассказах 20-х годов: «Пожалуй, в России “Дело Артамоновых” сойдет за образец классового творчества», но в нем нет «проблеска духа», «все происходит в грубейших, в самых низких плоскостях жизни, где люди только и делают, что вырывают друг у друга корки хлеба», «борются за существование». В то же время Г. Адамович признавал художественную зрелость произведения: роман «написан мастерски», хотя «одушевления,

¹ Современные записки. Париж, 1924. № 17. С. 482.

² Там же. С.483.

³ См.: Адамович Г. Новый человек. — Поучения Горького. — Природа—враг // Звено. Париж, 1927. №3. Переизд. см.: Адамович Г. Литературные беседы: В 2 кн. СПб., 1998. Кн. 2.

⁴ Адамович Г. Литературные беседы: В 2 кн. СПб., 1998. Кн. 2. С.32.

которое объединяет и связывает все наиболее значительное в литературе нашего времени, дрóжи и внутреннего “пения” в этом романе нет»¹. Критик стремился разобраться в новом большом создании писателя, избегая субъективности и ее крайностей — «метафизической путаницы, — как он подчеркивал, — или упрощенных эмигрантских толков». Тем не менее этот существенный акцент в неприятии Г. Адамовичем художественного мира романа Горького был косвенным свидетельством поворота в творческом опыте писателя: теперь он тяготел к осмыслению истории и человека прежде всего в классовых, а не метафизических (тем более — религиозно-экзистенциальных) аспектах. Потому в «горьковском космосе» Адамовичу и недоставало «света», духовности. Позднее о безрелигиозном гуманизме Горького в связи с целостным анализом его творчества писал Г.П. Федотов.

Д. Лутохин рецензию «Вешняя книга. (“Дело Артамоновых” М. Горького)»² начинает с мысли о достоинствах романа («...какая сгущенность повествования», «прозорливость в души человеческие»), о новизне творческих исканий писателя: «Горькому через две весны минет шестой десяток. Каждую весну дарит он читателю свою новую книгу. — И каждая из них — выявление неустанного роста его мощи... Последние годы Горький писал воспоминания (изумительны и все еще не оценены его страницы о Толстом), дневники, рассказы. Новейшая его книга — роман-эпопея». Лутохин восхищался разнообразием огромного полотна произведения: всей историей «дряхлающего древа» Артамоновых и растущего, «как плесень в погребке», «дела»; изображением «загадочной фигуры» дворника Тихона; «бурных дней» Петра Ильича на Макарьевской ярмарке и т.д. Все «картины» слагаются, по его определению, в «единую симфонию-эпопею», где «темперамент художника» пленен «своеобразием былого русского быта».

Особые интонации и задачи просматриваются в том, как толковал произведение Горького Д. Святополк-Мирский, прошедший в эмиграции непростой путь и примкнувший в середине 20-х годов к евразийству. В статье «Критические заметки»³ он рассматривал роман в широкой (и отчасти произвольной) панораме «отечественной», т.е. советской, литературы: рядом с только что вышедшими книгами С. Есенина, А. Толстого,

¹ Там же. Кн. 1. С. 439–440.

² Воля России. Прага, 1926. №4. С. 161–165.

³ Версты. Париж, 1927. № 2. С. 256–257.

А. Белого, Ю. Тынянова. Мирский поощряюще отзывался о тех эмигрантских изданиях — «Верстах», газете «Дни», которые «выделяются культурностью» литературных отделов и помогают связям разорванного мира русского творчества. Критик ставил роман в перспективу разнообразных исканий Горького: здесь он «впервые» «после» «Матвея Кожемякина» вернулся к большой традиционной форме: «То, что только маячило в “Фоме Гордееве”, “Троих”, “Исповеди”, “Окурове”, теряясь в тумане разговоров и богостроительных исканий, теперь предстало во плоти, собранной вокруг прочного костяка».

По мнению критика, это — подлинный социальный роман, в котором «художественная сторона органически соединена с социально-познавательной и «ни та ни другая не господствует». Центром внимания Мирского являются именно социально-исторические проекции, обобщающие тенденции произведения. Обозревая смену поколений Артамоновых, критик делает вывод: «Беднота, грубость, дикость русской жизни... духовная нищета русского буржуа, и вместе с тем его беспочвенность и оторванность и сверху и снизу — вот тема книги. Она принадлежит к одной из магистральных традиций русской литературы — к великому ряду обличений русской духовной скудости — “Обломов”, “Господа Головлёвы”, “Деревня” Бунина. Никто не сравним с Горьким в искусстве создавать атмосферу бессмысленного и ненужности русской жизни».

Д. Святополк-Мирский выделил и другую, тоже социологически значимую, в его понимании, тему романа: «Особенно мучительны, неуклюжи слепые, безнадежные поиски правды горбуна Никиты и косноязычного дворника Тихона. Кажется, что в них Горький вложил всю мучительную историю собственных исканий, самую трагическую по своей беспомощной безнадежности драму русской души. Горький несомненно несет какой-то крест за всех нас, скудоверов, толкунов на месте и Хлестаковых духа, и в выявлении наружу этой драмы — символическое значение его личности». Критик завершал разбор своего рода приговором автору: «...исчезающий из книги Илья Артамонов должен стать стержнем для новой книги... по крайней мере Чистилища по отношению к этой. Но можно ли верить, что Горький, этот Агасфер идеи, сумеет когда-нибудь дать “положительный образ”, хотя бы отдаленно равный по силе “Делу Артамоновых”?»

В 1928 г. появился исторический и социокультурный очерк «Судьбы русского хозяина» В.П. Рябушинского (Русский колокол. Берлин.

1928. № 3)¹. Представитель одной из самых известных капиталистических династий России прямо не оспаривал горьковскую точку зрения о неизбежной деградации буржуазных родов в смене поколений, с которой связан роман (писатель отстаивал ее и до революции, например, в статье 1908 г. «Разрушение личности»). Однако на достоверных исторических материалах о развитии российских промышленных династий В.П. Рябушинский показывал, что успехи и рост русского предпринимательства обеспечивались совокупными и преемственными усилиями, как правило, на протяжении нескольких поколений, плодотворно обогащавших опыт друг друга. Объективно исследование Рябушинского о процветающих буржуазных династиях содержало полемику с классовыми позициями пролетарского художника.

Не однажды критики и писатели зарубежья обращались к внутренней сложности творчества Горького, драматизму его исканий. В 1922 г. А. Белый писал в статье «Максим Горький. По поводу 30-летнего юбилея», очевидно полемизируя с теми, кто хулил и хоронил писателя, не принимая его современности: «Горький — клокочущий весь, весь чреватый еще... Про скольких нам ясно: "...можно ждать этого..» Про Горького ничего такого не скажешь: он — сложен, невнятен, противоречив и стремителен... и в этом смысле — природа творимой культуры России»². Сходные представления об усложнившемся и драматичном творческом облике Горького, связанном с эпохой революции, были высказаны Е. Замятиным в статье «О синтетизме», написанной в 1921 г., а появившейся в следующем. Она сопровождала альбом портретов современников, выполненных художником Ю. Анненковым. Замятин так воссоздавал «портрет Горького»: «Сумрачное, скомканное лицо — молчит. Но говорят три еще только вчера прорезавшиеся морщины над бровью, орет красный ромб с «Р.С.Ф.С.Р.», и от него — темная тень — может быть, даже дыра — в голове. А сзади странное сочетание: стальная сеть фантастического огромного города — и семизвездные купола Руси, провалившейся в землю — или, может быть, поднимающейся из земли. Две души»³. В ту пору ни Ю. Анненков, ни Е. Замятин не были еще эмигрантами, но важнейшее в своем тогдашнем осознании связи писателя с рас-

¹ См. переизд.: Русский мир. М., 2000. № 1. С. 37–42.

² Эпопея. Берлин, 1922. № 3. С. 7–8.

³ Анненков Ю. Портреты. М.; Пб., 1922. Цит. по: Замятин Е. Я боюсь. М., 1999.

коловшимся миром русской жизни они сохранили и в позднейших воспоминаниях.

Реальная включенность Горького и его творчества в литературную жизнь русского зарубежья выступала в признании многими его несомненного художественного и общественного потенциала, несмотря на возраставшую на протяжении 20-х годов политическую отчужденность между ним и эмиграцией. В переписке с Горьким состояло немало число писателей-эмигрантов разных поколений и взглядов: М. Осоргин, И. Наживин, Д. Святополк-Мирский, П. Сувчинский, а из молодых – В.С. Яновский, Г.И. Газданов и др.¹ Обращение к Горькому для каждого из них являлось необходимым. Одни нуждались в литературном наставничестве, другим («сменовеховцам», представителям левого евразийства) необходима была поддержка их решимости изменить отношение к большевизму и советской власти (к середине 20-х годов, казалось, реально утвердивших свою историческую правоту).

М. Осоргин при всей неоднозначности оценок Горького признавал возможность объединительной роли писателя, о чем свидетельствует их многолетняя переписка. Не раз Осоргин писал Горькому, надеясь на реальную помощь, и в первую очередь не для себя. «Нужно каким-то образом проложить для здешних зарубежных писателей путь в литературу российскую...», – отмечал он в одном из писем. Отзываясь на дискуссионный доклад Ф. Степуна, который появился в печати как статья «Советская и эмигрантская литература 20-х годов»², М. Осоргин разъяснял Горькому свое понимание свободы слова и критики, писал о необходимости обсуждения не только успехов, но также и неудач русской литературы: «Лишь встречи в смелых и честных утверждениях могут перекинуть мост между теми, кто в России борется за независимое слово, и нами, высланными за желание остаться независимыми в своей мысли и в своих писаниях. Если, конечно, мост нужен. Нам он нужен»³.

Эмиграция болезненно реагировала на все факты, в которых проявлялась органическая близость Горького к «советской стороне». Осенью 1926 г. поводом для резких выступлений против писателя стало его письмо по поводу смерти Ф.Э. Дзержинского, адресованное Я.С. Ганец-

¹ См. об этом: Примочкина Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья. М., 2003.

² См. : Степун Ф. Встречи. М., 1999.

³ См.: Горький М. и Осоргин М.А.: Переписка / Публ. Бочаровой И.А. // С двух берегов: Русская литература XX в. в России и за рубежом. М., 2002. С. 407–409.

кому. Центральные советские газеты «Правда» и «Известия» 11 августа опубликовали его под заглавием «Максим Горький о тов. Дзержинском». Горький писал, что он «ошеломлен» этой кончиной, и приводил слова Е.П. Пешковой: «Самый яркий пламенный революционер и всегда такой простой и человечный...». Через несколько дней многие эмигрантские издания перепечатавали послание Горького с самыми непримиримыми комментариями о писателе, восхвалявшем известного деятеля революции, бывшего, по словам Осоргина, «носителем государственного топора». Событие стало «вехой в процессе разрыва литературной эмиграции с Горьким»¹.

С позиций, враждебных большевикам и их власти, а следовательно, — антигорьковских, обсуждались также и другие стороны биографии писателя: смысл его полуэмиграции, т.е. затянувшегося пребывания в Сорренто и возможность отъезда в СССР.

В 1927 г. в «Возрождении» (20 октября) появилась резко негативная статья «Горький и СССР», напечатанная под криптонимом «М.» (по всей вероятности, она принадлежала В.Ф. Ходасевичу). Автор развенчивал двойственность позиции писателя. Он писал: «Как бы ни складывались отношения Горького с большевиками, все же и он сам, и большевики понимали, что это — “спор славян между собой” — борьба олимпийцев, о которой простым смертным знать не надобно». Статья вызвала полемику.

Против автора «Возрождения» уже 25 октября выступил в статье «Заметки журналиста» один из критиков «Последних новостей» — В.И. Талин (псевдоним С.И. Португейса). На эту «защиту» Горького 2 ноября ответил другой публицист «Возрождения» — А. Ренников. В фельетоне «Почему Талин не едет?» он явно обострял основной вопрос полемики — «двуличность советского Буревестника». Подчеркивая значимость первого выступления газеты (от 20 окт.), Ренников писал: «Заметка была ценна именно тем, что не голословными утверждениями, а точными справками, датами, письмами и сообщениями телеграфных агентств устанавливала лицемерие Горького, славословящего коммунистический рай и в то же время упорно не желающего вернуться под сень древа советского познания добра и зла».

Наконец, 12 ноября на злободневное обсуждение темы откликнулся Бунин очередной «Заметкой» в еженедельной газете «Россия». В мо-

¹ Там же. С. 409, 454.

мент, когда печатались анкеты о 10-летию Октябрьского переворота, вопрос о «возвращенчестве» решался болезненно. И Бунин не мог пройти мимо отношения ко всему этому Горького, и его «личной» роли в происходящем. Высказывания Бунина отличались исключительной резкостью: «...почему Горький, на весь мир вопиющий о рае в Совдепии и всех туда зазывающий, сидит в Сорренто? ... Можно ли представить себе что-нибудь постыднее этого “личного”?»¹

Для конца 1920-х годов показательна статья Ек. Кусковой «Обескрыленный сокол (К 35-летию М. Горького)», которая появилась в 1928 г. в «Современных записках» (№ 36). Не принимая «оплевывания» писателя некоторой частью эмиграции (все растущая в его выступлениях апология советского строя вызывала постоянные нападки), Кускова отметила заслуги Горького-борца – и на рубеже веков, и в революции 1917 г. Она напомнила и выделила то общее, что соединяло тогда в совместных усилиях писателя и многих будущих эмигрантов, и тем не менее с горечью исследовала корни «метаморфозы» Горького – демократа и революционера: сложность его отношения к интеллигенции и народу. Кускова ставила в заслугу писателю понимание им опасности разрыва между народом и интеллигенцией, говоря в то же время о взгляде на эту проблему с позиций «голытьбы». Позитивной была сама попытка Кусковой разобраться в обусловленности феномена Горького особенностями российского революционного движения с его неоднородным социальным составом. В поминальных статьях о Горьком уже в 1936 г. эта линия изучения будет продолжена (например, Г. Федотовым).

Рубеж двух периодов в критике о Горьком – 20-е и 30-е годы – четко обозначился именно в 1928 г., определенно завершавшем идеологическую переориентацию писателя. Это проявилось в его приветственных (апологетических) статьях по поводу юбилея революции («Десять лет», «Анонимы и псевдонимы» и др.), в первой поездке в СССР, в ужесточении им критики эмиграции, чему примером была статья «О белоэмигрантской литературе».

Все это болезненно воспринималось в разных эмигрантских кругах, как левых, так и правых. Одним из первых «обвинителей» стал М. Осоргин, выступивший со статьей «Вернувшемуся Горькому» (появилась без подписи в парижской газете «Дни» 28 окт. 1928 г.). Он писал об изме-

¹ См. также: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 гг. С. 261–262; С двух берегов. С. 456, 510–511.

не Горького высоким идеалам свободолюбия, о том, что тот не оправдал надежд, с которыми имя его было связано целую эпоху: «Он, с легкостью, доступной только людям большой славы, мог бы стать кумиром читающей России, если бы только раз, только полупнамеком подтвердил то, что писал когда-то, — это безумие думать, будто благо страны может быть достигнуто путем правительственного террора... Если бы хоть раз он вспомнил, что вся его молодость и зрелые годы прошли в борьбе за освобождение человека от внешних и внутренних пут, что “человек — это огромно”, что этот Человек, сердцу его любезный, стал в стране, ему дорогой, бессловесной пешкой»¹.

Русское зарубежье — значимо и впечатляюще — отразило драматический путь писателя, уникальность его творческого опыта. Одними из первых, каждый на своем «языке», сказали о разных «душах» писателя Ю. Анненков и Е. Замятин, имея в виду его внутреннюю сложность, обусловленную *расколом самого мира русской жизни*. Затем к размышлениям о сложности, подчас трагической неоднозначности позиции Горького в 20-х годах обращались многие, но первое весомое «слово» об этом принадлежало его современникам — «друзьям-врагам». У критиков и писателей «на том берегу» культуры не было идеологических запретов, не было императивов мифологии, искажавших подлинного Горького (как на советской стороне). Независимость, свобода позиции, высокий профессионализм создавали условия для понимания поисков писателя на фоне широких общественных и художественных связей, реальных исторических противоречий. Современники часто низвергали классово-партийные приоритеты писателя, но он, однако, шел навстречу им, выявляя трудности и «правду» пути «на другом берегу». Вместе с тем самые заметные выступления критиков русского зарубежья были и постижением собственно художественных обретений М. Горького, признанием самобытности его таланта.

¹ См.: Бочарова И.А. Вступ. ст. к публ. «М. Горький и М.А. Осоргин: Переписка» // С двух берегов. С. 410–411.

О.В. Быстрова

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
В ОЦЕНКЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В начале 30-х годов В. Ходасевич писал: «Советская литература переживает самый тяжелый, может быть роковой, период существования. Облегчить или изменить ее участь могло бы только правительство, крепко и навсегда взявшее ее судьбу в свои руки. Но сделает ли оно это и может ли сделать, не перестав быть собой...? Марксизм, как учение, отрицающее личность, неизбежно приводит к отрицанию литературы. Четырнадцать лет стараясь создать художественную литературу на марксистской основе, советское правительство искало того, что не осуществимо и что ему в действительности не нужно. Поскольку это правительство было последовательно, оно было неискренно, ибо заботилось об агитации, а не о литературе»¹. Позже, в 1933 г., Г. Адамович, размышляя о перспективах развития литературы в СССР и за ее пределами, приходит к выводу: «В слово “литература” вложено в СССР новое, чуждое нам понятие. Это проделано было исподтишка, почти незаметно, и, вероятно, в самой России не все еще отдают себе в этом отчет. Между тем это крайне важно. Как только это поймешь, так в судьбах советского словесного творчества все становится яснее. Для нас литература — выражение или отражение духовного мира человека... Для теперешнего советского писателя, тем более для критика, претендующего на влияние и руководство, — литература есть одна из форм помощи и содействия “строительству”. И только. Никакого другого значения литература не

¹ Ходасевич В. Литература и власть в советской России // Ходасевич В.Ф. Некрополь: Воспоминания. М., 1996. С. 249.

имеет»¹. Жесткость оценки критика подкреплялась твердой уверенностью, что литературу нельзя «планировать», совершенно так же как хозяйство. Процесс политического руководства литературой гибелен, «если ЦК признает за собой право дать писателям кое-какую свободу, то, очевидно, он считает для себя позволенным эту свободу и отнять; если он сегодня в вопросах, до сих пор решавшихся вольным соревнованием, становится на одну сторону, и борьба после того механически прекращается, то завтра он может стать на другую сторону, с теми же результатами и последствиями для борющихся»². А.Л. Бем добавлял штрих в портрет советской литературы: «То, что имеет место в советской действительности, назвать цензурой, собственно, нельзя. Это — духовное рабство, не борьба со свободой слова, а отрицание этой и всякой свободы. Отсюда и совершенно особое положение, в котором находится советская литература. Она подъяремна в настоящем смысле этого слова. А всякое рабство есть прежде всего искажение лика человеческого... Духовная несвобода всегда связывает и духовное творчество, а это ведет постепенно к полному художественному бессилию»³.

На все риторические вопросы о судьбах литературы, звучащие в эмигрантской прессе, советская власть должна была дать исчерпывающий ответ. Первый съезд советских писателей должен был стать демонстрацией единения помыслов и дел «распыленной литературы» всех народностей необъятной страны.

Первый съезд советских писателей начал свою работу в 6 часов 45 минут вечера 17 августа 1934 г. в Доме союзов. С короткой приветственной речью выступил М. Горький: «Я по праву председателя оргкомитета Союза писателей разрешаю себе сказать несколько слов о смысле и значении нашего съезда. Значение это — в том, что прежде распыленная литература всех наших народностей выступает как единое целое перед лицом революционного пролетариата всех стран и перед лицом дружественных нам революционных литераторов. Мы выступаем, демонстрируя, разумеется, не только географическое наше единение, но демонстрируя единство нашей цели, которая, конечно, не стесняет разнообразия наших творческих приемов и стремлений. Мы выступаем в эпоху всеобщей

¹ Адамович Г. План // Последние новости. Париж, 1933. 23 нояб.

² Адамович Г. О положении советской литературы // Совр. записки. Париж, 1932. № 48. С. 297.

³ Бем А. О советской литературе: (Письмо второе) // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 387–388.

го одичания, озверения и отчаяния буржуазии, отчаяния в своем освещении ее идеологического бессилия, ее социального банкротства, в эпоху провала всех кровавых попыток возвратиться путем фашизма к эпохе феодального средневековья. Мы выступаем как судьи мира, обреченного на гибель, и как люди, утверждающие подлинный гуманизм, гуманизм революционного пролетариата, гуманизм силы, призванной историей освободить весь мир трудящихся от зависти, подкупа, от всех уродств, которые на протяжении веков искажали людей труда»¹. Присутствующие на съезде знали, что Горький еще не пришел в себя после смерти сына². Но это никого не интересовало — живая легенда не может принадлежать себе.

Первые отклики на работу съезда в эмигрантской прессе стали появляться как хроникальные заметки—выдержки из советской прессы³. О полном освещении работы съезда позаботилось Политбюро: 21 августа 1934 г. (т.е. в дни работы съезда) было принято постановление «Об усилении освещения съезда писателей», предполагавшее обязательное размещение речей докладчиков и ораторов от национальных литератур полностью или минимум две трети каждого доклада в газетах «Правда» и «Известия». Вторым пунктом этого постановления значилось: «Разрешить для этой цели “Правде” 4 вкладки и “Известиям” 2 вкладки на все время съезда»⁴.

Хроникальные заметки о работе съезда никоим образом не претендовали на полноту и анализ происходящего в России. Они дополняли уже устоявшиеся представления о стране в целом и вносили отдельные штрихи к происходящему в СССР и сложившемуся (складывающемуся?!) облику советского писателя. Так, собственный корреспондент «Журнала де Деба» в Риге описывал: «По докладам писателей, прибыв-

¹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934 г.: Стеногр. отчет. М., 1934. С. 1. — В дальнейшем при ссылке на это издание будут указываться только страницы.

² И. Эренбург вспоминал, что Бабель, хорошо знавший Алексея Максимовича, говорил тогда: «Ему плохо. После смерти Максима он сдал. Не тот Горький...» (И. Эренбург о съезде писателей 1934-го года и о культурной жизни 1946—1948-х годов // Русская литература XX века. Воспоминания / Сост. Бёрнагер К. [Б.м.], 1971. С. 413).

³ См. приложение к статье — Библиографическое описание хроникальных заметок о Первом съезде советских писателей в эмигрантской прессе.

⁴ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953. М., 1999. С. 229. — В дальнейшем при ссылке на это издание будут указываться только страницы.

ших в Москву со всех городов СССР, можно легко составить себе представление об истинном лице красного писателя. Это прежде всего официальный апологет коммунистической партии, который призван прославлять все большевистские достижения»¹. Адамович в своей статье «После съезда» не без иронии замечал: «Есть признак, по которому действительно, без всякой иронии можно назвать Московский писательский съезд событием “мировым”. Если уж говорить о рекордах, как любят говорить о них по всякому поводу в СССР, то следует признать, что в эти “незабываемые дни” в Колонном зале Дома союзов были побиты все рекорды угодливости, низкопоклонничества, фальши, казенщины и унтер-офицерского энтузиазма... Атмосфера съезда была, поистине, небывалая в мировой истории, — и если советские публицисты подчеркивают, что “никогда еще мир ничего подобного не видел”, то мы должны без колебаний с ними согласиться. Действительно — не видел, и будем надеяться — не увидит. Эти телеграммы “нашему Сталину”, эти медоточивые приветствия, эти клятвы в беззаветной верности и преданности, это оплевывание старой русской литературы и презрительные словечки о “свободе”, которой, будто бы, пользуются писатели в Европе, эти отряды красноармейцев, пионеров, шахтеров, колхозников, металлистов и даже спортсменов в “спонтанейном” порыве всходящие на эстраду и диктующие писателям свои требования»². И добавлял с горечью: «В дурмане славолюбия исчезли последние остатки чувства смешного»³.

В атмосфере тотальной фальши, которая не позволяла работать целенаправленно и плодотворно на московском съезде, вывод напрашивался сам собой: «Вот и все: единственная цель литературы — пропаганда коммунизма»⁴.

Центральным событием первого дня съезда стал доклад М. Горького о советской литературе, который «произвел на слушателей, будто бы, глубокое впечатление»⁵. Но он не привнес ничего нового в историю советской (новейшей!) литературы: «Горький запутался в своих мудрствованиях безвыходно. Удивительнее всего, что он именно о совет-

¹ [Б.п.]. Характеристика советских писателей // Возрождение. Париж, 1934. 5 сент.

² Адамович Г. После съезда. 1 // Последние новости. Париж, 1934. 20 сент.

³ Там же.

⁴ [Б.п.]. Задача советской литературы — пропаганда // Возрождение. Париж, 1934. 7 сент.

⁵ Адамович Г. После съезда. 1 // Последние новости. Париж, 1934. 20 сент.

ской литературе ничего в сущности не сказал, не выразил о ней ни одного суждения, хоть отдаленно похожего на мысль»¹. Но именно этот доклад по сравнению с остальными докладами и выступлениями «читаешь иначе и с иным чувством» — «оттого и невозможно с ним примириться»². При этом высказывании критик оговорил сразу свое отношение к центральной фигуре советской литературы и самого съезда: «Я ни в коей мере не разделяю довольно распространенного сейчас мнения, будто Горький тупой, ограниченный человек. Горький, мне кажется, по природе умен, сметлив, догадлив и, как все очень даровитые натуры, способен в нужный момент уловить чутьем то, чего не в силах понять»³.

Особый интерес в эмиграции вызвал доклад о современной поэзии, сделанный на съезде Н.И. Бухариным. Высказываемые о нем мнения были диаметрально противоположными. Автору заметки «Свара и склока на съезде писателей» полемика вокруг доклада виделась как «весьма живописная» и «скандальная брань» времен Троцкого, а потому и мнение было однозначным: «На такой отвратительной взаимной брани, подчеркивающей полное и гнусное ничтожество всей этой большевистской затеи, и закончился пресловутый писательский съезд»⁴.

Г.В. Адамович (под псевдонимом Сизиф) выступил со статьей «Отклики», которую посвятил интерпретации этого доклада: «В атмосфере приветствий, взаимных комплиментов, объятий и клятвенных обещаний несколько неожиданно прозвучала на съезде речь Бухарина о советской поэзии. “Аллилуйщины” — по выражению Сталина — в ней оказалось немного. Гораздо больше было иронии и пренебрежения»⁵. В другой своей статье, посвященной итогам писательского съезда, он уточнил: «Бухаринский доклад сам по себе не лишен был остроты и задора... Он был интереснее, — и, как это ни странно, даже талантливее, — чем доклад Горького»⁶.

Но более всего внимания было привлечено именно к разгоревшейся полемике после выступления Бухарина, в котором многим поэтам были даны нелицеприятные характеристики. Реакция не замедлила отреагировать: «Чуть ли не все присутствующие обиделись — и с дрожью в

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ [Б.п.]. Свара и склока на съезде писателей // Возрождение. Париж, 1934. 7 сент.

⁵ Сизиф [Адамович Г.В.]. Отклики // Последние новости. Париж, 1934. 13 сент.

⁶ Адамович Г. После съезда. 2 // Там же, 1934. 27 сент.

голосе тут же это высказали. Друзья Маяковского обиделись за Маяковского. Безыменский обиделся за себя. Вера Инбер и Кирсанов возмутились тем, что докладчик их вовсе не назвал. Жаров огорчился “за всю нашу лирику, непонятую Бухариным“. И так далее, и так далее... Но сильнее всех был разгневан Демьян Бедный ... Бухарин ответил всем оппонентам. Каждому досталось еще больше, чем в докладе. Демьяну — снова больше других»¹.

Невероятным критику «Последних новостей» показался именно факт извинений за неверно понятые слова на заседании съезда. Он осознал, что слушатели доклада усмотрели нечто вроде правительственного приказа по армии художников слова, и — «Бухарину пришлось на следующий день дать пояснение к своему замечанию об “инстанциях““. Его не так поняли. Он не давал “обязательных директив“ и не считает, что его “оценки отдельных авторов должны быть приняты, как обязательные“. Свобода критики и суждений в области литературы еще не отмечается»².

Стоит обратить внимание на одну очень важную проблему, которая встает перед исследователем: соотношения опубликованного в советской прессе и его интерпретации в эмигрантских изданиях. «Последние новости» явили примеры разного отношения к первичному тексту. В своей статье Адамович приводит отрывок из выступления Бухарина: «Основы моего выступления рассмотрены были в высших партийных инстанциях. Те, кто утверждает, что «партия тут ни при чем», пытаются оторвать писателей от партийного руководства. Маневр им не удастся»³. В стенограмме съезда этот отрывок звучит иначе: «Когда в начале моего доклада вся аудитория чрезмерно, не по заслугам мне аплодировала, я заявил, что отношу эти аплодисменты к партии, которая поручила мне читать здесь доклад. Но т. Сурков⁴ начал поучать: здесь, мол, партия ни при чем. У меня, однако, другая информация. Основы доклада соответственными инстанциями рассматривались и утверждались. В этом — одна из функций партийного руководства. Между тем у т. Суркова есть, мне кажется, одна вредная политическая мысль. Он говорил: «Партия здесь ни при чем, это — оргкомитет. Но разве оргкомитет не руководится

¹ Сизиф [Адамович Г.В.]. Отклики // Последние новости. Париж, 1934. 13 сент.

² Там же.

³ Сизиф [Адамович Г.В.]. Отклики // Последние новости. Париж, 1934. 13 сент.

⁴ Сурков Алексей Александрович (1899–1983), поэт; член ВКП(б) с 1925 г.; член РАПП с 1928 г.; делегат от Москвы.

партией? Здесь, следовательно, есть мысль об отрыве писательской организации от партийного руководства. А я утверждаю, что никакому товарищу Суркову не удастся оторвать наших писателей от партийного руководства»¹. Это и другие вольные интерпретации (все-таки!) выступлений и докладов следует рассматривать как тексты конъюнктурные, отвечающие общему направлению печатного издания и текущему моменту.

Истоки выступления на съезде Бухарина были глубже, для их выявления и осмысления нужно было время, которое могло дать факты. Уже через год литературный обозреватель газеты «Молва» А. Бем с полным правом мог заявить, что ко времени созыва съезда во внутренней и внешней политике СССР произошли определенные перемены. Он сформулировал их так: «Диктатура над литературой от коммунистической партии перешла в руки Сталина и его окружения. Служебная роль литературы остается в силе, но теперь она призвана служить не партии, а государству. Власть понимает, какую силу представляет художественное слово, и хочет его использовать для своих целей. А на первом месте теперь стоят задачи международные. Перед властью стоят задачи мирового масштаба; литература должна быть перестроена на мировую политику»². Поэтому Демьян Бедный может удалиться, он сделал свое дело агитатора в период становления внутреннего государственного пространства. По этой же причине партийный функционер Бухарин начинает заигрывать с Б. Пастернаком — поэтом европейского масштаба. Что же касается мнения, высказанного Адамовичем: «Демьян был долголетним другом Ленина. При жизни Ильича — это была высочайшая персона. Теперь он ноль. Нечто вроде фаворитки, бессильно ссылающейся на близость к покойному королю»³, — то и оно полностью укладывается в предложенную схему.

Но истинная подоплека выступления Бухарина и полемики вокруг него лежала глубже и оценена могла быть только через призму событий, происходящих вокруг первого лица государства. 28 августа 1934 г. А.А. Жданов отправил письмо Сталину, в котором указывал на возможности бурного обсуждения предстоящего доклада: «Вчера мы сделали еще одно

¹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. С. 574.

² Бем А. О Съезде советских писателей. Письмо второе // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 413.

³ Сизиф [Адамович Г.В.]. Отклики // Последние новости. Париж, 1934. 13 сент.

предупреждение в связи с предстоящим докладом Бухарина. Группа поэтов-коммунистов (Безыменский и др.) собирались проработывать Бухарина на съезде, используя его обычные прегрешения против диалектики, собирались разгромить и связать прошлыми ошибками. Мы заявили на комгруппе Президиума, что 1) осуждаем предварительные групповые совещания, 2) что, критикуя отдельные положения в части поэзии, не позволим перенести критику в сферу политических обобщений. При этом подчеркнули, что тактика, принятая пред съездом, целиком оправдала себя в процессе съезда. Коммунисты обещали приложить все силы, чтобы не подгадить»¹.

После окончания работы съезда (1 сентября 1934 г.) в печати появились немногочисленные статьи, авторы которых пытались разобраться в событии, еще недавно не сходящем со всех страниц советской центральной (да и провинциальной тоже!) прессы.

Статья А.Л. Бема «О съезде советских писателей»² была опубликована в варшавской газете «Меч» (2, 9 и 16 декабря 1934 г.; 24 марта 1935 г.). Размышляя о проблемах, поднятых съездом советских писателей, литературовед выделил два временных момента: до съезда и после съезда. И тот и другой периоды в осмыслении этого события одинаково важны.

Предсъездовская ситуация, по мнению критика, начинает свой отсчет непосредственно с 23 апреля 1932 г., со дня вхождения в силу постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Исходя из необходимости перестройки литературно-художественных организаций, были предложены к исполнению четыре насущные задачи: «1) ликвидировать ассоциацию пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП); 2) объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем; 3) провести аналогичное изменение по линии других видов искусства [объединение музыкантов, композиторов, художников, архитекторов и т.п. организаций]; 4) пору-

¹ Власть и художественная интеллигенция. С. 230–231.

² В основу статьи автор положил доклад о съезде, прочитанный им в «Литературном содружестве» (Варшава) и других литературных организациях.

чить Оргбюро разработать практические меры по проведению этого решения»¹.

События представлялись критике в такой последовательности: «Декрет от 23 апреля, ликвидировавший засилье РАППа, был принят в советской России со вздохом облегчения. Казалось бы, что настанет передышка. Что можно будет все же в пределах советской цензуры изворачиваться. Но этим надеждам не суждено было осуществиться. Очень скоро обнаружилось, что новая организация несла с собой нечто худшее, чем “авербаховщина”². Внутри каждого организационного “комитета”, созданного в крупных центрах для подготовки выборов в будущий союз, были выделены коммунистические ячейки, во главе которых поставлены надежные, с точки зрения партийного руководства, люди. Вот эти-то возглавители оргкомитетов и образовали ту новую литературную бюрократию, которая взяла русскую литературу под свою опеку»³.

Следует отметить, что эта «новая литературная бюрократия» начала проводить подготовительные работы по подготовке съезда практически с 1932 г.: 27 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) поднимает вопрос о дате проведения съезда советских писателей и принимает решение: «...отложить съезд писателей до середины мая 1933 г.»⁴; 16 марта 1933 г. И.М. Гронский подает докладную записку в Секретариат ЦК ВКП(б) с результатами организационной работы по проведению съезда и 22 марта Постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) было принято решение: «...созвать съезд Союза советских писателей СССР 20 июня [19]33 г. в Москве»⁵; последнее и окончательное решение об открытии Всесоюзного съезда писателей 15 августа 1934 г. было принято на Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 июня 1934 г.⁶; но и эта дата подверглась корректировке.

¹ Партийное строительство. М., 1932. № 9. С. 62.

² Ср.: «Было бы слишком долго излагать все перипетии боев за власть в советской критике. Но, глядя на них “с птичьего полета”, издадека, вспоминая, как когда-то Воронский казался ограничен и нетерпим, как потом он сделался символом вольности духа при сопоставлении с Авербахом, как, наконец, и о владычестве Авербаха приходится сожалеть, будто о счастливых временах, — глядя на все это, убеждаешься, что процесс постоянного, “планового” сужения прав и обязанностей творческой личности — и дальше, уничтожения понятия творчества вообще» (Адамович Г. О положении советской литературы // Совр. записки. Париж, 1932. № 48. С. 300).

³ Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 401.

⁴ Власть и художественная интеллигенция. С. 184.

⁵ Там же. С. 191.

⁶ Там же. С. 214.

Следующим важным моментом в предсъездовской ситуации были выборы делегатов на съезд. Но Бем с сожалением отмечал тот факт, что «мы не располагаем точными данными, чтобы судить о том, как проходили выборы на местах». Свое видение о выборах в РСФСР он изложил так: «Здесь отбор производился по иным признакам, часто личного порядка. Отсеивались “негодные элементы”, проникшие в писательскую среду, производилась и “чистка” идеологически подозрительных лиц»¹, подтверждая его данными, приведенными в статье Ф. Gladkova². Вывод из этого мог быть только один: «Выборы на местах определили собою не только состав, но и характер самого съезда»³. Этому же мнению придерживался и Роман Гуль, написавший заметку о депутате московского съезда советских писателей графе А.Н. Толстом: «Алексей Толстой не падает. Он ходит. И любит, вообще, твердую почву. Насчет же гражданских чувств барин руководится евангельским положением – “Несть бо власть, аще не от Бога”. И служит советской власти верой и правдой, сидя рядом с рамолисментным Горьким в мягких кремлевских креслах. Никакой оппозиционностью эти писатели не больны, и правительство ничем никогда не огорчат, никой фиги даже в кармане не покажут»⁴. Но тем не менее он отдавал должное таланту писателя и даже находил своеобразное удовлетворение от того, что Толстой вернулся в советскую литературу: «За прошедшие пять лет все Авербахи обещали нам показать “Днепрострой литературы”?! Мы ждали, но вот из воли, должествующих потрясти мир произведениями пролетарской словесности, вышла единственная и столь знакомая фигура графа Алексея Николаевича Толстого. Для русской литературы это хороший итог. Но для литературного ОГПУ – потрясающее фиаско»⁵.

Третьим важным компонентом предсъездовской ситуации была проводимая идеологическая кампания, «застрельщиком» которой являлся Максим Горький. Две его статьи 1934 г. («По поводу одной дискуссии» (Лит. газ., № 9); «О литературных забавах» (Лит. газ., № 75)) вызвали полемику, связанную с главным методологическим вопросом

¹ Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 402.

² См.: Gladkov Ф. О самокритике, групповщине и прочем // Лит. газ. М., 1934. 12 авг.

³ Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 403.

⁴ Гуль Р. Алексей Толстой: К писательскому съезду в Москве // Гуль Р. Одвуконь Два: Статьи. Нью-Йорк, 1982. С.49.

⁵ Там же. С. 46.

съезда: каков смысл понятия «социалистический реализм»¹. Первую попытку понять, что есть «социалистический реализм», предпринял Адамович, обративший самое пристальное внимание на устав Союза советских писателей, но — «авторы устава могли бы получить премию за умение наговорить множество слов и ничего при этом не сказать»², и далее: «Если что и можно уловить в данном ими толковании социалистического реализма, то лишь то, что он преследует задачу “идейной переделки трудящихся людей в духе социализма”... Несомненно во всяком случае, что в форме “социалистический реализм” первое слово приобретает гораздо больше значения, чем второе, — и если между ними возникли бы какие-то нелады, социализм всегда должен одержать верх над реализмом»³. Бем придерживался аналогичной точки зрения: «Впервые в истории мировой литературы определенное литературное направление оказывается декретированным властью как обязательное для всей литературы. Приходилось наспех искать теоретическое обоснование этому направлению. Сначала в газетных статьях, потом на страницах журналов и, наконец, в книгах стали появляться статьи, объяснявшие советскому читателю, что такое “соц. реализм” и в чем его спасительная сила»⁴.

С проблемой социалистического реализма крепко оказался связанным вопрос о так называемом «литературном наследстве». Бем характеризует этот процесс как естественный: «самое понятие “соц. реализма” возникло на почве литературной преемственности, на почве связи с классической русской литературой»⁵. Кстати, во время проведения съезда в Колонном зале Дома союзов связь с классикой бросалась всем делегатам и гостям в глаза: «Зал был богато украшен красивыми цветами и портретами писателей прошлого: Софокла, Данте, Шекспира, Сервантеса, Мольера, Бальзака, Гейне, Гюго, Пушкина,

¹ В отличие от этой точки зрения, редакция газ. «Возрождение» считала «застрельщиком» В. Ермилова, выступившего в 1932 г. с публикацией дискуссионной статьи «Довольно болтать!: (К разворачиванию творческой дискуссии)» в журнале «Красная новь» (№ 9. С. 157–184), в которой рассматривались проблемы социалистического реализма на материале романа Н. Зарудина «30 дней на винограднике» (см. об этом: [Б.п.] Литературная летопись: Перед съездом // Возрождение. Париж, 1934. 13 сент.).

² Адамович Г. После съезда. 2 // Последние новости. Париж, 1934. 27 сент.

³ Адамович Г. После съезда. 2 // Последние новости. Париж, 1934. 27 сент.

⁴ Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 406.

⁵ Там же. В подтверждение точности этого органического соединения литературы классической и литературы современной Бем ввел официальный источник (Розенталь М. Об основных источниках социалистического реализма // Лит.газ. М., 1934. 17 авг.).

Гоголя, Толстого, Чехова и многих других. На трибуне возвышался бюст Ленина, обрамленный цветами и красными флагами»¹. Но классик классику рознь: попытка критика И. Нусинова² доказать, что Достоевский ближе к понятию «соц.реализма», нежели многие, не увенчалась успехом.

Пытаясь подвести итоги прошедшему съезду, посмотреть, «осталось ли вообще что-нибудь от него, или... кроме пухлого печатного отчета, недавно изданного в советской России, никаких следов в жизни Съезд не оставил»³, Бем приходит к выводу: съезд писателей был лишь политическим «маневром» власти.

Но несмотря на все предосторожности официальных кругов, все же одна тема сумела вырваться и прозвучать: «Прозвучал этот призыв к гуманизму в выступлениях Б. Пастернака и Ю. Олеси. Оба выступили в защиту человека как человека, вне его связи с партийным билетом. “Право на сочувствие” к человеку просто, к человеку “брату”, прозвучало в этих выступлениях довольно отчетливо. И, наконец, в заявлении Ю. Олеси: “Каждый художник может писать только то, что он в состоянии писать”, — было открыто провозглашено право художника на свободное творчество»⁴.

Заканчивая свои грустные размышления о прошедшем съезде и наступающей новой эпохе, критик никоим образом не имел в виду перспективное развитие «некоторой» свободы в вопросах художественных, ибо 1 декабря 1934 г. в Ленинграде прозвучал выстрел, перевернувший саму жизнь в Советской России. В. Серж в своих воспоминаниях писал об этом периоде: «С выстрела Николаева началась эра паники и жестокости. Немедленным ответом стала казнь ста четырнадцати человек, затем расстрел Николаева и его друзей, еще четырнадцати молодых людей, затем арест и заключение в тюрьму всех представителей бывшей зиновьевско-каменевской тенденции, почти трех тысяч человек, по моим подсчетам, затем массовая высылка нескольких десятков тысяч ленинградцев, сотни арестов среди ранее сосланных и одновременно организация прямо в тюрьмах нового, тайного судопроизводства»⁵. Этого же мне-

¹ Хьетсо Г. Максим Горький: Судьба писателя. М., 1997. С. 273.

² Нусинов И. Социалистический реализм и психологический показ // Лит. газ. М., 1934. № 67.

³ Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 411.

⁴ Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 411.

⁵ Серж В. [Кибальчич В.В.]. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.; Оренбург, 2001. С. 383–384.

ния придерживается и М.Я. Геллер в своем исследовании «Концентрационный мир и советская литература»: «Убийство Кирова сигнализирует переход от традиционных форм чистки в партии к террору.. Первым таким “грубым актом” нарушения законности было Постановление Президиума ЦИК, принятое в день убийств Кирова, об особом порядке рассмотрения дел о террористических обвинениях. Дела эти рассматривались в ускоренном порядке – не более 10 дней, – обвиняемые лишались права на защиту и даже на ходатайство о помиловании. Смертный приговор приводился в исполнение немедленно»¹.

Именно поэтому вместо слабого призыва к «гуманизму» прозвучал другой: к «беспощадному истреблению врагов». И этому «беспощадному истреблению» подверглись, в первую очередь, те, кто еще совсем недавно имел решающий голос на Первом съезде советских писателей. Так, на съезд от Восточной Сибири прибыла делегация в составе: бурятского поэта Сангинжана Ширабона, поэта Бурят-Монголии Петра Дамбинова, писателя Исаака Гольдберга, поэта Ивана Молчанова-Сибирского и писателя Петра Петрова². Из пятерых, кроме Молчанова-Сибирского, все были арестованы в 1937 г. и расстреляны. И таких примеров – бесконечное множество.

«Что же могло при такой обстановке остаться от Съезда?»³ – этот вопрос критика А.Л. Бема в 1934 г. тогда не получил без ответа.

И все же «отдельные писатели там существуют и все еще пишут несмотря ни на что. Их дело похоже на подвиг»⁴.

Приложение

Библиографический список откликов о работе Первого съезда ССП

[Б.п.]. Перед съездом писателей // Возрождение. Париж, 1934. 10 авг. – ссылка на «Известия» от 6 авг.

¹ Геллер М.Я. Концентрационный мир и советская литература. London, 1974. С. 161–162.

² См. об этом: Власть и художественная интеллигенция. С. 223–224.

³ Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М., 2001. С. 415.

⁴ Адамович Г. После съезда. 2 // Последние новости. Париж, 1934. 27 сент.

- [Б.п.]. Перед съездом писателей // Последние новости. Париж, 1934. 14 авг. — ссылка на «Правду» от 9 и 10 авг.
- [Б.п.]. На съезде писателей: Привет от ЦК ВКП; Доклад Горького; В Стране Советов; Приветствие Сталину // Там же, 1934. 22 авг. — ссылка на «Правду» от 18 авг.
- [Б.п.]. На съезде писателей: ЦК ВКП и писатели; Романтика революции; Речь пионерки; Украинская литература // Там же, 1934. 24 авг. — ссылка на «Правду» от 19 и 20 авг.
- [Б.п.]. На съезде писателей // Там же, 1934. 25 авг. — ссылка на «Правду» от 21 авг.
- [Б.п.]. На съезде писателей: Речь Леонова; Речь Ф. Гладкова; Речь Эренбурга // Там же, 1934. 26 авг. — ссылка на «Правду» от 22 авг.
- [Б.п.]. На съезде советских писателей // Там же, 1934. 27 авг. — ссылка на «Правду» от 22 авг.
- [Б.п.]. На съезде писателей: Горький скромничает; Речь Кольцова; Резолюция съезда // Там же, 1934. 28 авг. — ссылка на «Правду» от 23 авг.
- [Б.п.]. Горький беседует с селькорами // Возрождение. Париж, 1934. 29 авг. — ссылка на «Соц. ремлю» от 24 авг.
- [Б.п.]. Приветствие съезда писателей Р. Роллану // Там же, 1934. 30 авг.
- Петрищев А. Два съезда // Последние новости. Париж, 1934. 30 авг.
- [Б.п.]. На съезде писателей: Доклад А.Н. Толстого; Приветствие делегаций // Там же, 1934. 1 сент. — ссылка на «Правду» от 28 авг.
- [Б.п.]. На съезде советских писателей // Возрождение. Париж, 1934. 2 сент.
- [Б.п.]. На съезде писателей: Японский революционный режиссер; Доклад Бухарина // Последние новости. Париж, 1934. 2 сент. — ссылка на «Правду» от 29 авг.
- [Б.п.]. Съезд советских писателей: [Хроникальная заметка об окончании работы съезда] // Там же, 1934. 3 сент.
- [Б.п.]. Гринчиха на съезде писателей // Там же, 1934. 3 сент.
- [Б.п.]. Бухарин о поэзии // Возрождение. Париж, 1934. 4 сент. — ссылка на «Вечернюю Москву» от 28 авг.
- [Б.п.]. На съезде писателей: Из доклад Н. Бухарина; Блок.—Есенин.—Брюсов; Современные поэты; «На исторической вышке»; Демьян Бедный отвечает // Последние новости. Париж, 1934. 4 сент. — ссылка на «Правду» от 30 и 31 авг.
- [Б.п.]. Характеристика советских писателей: [От корреспондента из Риги] // Возрождение. Париж, 1934. 5 сент.
- [Б.п.]. На съезде писателей: Статистика съезда; Доклад Стецкого; Нет знаков отличия; Наша линия; Скиталец о литераторах-эмигрантах // Последние новости. Париж, 1934. 5 сент. — ссылка на «Правду» от 1 сент.
- [Б.п.]. После съезда писателей // Возрождение. Париж, 1934. 6 сент.
- [Б.п.]. Горький требует памятника предателя: [Отклик на Заключительное слово М. Горького] // Там же, 1934. 6 сент.

- [Б.п.]. На съезде писателей: Приветствия; Правление Союза писателей; Большевизм победил; Надо платить по вексялям; Спор с иностранными гостями // Последние новости. Париж, 1934. 6 сент. – ссылка на «Известия» от 2 сент.
- [Б.п.]. Свара и склока на съезде писателей // Возрождение. Париж, 1934. 7 сент.
- [Б.п.]. Задача советской литературы – пропаганда // Там же, 1934. 7 сент. – ссылка на «Известия» от 3 сент.
- [Б.п.]. На съезде писателей: Заключительное слово Бухарина... и его извинительное письмо; первый Пленум правления Союза // Последние новости. Париж, 1934. 7 сент. – ссылка на «Правду» и «Известия» от 3 сент.
- [Б.п.]. Литературные установки: [Сообщение о докладе П. Юдина] // Там же, 1934. 9 сент. – ссылка на «Известия» от 5 сент.
- [Б.п.]. Горький о литературной смене: [Сообщение о работе первого Пленума правления Союза писателей] // Там же, 1934. 10 сент. – ссылка на «Правду» от 5 сент.

О.А.Коростелев

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ

Жанр литературной критики — далеко не самый изученный во всем наследии русского зарубежья. И это несмотря на то, многие исследователи именно критику считали наиболее сильной в литературе эмиграции. По мнению Ю. Иваска, «самое интересное, что дала эмигрантская литература, — это ее творческие комментарии к старой русской литературе»¹. Того же мнения придерживался Г.П. Струве: «Едва ли не самым ценным вкладом зарубежных писателей в общую сокровищницу русской литературы должны будут быть признаны разные формы нехудожественной литературы — критика, эссеистика, философская проза, высокая публицистика и мемуарная литература»². С этим заключением соглашались многие исследователи³. Однако разработана эта область лишь фрагментарно: монографии или биографии литераторов, писавших в этом жанре, редки, тексты большей частью остаются несобранными, удовлетворительных библиографий зачастую не имеют даже авторы первого ряда, не говоря обо всех остальных (В.Ф. Ходасевич, В.В. Вейдле, Д.С. Мережковский, М.Л. Слоним, Д.В. Философов, Ю.И. Айхенвальд, П.М. Пильский). Кое-что все же сделано, и именно эти работы представлены в настоящей библиографии. Она носит предварительный характер и отнюдь не претен-

¹ Иваск Ю. Письма о литературе // Новое рус. слово. Нью-Йорк, 1954. 21 марта. № 15303. С.8.

² Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Paris: YMCA-Press, 1984. С.371.

³ Фостер Л. Статистический обзор русской зарубежной литературы // Русская литература в эмиграции: Сб. ст. Под ред. Полторацкого Н.П. Питтсбург, 1972. С.43.

дует на исчерпывающую полноту, однако все главные достижения в изучении критики русской эмиграции первой волны здесь отражены.

Под литературной критикой понимались в первую очередь газетно-журнальные статьи, рецензии и обзоры, посвященные по преимуществу текущей беллетристике (авторы, чьи интенции устремлялись скорее к академическому литературоведению, философии, истории, религиозной мысли либо эссеистике и публицистике в чистом виде, не входили в круг нашего рассмотрения; театральная, художественная, религиозно-философская, научная и кинокритика требуют отдельных библиографий). Из работ об авторах, выступавших во многих жанрах (например, З.Н. Гиппиус, В.В. Набоков, М.И. Цветаева), учтены лишь те, в которых эти авторы рассматривались преимущественно как критики. Равно и из работ о критиках, чья деятельность началась еще до революции (например, Ю.И. Айхенвальд, П.М. Пильский, Д.С. Мережковский), учитывались в первую очередь те, в которых речь шла главным образом об эмигрантском периоде, хотя, разумеется, такие механические разграничения далеко не всегда можно строго соблюсти. К примеру, в раздел «Сводные издания критических текстов» помимо немногочисленных критических антологий и книг для чтения включены также сборники статей эмигрантов о Пушкине, Лермонтове и т.д., в основном состоящие из работ известных критиков русского зарубежья. При росписи многотомных изданий и собраний сочинений указывались лишь тома, содержащие литературно-критические работы.

Материал разбит на шесть разделов.

1. Библиографии, словари и справочники.
2. Работы общего характера, затрагивающие темы эмигрантской критики.
3. Критики о критике (приведены основные полемические статьи эмигрантов о критике).
4. Сводные издания критических текстов (антологии, хрестоматии, книги для чтения, тематические подборки).
5. Персоналии (приведены наиболее представительные издания критических текстов автора, имеющиеся персональные библиографии, а также основные работы о нем как критике; многочисленные перепечатки отдельных статей и ознакомительных подборок в отечественных изданиях 1990-х годов учитывались очень избирательно).
6. Дополнительная литература (мемуары, дневники, письма и другие материалы). Раздел составили основные из опубликованных на сего-

дняшний день документальных свидетельств, добавляющих какие-то штрихи к общей картине эмигрантской литературно-критической жизни. Предпочтение отдавалось наиболее объемным и обстоятельно комментированным публикациям.

Более подробная информация по отдельным темам содержится в подготовленных параллельно библиографиях.

Печатное дело русского зарубежья в исследованиях и документах: Материалы к библиографии / Сост. Коростелев О. А // Диаспора: Новые материалы. – Париж; СПб., 2003. – Вып.5. – С.661–715.

Литература русской эмиграции: Материалы к библиографии: Книжная полка историка литературы / Сост. Коростелев О.А. // Русско-итальянский архив. – Солерно, 2004. – № 4 (в печати).

БИБЛИОГРАФИИ, СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

«А пришлось в разлуке жить года...»: Российское зарубежье в Финляндии между двумя войнами: Материалы к библиогр., 1987–2002 гг. / С.-Петерб. информ.-культур. центр «Рус. эмиграция»; Сост. Бекжанова Н. В. и др. – СПб.: Сударыня, 2003. – 290 с.

Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии 1917–1944 гг.: Биобиблиогр. справочник: В 4 ч. – Stanford, 1990–1991. – (Stanford Slavic studies; Vol.3).

Ч.1: А-Г. – 1990. – 424 с.

Ч.2: Д-Л. – 1990. – 418 с.

Ч.3: М-Ри. – 1991. – 434 с.

Ч.4: Ро-Я. – 1991. – 437 с.

Алексеев А.Д. Литература русского зарубежья: Книги 1917–1940: Материалы к библиогр. / Отв.ред. Муратова К. Д. – СПб.: Наука, 1993. – 202 с.

Библиография русской зарубежной литературы: 1918–1968: В 2 т. = Bibliography of Russian emigré literature, 1918-1968: 2 vol. / Сост. Фостер Л. А. – Boston (Mass): Hall & Co, 1970.

Т.1: А-К. – LVII, 681 с.

Т.2: Л-Я. – 682-1374 с.

Богомолов Н.А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников, 1900–1937. – М.: Лантерна–Вита, 1994. – 623 с. – (Studia bibliographica; Т.1).

Зернов Н.М. Русские писатели эмиграции = Russian emigre authors: Биогр. сведения и библиогр. их книг по богословию, религ. философии, церк. истории и правосл. культуре, 1921–1972. – Boston (Mass): Hall & Co, 1973. – XL, 182 с.

- Изучение литературы русской эмиграции за рубежом (1920–1990-е): Аннот. библиогр.: (Монографии, сб. ст., библиогр. и справ. издания) / Отв. ред. Белова Т. Н. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 96 с.
- Исаков С.Г.* Русские общественные и культурные деятели в Эстонии: Материалы к биогр. словарю. – Тарту, 1994. Т.1: (До 1940 г.). – 114 с.
- Книга русского зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки, 1918–1991: Библиогр. указ.: В 3 ч. / Науч. ред. Харламов В. И.; Сост. Акимова Е. А. и др. – СПб.: РХГИ; М.: Пашков дом, 1997–2001. – (Кн. мир России; Вып.4).
- Ч.1: А-К. – СПб.: РХГИ, 1997. – 624 с.
- Ч.2: Л-Т. – М.: Пашков дом, 2001. – 742 с.
- Ч.3: У-Я. Вспомогательные указатели. – 2002. – 527 с.
- Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека: 1920–1970: В 2 вып. – Париж: Librairie des Cinq Continents, 1971–1973. – (Collection Études Russes; Vol.5).
- Вып.1. – 1971. – 348 с.
- Дополнительный выпуск. – 1973. – 148 с.
- Литература русского зарубежья в Китае (г. Харбине и Шанхае): Библиография / Сост. Дяо Шаохуа. – Харбин, 2001.
- Литература русского зарубежья возвращается на родину: Выборочный указ. публикаций 1986–1990. – М.: Рудомино, 1993. Вып.1. В 2 ч.
- Ч.1. – 336 с.
- Ч.2. – 303 с.
- Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940) / Гл. ред. Николюкин А.Н.; Редкол.: Богомолов Н.А. и др. – М.: ИНИОН, 1993–2003; М.: РОССПЭН, 1997–
- Т.1.: Писатели русского зарубежья. Ч. 1–3. – М.: ИНИОН, 1993–1995; М.: РОССПЭН, 1997. – 511 с.
- Т.2: Периодика и литературные центры. Ч. 1–3. – М.: ИНИОН, 1996–1998; М.: РОССПЭН, 2000. – 639 с.
- Т.3: Книги. Ч. 1–3. – М.: ИНИОН, 1999–2000; М.: РОССПЭН, 2002. – 712 с., ил.
- Т.4: Русское зарубежье и всемирная литература. Ч. 1–3. – М.: ИНИОН, 2001–2003.
- Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. (1920–1940): В 2 вып. / Под ред. Спекторского Е. В. – Белград, 1931, 1941. – Репр.: Гаага; Париж, 1970.
- Вып.1. – 1931. – 294 с.
- Вып.2. Ч.1. – 1941. – 344 с.
- Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: В 6 тт. / Рос. гос. б-ка; Сост. Чуваков В. Н.; Под ред. Макаревич Е. В. – М.: Пашков дом, 1999–.
- Т.1: А-В. – 1999. – 660 с.

Т.2: Г-З. – 1999. – 648 с.

Т.3: И-К. – 2001. – 676 с.

Т.4: Л-М. – 2004. – 700 с.

Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции, 1918-1945. Библиография:

Из каталога библиотеки Русского заграничного исторического архива в Праге: В 2 т. / Сост. Постников С. П.; Под ред. Блинова С. Г.; Introd. by Kasinec E., Davis R. H., jr. – N. Y.: Norman Ross Publ., 1993.

Т.1: Книги и брошюры русской эмиграции, 1918–1945. – XIX, 1–256 с.

Т.2: Периодика русской эмиграции, 1918–1945. – 257–526 с.

Русская печать в Эстонии 1918-1940: Биобиблиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции: В 2 вып. / Сост. Фигурнова О. С. – М.: Наследие, 1998. – 462 с.

Русская эмиграция в Великобритании между двумя войнами (1917–1940): Библиогр. указ. / Сост. Сидоренко Н. А. и др. – М.: Б-ка-фонд «Рус. зарубежье», 2000. – 56 с.

Русская эмиграция в Великобритании между двумя войнами: Наука и культура: Библиогр. указ. / Сост. Бекжанова Н.В. и др. – СПб.: Рус. эмиграция, 2000. – 105 с.

Русская эмиграция: Журналы и сборники на русском языке: 1920–1980: Свод. указ. ст. = L'emigration russe: revues et recueils: 1920-1980: Index general des articles / Под ред. Гладковой Т.Л., Осоргиной Т. А.; Предисл. Раева М. – P.: Inst. d'etudes slaves, 1988. – 661 с.

Русские писатели, XX век: Биобиблиогр. словарь: В 2 ч. / Редкол.: Грязнова Н. А. и др.; Под ред. Скатава. Н. Н. – М.: Просвещение, 1998.

Ч.1: А-Л. – 784 с.

Ч.2: М-Я. – 656 с.

Русские писатели 20 века: Биограф. словарь / Гл. ред. и сост. Николаев П. А.; Редкол.: А. Г. Бочаров и др. – М.: Большая Рос. энцикл.:Рандеву-АМ, 2000. – 808 с.

Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции, первая треть XX в. Энцикл. биограф. словарь / Под общ. ред. Шелохаева В. В. – М.: РОССПЭН, 1997. – 748 с.

Русское зарубежье: Указ. лит.: В 2 вып. / Сост. Филиппова Л.И. – Якутск: Изд-во им. М.К. Аммосова, 1992–1994.

Вып.1. – 1992. – 130 с.

Вып.2. Ч.1. – 1994. – 143 с.

Вып.2. Ч.2. – 1994. – 155 с.

Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Мнухина Л. А. Т.1–4. – М.: ЭКСМО; Paris: YMCA-Press, 1995-1997.

Т.1: 1920–1929. 1995. – VI, 630 с.

Т.2: 1930–1934. 1995. – 659 с.

Т.3: 1935–1940. 1996. – 619 с.

- Т.4: Указатели. 1997. – 676 с.
- Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция / Под общ. ред. Мнухина Л. А. Т.1-4 (5-8). – М.: Русский путь; Paris: YMCA-Press, 2000-2002.
- Т.1 (5): 1940–1954. 2000. – VI, 671 с.
- Т.2 (6): 1955–1963. 2000. – 585 с.
- Т.3 (7): 1964–1975. 2001. – 430 с.
- Т.4 (8): Указатели. 2002. – 662 с.
- Словарь поэтов русского зарубежья / Под ред. Крейда В. – СПб.: РХГИ, 1999. – 472 с.
- Словарь русских зарубежных писателей / Сост. Булгаков В.Ф.; Ред. Ванечкова Г. – New York: Norman Ross Publ., 1993. – XXXVI, 241 с.
- Хисамудинов А.А.* После продажи Аляски: Русские на Тихоокеанском побережье Северной Америки (1867–1980-е гг.): Материалы к энциклопедии. – Владивосток: ВГУЭС, 2003. – 246 с., ил.
- Хисамудинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиогр. словарь. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – 359 с., ил.
- Хисамудинов А.А.* Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 360 с., ил.
- Шевеленко И.* Материалы о русской эмиграции 1920–1930-х годов в собрании баронессы М.Д. Врангель (Архив Гуверовского института в Стэнфорде). – Stanford, 1995. – (Stanford Slavic studies; Vol.9).
- 106 литературных имен русского зарубежья: Библиогр. указ. / Сост. Бычкова Е.Н. – М.: ГПИБ, 1992. – 136 с.
- Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941 / Hrsg. Von Schlögel K., et. al. – В.: Akad. Verl. GmbH, 1999. – 672 s.
- Dictionary of Russian women writers / Ed. by Ledkovsky M., et. al. – Westport (Conn.); L., 1994. – 870 p.
- Hellman B., Kjellberg J.* Suomen verajankylysen kirjallisunden bibliografia, 1813–1972 = Библиография русской литературы, изданной в Финляндии: 1813–1972. – Хельсинки, 1988. – 96 с. – (Publications of the Helsinki univ. library; 52).
- Kasack W.* Lexikon der russischen Literatur des 20/ Jahrhunderts. – München, 1992; – Рус. пер.: *Казак В.* Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года / Пер. с нем. Варгафтик Е., Бурихин И. – London: Overseas publications interchange, 1988. – 922 с.; 2-е, доп. изд.: *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века / Пер. с нем. Варгафтик Е., Бурихин И.; Ред. Зоркая М. – М.: Культура, 1996. – 492 с.
- Katchaki J.N.* Bibliography of Russian refugees in the Kingdom of S.H.S. (Yugoslavia) 1920–1945. – Arnhem: Proteus & Hygieia BV, 1991. – 352 p.

Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. Díl. 1–2. 1919–1939 = Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т.1–2. 1919–1939 / Под общ. ред. Белошевой. Л. – Прага: Слав. ин-т АН ЧР, 2000–2001.

Т.1: 1919–1929 – 368 с.

Т.2: 1930–1939 – 639 с.

Prace ruske, ukrajinske a beloruske emigrace vydane v Československu, 1918–1945 = Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918–1945 гг. (Библиография с биографическими данными об авторах) / Bibliogr. zprac. Rachůnkova Z., Řeháková M. – Pr.: Nár. knihovna České republiky, 1996. Том I: В 3 ч. – XVIII, 1472 с.

Ч.1. – XVIII, 1–424 с.

Ч.2. – 425–850 с.

Ч.3. – 851–1472 с.

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918–1996). – М.: Терра-Спорт, 1998. – 543 с.

Азаров Ю.А. Русская литературная эмиграция в США 1920–1930-х гг.: (По материалам периода. изд.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 2000. № 3. С.83–97.

Басинский П., Федякин С. Русская литература конца XIX – начала XX века и первой эмиграции. – М.: Академия, 1998. – 528 с.

Белошевская Л. Молодая эмигрантская литература в Праге (Объединение «Скит»: Творческое лицо) // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике (1919–1939). (Менее известные аспекты темы). – Прага: Слав. ин-т АН ЧР, 1999. – С.164–203.

Белошевская Л. Пражский «Скит»: Попытка реконструкции // Rossica: Науч. исслед. по русистике, украинистике, белорусистике. – 1996. – № 1. – С.61–71.

Белошевская Л. «Скит» и русская литературная Прага // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами... – Praha: Nár. knihovna ČR, 1995. – С.214–220.

Богомолов Н.А. Об одной литературно-политической полемике 1927 года // Рос. литературовед. журн. – 1994. – № 4. – С.19–24; То же: Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940: В 2 кн. – М., 1994. – Кн.2. – С.25–33.

Буслакова Т.П. Литература русского зарубежья: Курс лекций. – М.: Высш. шк., 2003. – 365 с.

- Буслакова Т.П.* Парижская «нота» в русской литературе: Взгляд критики // Русская культура XX века на родине и в эмиграции: Имена. Проблемы. Факты / Под ред. Михайловой М. В. и др. — М., 2000. — Вып.1. — С.90–101.
- Вершинин Л.* Не прячь лицо в ладони. — М.: Радуга, 2002. — 359 с., ил. — (Сквозь призму времени).
- Глэд Д.* Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. — М.: Кн. палата, 1991. — 320 с.
- Горбунова А.И.* Становление и развитие литературной критики «русского Парижа» 1920–1930-х годов: (Обзор литературы и основных источников) // Актуальные проблемы изучения литературы и культуры на современном этапе. — Саранск, 2002. — С.96–103.
- Гуткина А.М.* Первый критико-библиографический журнал русского зарубежья // Социал. и гуманит. науки: Зарубеж. лит. РЖ. Серия 7, Литературоведение. — 1995. — № 4. — С.23–28.
- Дарк О.* Загадка Сирина: Ранний Набоков в критике «первой волны» русской эмиграции // Вопр. лит. — М., 1990. — № 3. — С.243–257.
- Демидова О.Р.* Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья. — СПб.: Гиперион, 2003. — 296 с.
- Евтихиева А.С.* Гоголь в критике русского зарубежья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / МГУ им. М.В.Ломоносова. — М., 1999. — 24 с.
- Евтихиева А.С.* Гоголь в критике русского зарубежья // Ломоносовские чтения — 2000. — М., 2000. — С.74–78.
- Жирков Г.В.* Между двух войн: Журналистика русского зарубежья (1920–1940-е годы): Учеб. пособие. — СПб.: ИГУП, 1998. — 208 с. — (Б-ка гуманит. ун-та).
- Жулькова К.А.* Литературная критика парижского журнала «Современные записки» (1920–1940): Проблемы литературно-критического процесса. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / ИНИОН. — М., 2001. — 23 с.
- Задражилова М.* Безответный триалог // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами...: Сб. докл. — Прага, 1995. — С.181–196.
- Зверев А.М.* Повседневная жизнь русского литературного Парижа 1920–1940-х гг. — М.: Мол. гвардия, 2003. — 371 с. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
- Ивкина А.П.* Критико-библиографические журналы русского зарубежья 1920-х гг. («Новости литературы» и «Литература и жизнь»): Опыт обзора // Историко-библиографические исследования. — СПб., 1996. — Вып. 6. — С.139–147.
- Ильин В.* Литературоведение и критика до и после революции // Русская литература в эмиграции: Сб. ст. / Под ред. Полторацкого Н.П. — Питтсбург, 1972. — С.243–254.
- Исаков С.Г.* Русские в Эстонии (1918–1940): Историко-культурные очерки. — Тарту: Компу, 1996. — 400 с.

- Казнина О.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. – М.: Наследие, 1997. – 416 с.
- Каманина Е.В.* Эмигрантская пресса о романе Леонида Андреева «Дневник Сатаны» // Русская культура XX века на родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты / Под ред. Михайловой М.В. и др. – М., 2000. – Вып.1. – С.128–137.
- Киселева Г.Б.* Критико-библиографическая информация на страницах русскоязычных периодических изданий Чехословакии (1920–1939) // Культурная миссия российского зарубежья: История и современность. – М., 1999. – С.161–169.
- Кичигин В.П.* Русская литературная эмиграция, 1917–1990: Учеб.-справ. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – Белгород, 1999. – 288 с.
- Кормилов С.И., Скороспелова Е.Б.* Литературная критика в России XX века (после 1917 года): Материалы к курсу. – М.: Диалог-МГУ, 1996. – 64 с.
- Коростелев О.А.* Георгий Адамович, Владислав Ходасевич и молодые поэты эмиграции (Реплика к старому спору о влияниях) // Рос. литературовед. журн. – М., 1997. – № 11. – С.282–292.
- Коростелев О.А.* «Опытгы» в отзывах современников // Литературовед. журн. – М., 2003. – № 17. – С.3–46.
- Коростелев О.А.* «Парижская нота» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). – М.: ИНИОН, 1997. Т.2. Ч.2I. – С.158–164; то же в кн.: Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. – М.: РОССПЭН, 2000. – Т.2.: Периодика и литературные центры. – С.300–303; вариант в кн.: Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. Николюкин А.Н. – М.: Интелвак, 2001. – С.718–719.
- Коростелев О.А.* Пафос свободы: Литературная критика русской эмиграции за полвека (1920–1970) // Критика русского зарубежья: В 2 ч. / Сост., прим. Коростелев О.А., Мельников Н. Г.; Подгот. текста, предисл., преамбулы Коростелев О.А. – М.:Олимп: АСТ, 2002. – Ч.1. – С.3–35.
- Коростелев О.А.* Первая антология эмигрантской поэзии «Якорь» в переписке и отзывах современников // Зарубежная Россия. 1917–1939: Сб. ст. / Ин-т истории РАН; Отв. ред. Черняев В.Ю. – СПб.: Лики России, 2003. – Кн.2. – С.292–300.
- Макаров Д.В.* И.С. Шмелёв в критике русского зарубежья: (Христианский контекст) // Литература и культура в контексте христианства. – Ульяновск, 1999. – С.73–77.
- Мартынов А.В.* Литература на подошвах сапог: Спор о «молодой» эмигрантской литературе в контексте самопознания русской эмиграции // Обществ. науки и современность. – М., 2001. – № 2. – С.181–190.
- Меймре Аурика.* Русские литераторы-эмигранты в Эстонии: На материале периодической печати. – Tallinn: Изд-во ТПУ, 2001. – 165 с. – (Таллин. пед. ун-т. Дис. по гуманит. наукам; 6).

- Михайлов О.Н.* Литература русского зарубежья. — М.: Просвещение, 1995. — 432 с.
- Мышалова Д.В.* Очерки по литературе русского зарубежья. — Новосибирск: Наука., 1995. — 223 с.
- Николаев Д.Д.* Журнал «Русская книга» (1921 год): Идеологическая платформа и литературная критика // Литературное зарубежье: Национальная литература — две или одна?— М.: ИМЛИ РАН, 2002. — Вып.2 / Отв. ред. Барабаш Ю. Я. — С.63–137.
- Николаев Д.Д.* Творчество А. Блока в оценке эмигрантской критики: (Издания группы «Мир и Труд») // Шахматовский вестник. — Солнечногорск, 1997. — Вып.7. — С. 119–133.
- Николаева К.С.* Константин Бальмонт в восприятии писателей русского зарубежья // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. — Иваново, 1996. — Вып.2. — С.46–52.
- Николюкин А.Н.* «Современные записки» под критическим взглядом З. Гиппиус // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная литература. РЖ. Серия 7; Литературоведение. — 1995. — № 4. — С.102–111.
- Одна или две русских литературы?: Междунар. симп., созданный фак. словесности Женев. ун-та и Швейцар. акад. славистики. Женева, 13–14–15 апр. 1978 / Отв. ред. Нива Ж. — Женева: L'AGE D'HOMME, 1991. — 255 с.
- Перхин В.В.* Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. — 306 с.
- Ряброва И.В.* Концепт ПРОРОК в литературно-критическом дискурсе газеты «Руль» начала 20-х годов XX столетия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.-Петерб. гос. ун-т. — СПб., 2000. — 16 с.
- Рудзевич И.* Русские писатели-эмигранты в Польше. — СПб.: Образование, 1994. — 36 с.
- Сергеев О.В.* А.М. Ремизов в зарубежной критике // Русское литературное зарубежье: Сб. обзоров и материалов. — М.: ИНИОН, 1991. — Вып.1 — С.100–120.
- Согрина М.* «Восхождение» к стилю: (Поздняя проза Бунина в эмигрантской критике) // XX век. Литература. Силь. — Екатеринбург, 1996. — Вып.2. — С.150–160.
- Соколов А.Г.* Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. — М.:Изд-во Моск. ун-та, 1991. — 184 с.
- Сорокина И.И.* В. Ходасевич и А. Воронский о Есенине: Два взгляда на проблему автора // Вестн. Удм. ун-та. — Ижевск, 1993. — № 4. — С.95–99.
- Степанова Т.М.* Борис Зайцев в литературоведении и критике // Филол. вестн. — Майкоп, 2002. — № 4. — С.34–40.
- Струве Г.П.* Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. — 408 с.; 2-е изд., испр. и доп.: Париж: YMCA-Press, 1984. — 426 с.; 3-е изд., испр. и доп.: Краткий биографический словарь

- русского зарубежья / Вильданова Р.И., Кудрявцев В.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю. – М.: Рус. путь, Париж.: YMCA-Press, 1997. – 448 с.
- Стой С.Г.* Литературная жизнь русской эмиграции в Китае (1920–1940-е годы). – М.: Изд-во ИКАР, 2003. – 184 с.
- Стой С.Г.* Литературная жизнь русской эмиграции в Китае (1920–1940-е годы): Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1996. – 20 с.
- Таркова И.В.* Набоков в зеркале критики // Проблемы развития русской литературы XX века: Материалы регион. науч.-практ. конф. – Хабаровск: Пед. ун-т, 1996. – С.50–52.
- Терехина З.И.* Творчество В.В. Маяковского в критике русского зарубежья, 1920–1930-е г.: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. – М., 1993. – 146 с.
- Тихомирова Е.В.* Творчество М. Цветаевой в критике русского зарубежья: Эпизод с «Благонамеренным» // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол. Куприяновский П.В. и др. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1993. – С.189–198.
- Федякин С.Р.* Искусство рецензии в «Числах» и «Опытах» // Литературовед. журн. – М., 2003. – № 17. – С.65–96.
- Фоминых Т.Н.* Берлинская редакция романа А.Н.Толстого «Хождение по мукам» в критике русского зарубежья // Словесность и современность: Материалы науч. конф., 23–24 нояб. 2000 г., Пермь: В 3 ч. – Пермь, 2000. – Ч. 1. – С.88–95.
- Фостер Л.* Статистический обзор русской зарубежной литературы // Русская литература в эмиграции: Сб. ст. / Под ред. Полторацкого Н. П. – Питтсбург, 1972. – С.39–44.
- Чагин А.И.* Литература в изгнании: Спор поколений // Литературное зарубежье: Национальная литература – две или одна? – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – Вып.2 / Отв. ред. Барабаш Ю. Я.– С.216–224.
- Чагин А.* Расколотая лира: (Россия и зарубежье: Судьбы русской поэзии в 1920–1930-е годы). – М.: Наследие, 1998. – 272 с.
- Черкасов В.А.* Литературная критика о Набокове и полемика с ней в творчестве писателя (20–30-е гг.): Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01.– М., 1998. – 188 с.
- Черкасов В.А.* Литературные связи между Буниным и Набоковым в оценке критики 1920-х годов // Центральная Россия и литература русского зарубежья (1917–1939): Исследования и публикации: Материалы междунар.науч. конф., посвящ. 70-летию присуждения И. А. Бунину Нобелевской премии / Орл. гос. ун-т, 24–25 апр. 2003 г. – Орел: Вешние воды, 2003. – С.47–50.
- Шубникова-Гусева Н.* «Волшебная странность»: (Русское зарубежье о Есенине) // Лит. учеба. – М., 1992. – № 5/6. – С.167–171.
- Beyer T., Kratz G., Werner X.* Russische Autoren und Verlage in Berlin nach dem ersten Weltkrieg. – В.: Spitz, 1987. – 246 S.

- Dodenhoef B.* «Laßt mich nach Rußland heim»: Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. — Frankfurt a. M., 1993. — 338 S.
- Ђурић О.* Руска литерарна Србија: 1920–1941 (писци, кружоци и издања). — Горњи Милановац; Београд, 1990. — 301 с.
- Gibson Aleksey.* Russian poetry and criticism in Paris from 1920 to 1940. — The Hague: Leuvenhoff publ., 1990. — 198 p.
- Hagglund R.* The Adamović–Ходасевич polemics // Slavic a. East Europ. j. — 1976. — Vol.20, N 3. — P.239–252.
- Hagglund R.* The Russian emigre debate of 1928 on criticism // Slavic rev. — 1973. — Vol.32, N 3. — P.515–526.
- Johnston R.H.* New Mecca, New Babilon: Paris and the Russian exiles, 1920–1945. — Montreal: McGill: Queen univ. press, 1988. — X, 245 p.
- Livak L.* How it was done in Paris: Russian emigré literature and French modernism. — Madison: Wisconsin: Univ. of Wisconsin press, 2003. — 316 p.
- Menegaldo H.* Les Russes a Paris. 1919–1939. — P.: Autrement, 1998; рус. пер.: Менегальдо Е. Русские в Париже. 1919–1939 / Пер. Попова Н., Попов И.; О-во друзей Алексея Ремизова — М.: Н. Попова: Кстати, 2001. — 248 с.
- Pachmuss T.* Russian literature in the Baltic between the World wars. — Columbus; Ohio: Slavica publ., 1987.
- Pechtšev A., Klupka J.* Russkaja literaturnaja emigracija v Čechoslovakii. — Pr.; Brno, 1993. — 156 s.
- Raeff M.* A cultural history of the Russian emigration 1919–1939. — N. Y.; Oxford: Oxford univ. press, 1990. — 239 p.; рус. пер.: Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939 / Предисл. Казниной О.— М.: Прогресс-Академия, 1994. — 292 с.
- Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben in Europäischen Bürgerkrieg* / Hrsg. von Schlögel K. — B., 1995. — 550 S.
- Twentieth-century Russian literary criticism* / Ed. by Erlich V. — New Haven; L.: Yale univ. press, 1975.
- Volkman H.-E.* Die russische Emigration in Deutschland 1919–1929. — Würzburg: Holzner, 1966. — 154 S.
- Williams Rt.* Culture in exile: Russian emigrés in Germany, 1881–1941. — Ithaca; L.: Cornell univ. press, 1972. — 404 p.

КРИТИКИ О КРИТИКЕ

- Адамович Г.* О критике и дружбе // Дни. — Париж, 1928. — 27 мая.
- Бахрах А.* В защиту читателя // Дни. — Париж, 1928. — 27 апр.

- Бем А.* Письма о литературе: О критике и критиках (Статья первая) // Руль. — Берлин, 1931. — 29 апр.
- Бем А.* Письма о литературе: О критике и критиках (Статья вторая) // Руль. — Берлин, 1931. — 6 мая.
- Бем А.* Письма о литературе: О критике и критиках (Статья третья) // Руль. — Берлин, 1931. — 18 мая.
- Г. В.* «Кочевье». Диспут о «критике в эмиграции» // Дни. — Париж, 1928. — 18 июня.
- Иваск Ю.* Адамович-критик // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1964. — 5 апр.
- Иваск Ю.* Письма о литературе // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1954. — 21 марта.
- Иваск Ю.* Четыре критика // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1953. — 1 марта.
- Кленовский Д.* Поэзия и ее критики // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1956. — 16 сент.
- Крайний Антон <Гиппиус З. Н.>*. Без критики // За свободу! — Варшава, 1929. — 23 янв.
- Крайний Антон <Гиппиус З. Н.>*. Положение литературной критики // Возрождение. — Париж, 1928. — 24 мая.
- Литературная критика в России и СССР: Радиобеседа <Г. Газданова, Г. Адамовича, В. Вейдле и Н. Струве (Париж, июль 1970 г.)> / Публ. Диенеша Л. // Другие берега. — М., 1995. — № 6. — С. 84–95.
- Новак В.* По поводу статьи Ю. Иваска «Четыре критика» // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1953. — 5 апр.
- <*Осоргин М.*> Литературная неделя // Дни. — Париж, 1928. — 29 апр.
- <*Осоргин М.*> Литературная неделя // Дни. — Париж, 1928. — 13 мая.
- <*Осоргин М.*> Литературная неделя // Дни. — Париж, 1928. — 3 июня.
- Оцуп Н.* О литературной оценке // Дни. — Париж, 1928. — 24 июня.
- Святополк-Мирский Д.* О нынешнем состоянии русской литературы // Благонамеренный. — Брюссель, 1926. — № 1. — С. 90–97.
- Слоим М.* Литературные отклики: Бунин-критик. Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О «Верстах» // Воля России. — Прага, 1926. — № 8/9. — С. 87–103.
- Слоим М.* Литературные отклики: Живая литература и мертвые критики // Воля России. — Прага, 1924. — № 4. — С. 53–63.
- Слоим М.* Литературный дневник: О литературной критике в эмиграции // Воля России. — Прага, 1928. — № 7. — С. 58–75.
- Сосинский Б.* О читателе, критике и поэте // Воля России. — Прага, 1928. — № 2. — С. 60–70.
- Струве Глеб.* Об Адамовиче-критике: По поводу книги «Одиночество и свобода» // Грагни. — Франкфурт-на-Майне, 1957. (апр. — сент.). — № 34/35. — С. 365–369.
- Тартак И.* Три критика и Белинский // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1953. — 10 мая.
- Терапиано Ю. В.Ф.* Ходасевич // Русская мысль. — Париж, 1959. — 13 июня.

- Федотов Г.П.* О парижской поэзии // Ковчег: Сборник зарубежной русской литературы. — Нью-Йорк: Изд-во Объединения рус. писателей, 1942. — № 1. — С. 189–198.
- Ходасевич В.* Еще о критике // Возрождение. — Париж, 1928. — 31 мая.
- Ходасевич В.* О формализме и формалистах // Возрождение. — Париж, 1927. — 10 мая.
- Цветаева М.* Поэт о критике // Благонамеренный. — Брюссель, 1926. — № 2. — С. 94–125.
- Цетлин М.* О литературной критике // Новый корабль. — Париж, 1927. — № 1. — С. 31–35.
- Элькан А.* Нечто о критике // Русская мысль. — Париж, 1958. — 22 апр.

СВОДНЫЕ ИЗДАНИЯ КРИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (антологии, хрестоматии, книги для чтения, тематические подборки)

- В. В. Набоков:** Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология / Сост. Аверина Б., Маликовой М., Долинина А.. — СПб.: РХГИ, 1997. — 973 с. — (Рус. путь).
- В. В. Набоков:** Pro et contra / Сост. Антонова С. А. — СПб.: РХГИ, 2001. Том 2: Материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова: Антология. — 1064 с. — (Рус. путь).
- В краю чужом...:** Зарубежная Россия и Пушкин / Сост., вступ. ст. и коммент. Филлин М. Д. — М.: Русский мир; Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. — 495 с.
- Великое русское слово:** Из наследия рус. эмиграции / Сост. и авт. вступ. ст. Филлин М. Д.; Коммент. и общ. ред. Кожевникова В. А. — М.: Русский мир, 2000. — 367 с. — (Зарубеж. Россия и «Слово о полку Игореве»).
- «Высочайшая правда творчества»: Современники о И. А. Бунине <Г.В. Адамович, Ф. А. Степун, В. В. Вейдле, М. А. Аданов> / Предисл., прим. и подгот. текстов Перхина В. // Нева. СПб., 1995. — № 10. — С. 200–208.
- Д. С. Мережковский:** Pro et contra: Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников: Антология / Сост., вступ. ст., коммент. и библиогр. Николошкин А. Н.. — СПб.: РХГИ, 2001. — 568 с., портр. — (Рус. путь).
- Заветы Пушкина.** Из наследия первой эмиграции / Сост., предисл., подгот. текста, коммент. Филина М. Д. — М.: Эллис Лак, 1998. — 448 с. — (Пушкиниана рус. зарубежья).
- И. А. Бунин:** Pro et contra / Сост. Аверина Б. В., Риникера Д., Степанова К. В., коммент. Аверина Б. В., Виролайнен М. Н., Риникера Д., библиогр. Двинутиной Т. М., Лалидус А. Я.. — СПб.: РХГИ, 2001. — 1016 с. — (Рус. путь).
- Классик без ретуши.** Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии / Под общ. ред. Мельникова Н. Г. Сост. и подгот. текста Мель-

- никова Н. Г., Коростелева О. А. Предисл., преамб., коммент., подбор ил. Мельникова Н. Г. — М.: Новое лит. обозрение, 2000. — 688 с. — (Науч. сер.).
- Критика русского зарубежья: В 2 ч. / Сост., прим. Коростелев О. А., Мельников Н. Г. Подгот. т-та, предисл., преамб. Коростелев О.А. — М.:Олимп; АСТ, 2002. — (Биб.-ка рус. критики).
- Т. 1. — 471 с.
- Т. 2. — 462 с.
- Литература русского зарубежья: Антология в шести томах / Сост. Лаврова В. В.. — М.: Книга, 1990.
- Т. 1. Кн. 1: 1920—1925. — М.: Книга, 1990. — 430 с.
- Т. 1. Кн. 2: 1920—1925. — М.: Книга, 1990.— 398 с.
- Т. 2: 1926—1930. — М.: Книга, 1991. — 559 с.
- Т. 3: 1931—1935. — М.: Книга и бизнес, 1997. — 543 с.
- Т. 4: 1936—1940. — М.: Книга и бизнес, 1998. — 558 с.
- Марина Цветаева в критике современников. В 2-х ч. / Сост., подгот. текста, предисл. и ком. Мнухина Л. А., Толкачевой Е.В. — М.: Аграф, 2003.
- Ч. 1: Родство и чуждость (1910—1940 гг.). — 656 с.
- Ч. 2: Обреченность на время (1942—1987 гг.). — 640 с.
- Марина Цветаева — Георгий Адамович: Хроника противостояния / Предисл., сост. и примеч. Коростелева О. А. — М.: Дом-музей М. Цветаевой, 2000. — 188 с.
- Маяковский в критике русского зарубежья / Публ. Терехиной В.Н., Зименкова А.П. // Вестн. Моск. ун-та. Филология. — 1992. — № 4 (июль—авг.). — С. 66—76.
- Образ совершенства: Зарубежная Россия и Пушкин / Сост. Филин М. Д. — М.: Рус. миръ; Жизнь и мысль; Моск. учебники, 1999. — 352 с.: ил. — (Из наслед. первой эмигр.).
- Первая эмиграция о Маяковском / Вступ. ст., публ. и коммент. Селезнева Л.А., Терехиной В.Н. // Лит. обозрен. М., 1992. — № 3/4. — С. 33—45.
- Полемика Г.В. Адамовича и В.Ф. Ходасевича (1927—1937) / Публ. Коростелева О.А., Федякина С.Р. Вступ. ст. Коростелева О.А. // Рос. литературовед. журн. М., 1994. № 4. С. 204—250. <Републикация критических статей Г. Адамовича и В. Ходасевича>; вступ. ст. в сокр.: Современное русское зарубежье / Сост., вступ. ст., прим. Басинского П.В., Федякина С.Р. — М.: Олимп, 1998. — С. 464—468.
- «Правда душевно-духовного знания»: Современники о Владиславе Ходасевиче / Предисл., примеч. и подгот. текста Перхина В. // Нева. — СПб., 1995. — № 5. — С. 207—214.
- «Пражская» критика о творчестве Н.А. Тэффи / Публ. и вступ. заметка Николаева Д.Д. // Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. — М., 1999. — С. 148—158.
- Пушкин в эмиграции. 1937 / Сост., коммент., вст. очерк Перельмутера В. — М.: Прогресс-Традиция, 1999. — 800 с.

- Русские эмигранты о Достоевском / Вступ. ст., подг. текста и прим. Белова С.В. — СПб.: Андреев и сыновья, 1994. — 429 с.
- Русский Берлин / Сост., предисл. и персоналии Сорокиной В.В. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. — 368 с.
- Русский Нью-Йорк: Антология «Нового журнала» / Вступ. статьи Крейда В., Николюкина А. Н.; Сост., коммент. Николюкина А.Н. — М.: Русский путь, 2002. — 446 с.
- Русский Париж / Сост., предисл. и коммент. Бушлаковой Т.П. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. — 528 с.
- Русский Харбин / Сост., предисл. и коммент. Таскиной Е.П. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. — 272 с.
- Русское зарубежье: Хрестоматия по литературе / Сост. Бурдин В.И. и др. — Пермь, 1995. — 543 с.
- Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи. В 2 т. / Вступ.ст. и коммент. Шубниковой-Гусевой Н.И. — М., 1993.
- Т. 1: Воспоминания. — 327 с., портр.
- Т. 2: Эссе, очерки, рецензии, статьи. — 204 с.
- Современное русское зарубежье / Сост., вступ. ст., прим. Басинского П.В., Федякина С.Р. — М.: Олимп, 1998.
- Спор о молодой эмигрантской литературе. Статьи Г. Газданова, М. Алданова, В. Варшавского, М. Осоргина, В. Ходасевича / Вступ. ст., публ. и коммент. Ворониной Т.Л. // Рос. литературовед. журн.. — 1993. — № 2. — С. 152–184.
- Тайна Пушкина: Из прозы и публицистики первой эмиграции / Сост., предисл. и коммент. Филин М. Д. — М.: Эллис Лак, 1998. — 544 с.
- Фаталист: Зарубежная Россия и Лермонтов / Сост., предисл. и коммент. Филин М.Д. — М.: Русский мир, 1999. — 288 с.: ил. — (Из наслед. первой эмигр.).
- Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937): В 2 т. / Сост., предисл. Филин М. Д. — М.: Эллис Лак, 2000. — (История. Люди. Тексты).
- Т. 1. — 607 с.
- Т. 2. — 559 с.
- Шолохов и русское зарубежье: Сборник статей / Сост., вступ. ст., прим. и указ. Васильева В. В. — М.: Алгоритм, 2003. — 448 с.
- Чехов и русская эмиграция / Публ. и вступ. заметка Васильевой М. А. // Лит. обозрен. — 1994. — № 11/12. — С. 15–34.

ПЕРСОНАЛИИ (издания, библиографии, исследования)

АДАМОВИЧ Г. В.

Адамович Г. В. Собрание сочинений / Редкол.: Коростелев О.А. и др. — СПб.: Алетейя, 1998.

Литературные беседы. Кн. 1: «Звено» (1923–1926) / Вступ. ст., сост. и примеч. Коростелева О. А. — 1998. — 575 с.

Литературные беседы. Кн. 2: «Звено» (1926–1928) / Вступ. ст., сост. и примеч. Коростелева О. А. — 1998. — 510 с.

Одиночество и свобода / Сост., послесл. и примеч. Коростелева О. А. — 2002. — 476 с.

Литературные заметки. Кн. 1: «Последние новости» (1928–1931) / Сост., послесл. и примеч. Коростелева О. А. — 2002. — 786 с.

Адамович Г. Одиночество и свобода / Сост., пред. и прим. Крейда В. — М.: Республика, 1996. — 446 с.

Адамович Г.В. Одиночество и свобода / Пред. и прим. Аллена Л. — СПб.: Logos, 1993. — 224 с.

Адамович Г.В. Критическая проза // Вступ.ст., сост. и прим. Коростелева О. А. — М.: Изд-во Лит. ин-та, 1996. — 384 с.

Georgy Adamovich: An annotated bibliography — Criticism, Poetry, and Prose, 1915–1980 / Comp. by Hagglund R. — Ann Arbor: Ardis, 1985. — 102 p.

Аллен Л. Об авторе и его книге // Адамович Г. Одиночество и свобода. — СПб.: Logos, 1993. — С. 167–174.

Богомолов Н. А. Литература метрополии и диаспоры в воззрениях Г. В. Адамовича 1950-х и начала 1960-х годов (По неизданным письмам) // Филол. науки. — М., 2003. — №1. — С. 71–80.

Головенченко С. А. Георгий Адамович как литературный критик // Актуальные проблемы современного литературоведения. — М., 1997. — С. 30–32.

Зверев А. М. «Там» и «Здесь»: оппозиция «советское—эмигрантское» в литературной критике Г. Адамовича // Российское зарубежье: Итоги и перспективы изучения. Тез. докл. и сообщ. науч. конф. 17 нояб. 1997 г. — М.: РГГУ, 1997. — С. 79–80.

Коростелев О. А. Адамович (1892–1972) // Литература русского зарубежья: 1920–1940. Вып. 2. — М.: ИМЛИ. — Наследие, 1999. — С. 158–186.

Коростелев О. А. Адамович Георгий Викторович (1892–1972) // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т. 4. Ч. I. — М.: ИНИОН, 2001. — С. 22–31.

Коростелев О. А. Адамович Георгий Викторович: «Одиночество и свобода», «Единство», «Комментарии» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т.3. Ч. I. — М.: ИНИОН, 1999. — С. 42–45, 47–51.

Коростелев О. А. Георгий Адамович в газете Миллокова «Последние новости» // Адамович Г. В. Собрание сочинений: Литературные заметки. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931) / Сост., послесл. и примеч. О. А. Коростелева. — СПб.: Алетейя, 2002. — С. 5–26.

- Коростелев О. А.* Критическая проза Георгия Адамовича // Лит. учеба. – М., 1991. – № 1. – С. 138–148.
- Коростелев О. А.* «Опираясь на бездну...» (О критической манере Георгия Адамовича) // Адамович Г. В. Критическая проза / Вступ. ст., сост. и прим. Коростелева О. А. – М.: Изд-во Лит. ин-та, 1996. – С. 4–10.
- Коростелев О. А.* Подведение итогов (книга Адамовича «Одиночество и свобода» в его переписке с друзьями) // Адамович Г. В. Собрание сочинений: Одиночество и свобода / Сост., послесл. и примеч. Коростелева О. А. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 309–322.
- Коростелев О. А.* Подчиняясь не логике, но истине... («Литературные беседы» Георгия Адамовича в «Звене») // Адамович Г. В. Собр. соч.: Лит. беседы: "Звено" (1923–1928): В 2-х кн. / Вступ.ст., сост. и прим. Коростелева О. А. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 5–30.
- Крейд В. О Г. В. Адамовиче* // Адамович Г. Одиночество и свобода / Сост., авт. предисл. и прим. Крейда В. – М.: Республика, 1996. – С. 5–13.
- Ревякина А. А. Г. Адамович – критик журнала «Звено»* // Рус. лит. зарубежье: Сб. обзоров и мат. – М.: ИНИОН, 1993. Вып. 2. – С. 86–101.
- Федоров Ф. П.* Пушкин в системе воззрений Георгия Адамовича // Время и текст: Историко-лит. сб. – СПб., 2002. – С. 324–337.
- Glad J. Adamovich, Georgii Victorovich (1884–1972)* // The modern encyclopedia of Russian and Soviet literature / Ed. by Weber Harry V.– Gulf Breeze: Acad. intern. press, 1977. – Vol. 1. – P. 32–36.
- Hagglund Rr.* A vision of unity: Adamovich in exile. – Ann Arbor: Ardis, 1985. – XII, 119 p.
- Kodzis B.* Георгий Адамович как литературный критик // Studia Rossica. – Warszawa, 1999. – 7. – S. 151–157.

АЙХЕНВАЛЬД Ю. И.

- Айхенвальд Ю.* Отцы и деды: Диалог через 70 лет / Вступ. ст. Дейча М. // Октябрь. – М., 1994. – № 5. – С. 114–166.
- Русское общество и евреи: Забытые и неопубликованные статьи Ю. Айхенвальда / Подгот. текста, предисл. и коммент. Рейтблата А. // Вестн. Еврейск. ун-та в Москве (М.; Иерусалим). – 1992. – № 1. – С. 134–150.
- Алексеев А. А.* Русские писатели и их «силуэты» // Genus poetarum. – Коломна, 1995. – С. 52–58.
- Алексеева Л. Ф.* Ю. Айхенвальд о Л. Леонове // Русская литературная классика XX века: В. Набоков, А. Платонов, Л. Леонов. – Саратов, 2000. – С. 208–216.

- Рейтблат А.* «Подколотный эстет» с мягкой душой и твердыми правилами: Юлий Айхенвальд на родине и в эмиграции // Евреи в культуре русского зарубежья: Сб. ст., публ., мемуаров и эссе / Сост. Пархомовский М. – Иерусалим, 1992. – Вып. 1. – С. 35–54.
- Троицкая Л. И.* Критерии оценки русских поэтов XIX века в критике Ю. И. Айхенвальда // Актуальные проблемы филологии и ее преподавания. – Саратов, 1996. – Ч.1. – С. 68–70.
- Rejtálat A.* Julij Ajchenval'd in Berlin // Russische emigration in Deutschland 1918 bis 1941. – Berlin, 1995. – S. 357–366.

АЛДАНОВ М. А.

- Алданов М.* Сочинения: В 6 кн. / Под общ. ред. Чернышева А. – М.: Новости, 1994–1996.
Кн. 6: Ульмская ночь; Литературные статьи. – 1996. – 608 с.

Bibliographie des œuvres de Mark Aldanov / Établie par D. et H. Cristesco; Sous la direction de Ossorguine T.; Introd. de Slonim M. – Paris: Institut d'études slaves, 1976. – XIII, 87 p. – (Sér. «Écrivains russes en France»; T. 39).

- М. А. Алданов – критик / Публ. и вступ. ст. Чернышева А. // Лиг. обозрение. – М., 1994. – № 7/8. – С. 47–77.

АМФИТЕАТРОВ А. В.

- Амфитеатров А. В.* Закат старого века: Романы, фельетоны, литературные заметки / Послел. и коммент. Красовского В. Е. – Кишинев: Литература артистикэ, 1989. – 671 с.

АНДРЕЕВ Л. Н.

- Андреев Л.* SOS. Дневник. Письма. Статьи и интервью. Воспоминания современников / Под ред. и со вступ. статьей Дэвиса Р., Хеллмана Б. – М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1994. – 610 с., илл.
- Андреев Л. Н.* «Верните Россию!» / Вступ. ст. Андреевой И. Г.; Коммент. Чувакова В. Н. – М.: Московский рабочий, 1994. – 268 с.

Леонид Николаевич Андреев: Библиография / ИМЛИ РАН. – М.: Наследие, 1995.

Вып. 1: Сочинения и письма / Сост. Чуваков В. Н. – 1995. – 231 с.

Вып. 2: Литература (1900–1919) / Сост. Чуваков В. Н. – 1998. – 607 с.

Вып. 2а: Аннотированный каталог Собрания рецензий Славянской библиотеки Хельсинкского университета / Сост. Козьменко М.В. – 2002. – 168 с.

- Беззубов В. И.* Леонид Андреев и традиции русского реализма. – Таллин: Ээсти раамат, 1984. – 335 с.

Руднев А. П. Леонид Андреев – публицист и литературно-художественный критик: Проблематика, стиль: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. Факультет журналистики. Каф. ист. рус. журналистики и лит. – М., 1988. – 22 с.

АНДРЕЕВ Н. Е.

Bibliography of the Works of N. E. Andreev / By Harrison W., Brancovan C. // Poetry, prose and public opinion: Aspects of Russia, 1850–1970 / Ed. Harrison W., Pyman A. – Letchworth, 1984. – P. 1–18.

Эстонские годы Н. Е. Андреева: Материалы к библиографии / Сост. Белобровцева И., Рогачевский А. // Диаспора: Новые материалы. – СПб.: Феникс, 2002. – Вып. 3 – С. 687–702.

БАЛЬМОНТ К. Д.

Бальмонт К.Д. Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма / Сост., авт. предисл. и коммент. Крейд В. – М.: Республика, 1992. – 448 с.

Михайлова М. В. Литературно-критические взгляды К. Д. Бальмонта // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. науч. тр. – Иваново: Иванов. гос. ун-т, 1993. – С. 24–34.

Седова Н. А. Эстетические основы критики К. Д. Бальмонта // Филол. штудии. – Иваново, 1995. – С. 57–65.

БАХТИН Н. М.

Бахтин Н. М. Из жизни идей: Статьи, эссе, диалоги / Сост. Федакин С.Р. – М.: Лабиринт, 1995. – 152 с.

Bachtin N. Lectures and essays: Selection from the unpublished writings. – Birmingham, 1963.

БЕМА А. Л.

Бем А. Л. Письма о литературе / Сост. Бубеникова М., Вахаловска Л. – Praha: Slovansky ustav; Euroslavica, 1996. – 367 с.

Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе / Сост. Бочарова С. Г.; Предисл. и комм. Бочарова С. Г., Сурат И. З. – М.: Языки славянск. культуры, 2001. – 448 с. (Studia philologica).

Alfréd Ljudvigovič Bém (1886–1945?): Bibliografie / Uspořádal a úvodní studii napsaly Bubeníková M., Vachalovská L. – Pr.: Nar. knihovna Ceske republiky, 1995. – 110, 13 s.

Alfréd Ljudvigovič Bém: Lit. pozůstalost / Zprac. Dandová M. – Pr.: Lit. archiv Památníku nár. písemnictví, 1985. – 31 s.

Эмигрантский период жизни и творчества Альфреда Людвиговича Бема: Каталог выставки в Лит.-мемориал. музее Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге / Подг. Бубеникова М., Тихомиров Б. – СПб.: Серебряный век, 1999. – 64 с.

Бубеникова М. И. Бунин в литературном наследии А. Бема // Центральная Россия и литература русского зарубежья (1917–1939). Исслед. и публ.: Мат. междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию присуждения И. А. Бунину Нобелевской премии. Орловск. гос. ун-т. 24–25 апр. 2003 г. – Орел: Вешние воды, 2003. – С.26–30.

Бубеникова М., Вахаловска Л. Русский подвижник в Праге // Бем А. Письма о литературе. – Praha: Slovanský ústav; Euroslavica, 1996. – С. 15–23.

Малевиц О. М. А. Л. Бем об «эмигрантской» и «советской» литературе // Факты и версии: Историко-культурологический альманах. Исслед. и мат. Кн. 3: Русское зарубежье: Политика, экономика, культура / Гл. ред. и сост. Жуков В. Ю. – СПб.: ИМИСП, 2002. – С. 109–118.

Сурат И., Бочаров С. Альфред Людвигович Бем // *Вопр. лит.* – М., 1991. – № 6. – С. 67–76.

БЕРБЕРОВА Н. Н.

Неизвестная Берберова: Роман, стихи, статьи. – СПб.: Лимбус пресс, 1998. – 285 с.

БИЦИЛЛИ П. М.

Бицилли П. М. Избранное: Историко-культурологические работы. Т. 1. / Подг. текстов, сост. и прим. Галчевой Т. Н., Петковой Г. Т., Манолакева Хр. П.; Вступ. ст. Галчевой Т. Н. – София: Изд-во на министерство на отбраната «Св. Георги Победоносец», Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. – 396 с.

Бицилли П. М. Избранные труды по филологии / Вступ. ст. Вомперского В.П.; Сост. и коммент. Вомперского В. П., Анненковой И. В. – М.: Наследие, 1996. – 709 с.

Бицилли П. М. Трагедия русской культуры: Исслед., ст., рец. / Сост., вступ. ст., коммент. Васильевой М. – М.: Русский путь, 2000. – 608 с.

Бицилли П. М. Статьи: История, культура, литература / Вступ. ст. Туниманова В. А. // *Рус. лит.* – 1990. – № 2. – С. 134–154.

Библиография трудов П. М. Бицилли / Сост. Анненкова И.В., Вомперский В. П. // Бицилли П. М. Избранные труды по филологии / Вступ. ст. Вомперского В. П.; Сост. и коммент. Вомперского В. П., Анненковой И. В. – М.: Наследие, 1996. – С. 673–692.

Анненкова И. В. Эссеистика П. М. Бицилли // *Рус. речь.* – М., 1994. – № 1. – С. 29–32; 1994. – № 2. – С. 35–38.

- Бирман М. А.* П. М. Бицилли (1879–1953) // Славяноведение. – М., 1997. – № 4. – С. 49–63.
- Волперский В. П.* П. М. Бицилли о творчестве Ивана Бунина // Рус. речь. – М., 1995. – № 6. – С. 46–47.
- Волперский В. П.* Петр Михайлович Бицилли. Жизненный и творческий путь // Бицилли П. М. Избранные труды по филологии. – М., 1996. – С. 6–21.
- Журавлев В. К.* Петр Михайлович Бицилли: Возвращение из забвения // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1997. – Т.56, № 2. – С. 64–68.
- Каганович Б. С.* П. М. Бицилли как историк культуры // Одиссей: Человек в истории. 1993. Образ «другого» в культуре. – М., 1994. – С. 256–271.
- Федякин С. Р.* Петр Бицилли о творчестве Тэффи // Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. – М., 1999. – С. 159–164.

БУЛГАКОВ С. Н.

- Чернова М. С.* Литературно-критическая деятельность С. Н. Булгакова: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 1996. – 167 с.

БУНИН И. А.

- Бунин И. Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред: Мясникова А. С. и др. – М.: Худож. лит., 1965–1967.
- Т. 9: Освобождение Толстого; О Чехове; Избранные биографические материалы, воспоминания, статьи / Подг. текста и прим. Михайлова О. Н. – 1967. – 622 с.
- Бунин И.* Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. Михайлова О. Н.; Вступ. ст. Михайлова О. Н.; Коммент. Морозова С.Н., Николаева Д. Д., Трубиловой Е.М. – М.: Наследие, 1998. – 640 с.
- Бунин И.* Великий дурман / Сост., вступ. ст. и примеч. Василевской О. Б. – М.: Совершенно секретно, 1997. – 352 с.
- Бунин И.* Окаянные дни; Воспоминания; Статьи / Сост., предисл. и коммент. Бабореко А. К. – М.: Сов. писатель, 1990. – 416 с.

- Иван Алексеевич Бунин: Краткий библиографический указатель: В 2 ч. / Белгород. гос. пед. ун-т. Каф. рус. лит. XX в.; Подг. Благасова Г. М.. – Белгород, 1995–1999.

Ч. 1: 1954–1974. – 1995. – 23 с.

Ч. 2: 1975–1998. – 1999. – 90 с.

- «Лишь слову жизнь дана...»: (К 120-летию со дня рождения И. А. Бунина). – М.: 1991. – 45 с.; 2-е изд., доп.: «Лишь слову жизнь дана...»: (К 125-летию со дня рождения И. А. Бунина). Рекоменд. библиогр. указ. / Рос. гос. юнош. б-ка, Ассоц. «Бунинское на-

следие»; Сост. Хакимова Г. А., Морозов С. Н.; Ред. Кульбачук В.Р. – М.: 1995. – 58 с., портр.

- Бабореко А.* Дороги и звоны: Воспоминания. Письма. – М.: Моск. рабочий; Скифы, 1993. – 224 с.
- Блаасова Г.М.* Иван Бунин: Жизнь. Творчество. Проблемы метода и поэтики. – Белгород, 1997. – 161 с.; 2-е изд., перераб. и доп.: М.; Белгород, 2001. – 232 с.
- Зайцев К. И.* И. А. Бунин: Жизнь и творчество. – Париж: Парабола, <1934>.
- Мальцев Ю.* Бунин: 1870–1953. – Франкфурт-на-Майне; М.: Посев, 1994. – 432 с.
- Михайлов О. Н.* Жизнь Бунина: «Лишь слову жизнь дана...». – М.: Центрполиграф, 2001. – 491 с. – (Бессмертные имена).
- Морозов С. Н.* И. А. Бунин – литературный критик // И. А. Бунин и русская литература XX века. – М.: Наследие, 1995. – С. 72–78.
- Морозов С. Н.* И. А. Бунин – литературный критик: Дис. канд. филол. наук: 10.01.01 / ИМЛИ РАН. – М., 2002. – 207 с.
- Роцин М. М.* Иван Бунин. – М.: Молодая гвардия, 2000. – 329 [7] с.: ил. – (ЖЗЛ. Вып. 789).
- Смирнова Л. А.* Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество. Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1991. – 192 с., ил.
- Cieslik K.* Ivan Bunin (1870–1953). – Szczecin, 1998.
- Connolly J. W.* Ivan Bunin. – Boston: Twayne publ., 1982. – 159 p.
- Klover S.* Farbe, Licht und Glanz als dichterische ausdrucksmitel in der lyrik Ivan Bunin's. – München, 1992.
- Krzyzyski S.* The Works of Ivan Bunin. – The Hague; Paris: Den Haag, 1971.
- Nicolesku T.* Ivan Bunin. – Bukuresti, 1971.
- Raslovleff M.* Ivan Bounine (1870–1953). – Paris, 1987. – 203 p.

ВЕЙДЛЕ В. В.

- Вейдле В.* О поэтах и поэзии. – Париж, 1973.
- Вейдле В.* Умирание искусства / Сост. Толмачева М. В. – М.: Республика, 2001. – 447 с. – (Прошлое и настоящее).
- Вейдле В.* Умирание искусства: Размышления о судьбе литературного и художественного творчества / Предисл., подг. текста и примеч. Доронченкова И. А. – СПб.: Аxioma, 1996. – 332 с. – (Классика искусствозн.).
- Вейдле В.В.* Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства / Сост., коммент. и послесл. Доронченкова И. А. – М.: Языки славян. культуры, 2002. – 456 с. – (Studia philologica).

Артановский С. Н. Люди эмиграции: Владимир Вейдле // Наука и культура русского зарубежья. – СПб., 1997. – С. 50–55.

Некрасов А. П. Философско-эстетические воззрения В. В. Вейдле: Автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.03. – М., 2000. – 18 с.

Толмачев В. М. Поэт и поэзия в литературной критике В. Вейдле // Социал. и гуманитар. науки. Зарубеж. лит.: Реф. журн. Сер. 7. Литературоведение. – М., 1995. – № 4. – С. 73–89.

Aucouturier M. Поэт и критик: Борис Пастернак и Владимир Вейдле // *Revue des études slaves*. – Paris, 1998. – Vol. 70, fasc 3. – P. 685–697.

ГАЗДАНОВ Г.

Газданов Г. Литературно-критические статьи / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Николенко Ст. // *Вопр. лит.* – М., 1993. – № 3. – С. 302–321.

Bibliographie des œuvres de Gaito Gazdanov / Établie par Dienes L. – P.: Inst. d'études slaves, 1982. – 64 p. – (Sér. «Écrivains russes en France»; T. 62).

Библиография Гайто Газданова // Гайто Газданов и мировая культура: Сб. науч. ст. – Калининград, 2000. – С. 202–234.

Никоненко Ст. Секрет Газданова // *Лит. учеба*. – М., 1996. – № 5/6. – С. 83–88.

Федякин С.Р. Газданов (1903–1971) // *Литература русского зарубежья, 1920–1940*. – М., 1999. – Вып.2. – С. 214–232.

Хаданова Ф. «Держался он вызывающе...»: Г. Газданов – литературный критик // *Лит. обозрение*. – 1994. – № 9/10. – С. 92–95.

Цховребов Н.Д. Гайто Газданов: Очерк жизни и творчества. – Владикавказ, 1998.

Dienes L. Russian literature in exile: The life and work of Gaito Gazdanov. – München, 1982. – Рус. пер.: Диенеш Л. Гайто Газданов: Жизнь и творчество / Пер. с англ. Салбиева Т. К. – Владикавказ, 1995. – 303 с.

ГИППИУС З. Н.

Гиппиус З. Н. Мечты и кошмар: Неизвестная проза 1920–1925 годов / Сост., вступ. ст. и комм. Николокина А.Н. – СПб.: Изд-во Росток, 2002. – 560 с. – (Неизвестный XX в.).

Гиппиус З. Н. Чего не было и что было: Неизвестная проза 1926–1930 годов / Сост., вступ. ст. и коммент. Николокина А. Н. – СПб.: Изд-во Росток, 2002. – 592 с. – (Неизвестный XX в.).

Гиппиус З. Н. Арифметика любви: Неизвестная проза 1931–1939 годов / Сост., вступ. ст. и коммент. Николокина А. Н. – СПб.: Изд-во Росток, 2003. – 640 с. – (Неизвестный XX в.).

Bibliographie des œuvres de Zénaïde Hippus / Établie par Barda A. — P.: Inst. d'études slaves, 1975. — (Sér. «Écrivains russes en France»; Т. 38).

Лейкина Я. В. Творчество З. Н. Гиппиус: Материалы к библиографии. — <Смоленск>, 1998. — 84 с.

Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945): Библиогр. мат. / РГБ; Авт.-сост. Бавин С. П. — М.: РГБ, 1995. — 66 с.

Нартыев Н. Н. З. Н. Гиппиус — критик (по материалам «Литературного дневника» Антона Крайнего) // Вест. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Филология. — Волгоград, 1998. — Вып. 3. — С. 96–100.

Николюкин А. Н. «Современные записки» под критическим взглядом З. Гиппиус // Социал. и гуманит. науки: Отечеств. лит.: Реф. журн. Сер. 7: Литературоведение. — М., 1995. — № 4. — С. 102–111.

Ревакина И. А. Антон Крайний против М. Горького: Эпизод литературной дискуссии 1924 года // Зинаида Николаевна Гиппиус: Новые мат. Исслед. / Ред.-сост. Королева Н. В. — М.: ИМЛИ РАН, 2002. — С. 320–334.

Pachmuss T. Zinaida Hippus: An intellectual profile. — L.; Amsterdam, 1971.

Pachmuss T. Zinaida Hippus as a literary critic with a particular reference to Maksim Gor'kij // Canad. Slavonic papers. — Toronto, 1965. — № 7. — P. 127–142.

ГОМОЛИЦКИЙ Л. Н.

Гомолицкий Л. Арион: О новой зарубежной поэзии. — Париж: Дом книги, 1929. — 62 с.

Rzymowski J. Erynie historii człowieka. O pisarstwie Leona Gomolickiego. — Łódź, 1973.

Kulczycka-Saloni J. Przedwojenne i powojenne pisarstwo Leona Gomolickiego // Przegląd humanistyczny. — Warszawa, 1995. — R. 39, № 4. — S. 47–57

ГУЛЬ Р. Б.

Гуль Р. Одвуконь: Советская и эмигрантская литература. — Нью-Йорк: Мост, 1973.

Гуль Р. Одвуконь 2: Статьи. — Нью-Йорк: Мост, 1982.

Померанцева Е. С. «Россия... в памяти души и сердца»: (О творчестве Романа Гуля) // Рус. лит. зарубежье. — М., 1993. — Вып. 2. — С. 108–124.

Горелов П. «Я верю...»: О литературно-критическом наследии Романа Гуля // Кубань — Краснодар, 1989. — № 6. — С. 64–66.

ЗАЙЦЕВ Б. К.

Зайцев Б. К. Собрание сочинений: В 5 т. / Вступ. ст., сост. и прим. Прокопов Т. Ф. – М.: Рус. книга, 1999–2001.

Т. 5. Жизнь Тургенева: Романы-биографии. Лит. очерки. – 1999. – 544 с.

Т. 6 (доп.). Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – 1999. – 553 с.

Т. 9 (доп.): Дни: Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – 2000. – 560 с.

Т. 10 (доп.): Письма: 1901–1922 гг.: Письма. Статьи. Рецензии. – 2001. – 384 с.

Т. 11 (доп.): Письма: 1923–1971 гг.: Письма. Статьи. Воспоминания современников. – 2001. – 512 с.

Bibliographie des œuvres de Boris Zaitzev / Établie par Guerra R.; Introduction de Weidle W.. – Paris: Institut d'études slaves, 1982. – 168 p., ill. – (Série «Écrivains russes en France»; Т. 58).

Б. К. Зайцев. Биобиблиографический указатель / Централизов. библиотечная система г. Калуги; Сост.: Дьяченко В. А.; Вступ. ст. Черникова А. П. – Калуга: Полиграф-Информ, 2001. – 83 с.

Кашиур О. А. Жанр литературного портрета в творчестве Б. К. Зайцева: Автореф. дис ... канд. филол. наук. / Моск. пед. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – М., 1995. – 16 с.

Шиляева А. Борис Зайцев и его беллетризованные биографии. – Нью-Йорк, 1971.

Яркова А. В. И. С. Тургенев в творческом сознании Б. К. Зайцева: Автореф. дис... канд. филол. наук / ИРЛИ РАН. – СПб., 1999. – 22 с.

ЗАМЯТИН Е.

Замятин Е. Сочинения: В 4 т. – München: A. Neimanis Buchvertrieb und Verlag, 1970–1988.

Т. 4: Проза; Киносценарии; Лекции; Рецензии; Литературная публицистика; Статьи на разные темы / Под ред. Жиглевич Е. и Филиппова Б. при участии Тюрина А.; Вступ. ст. Филиппова Б. – 1988. – 603 с.

Замятин Е. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / Сост. и коммент. Галушкина А. Ю.; Подгот. текста Галушкина А. Ю., Любимовой М. Ю. – М.: Наследие, 1999. – 359 с.

Е. И. Замятин: Материалы к библиографии / Тамбовск. гос. ун-т. Каф. ист. рус. лит.; Сост. Буюнова Г. Б., Косякова С. А. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1997–2000.

Ч. 1. – 1997. – 56 с.

Ч. 2. – 2000. – 51 с.

Евгений Иванович Замятин: 1884–1937: Каталог выставки / Сост. Дмитриев П. В. и др. – СПб.: РНБ, 1997. – 36 с.

- Бирюкова И. В.* Стилистическое своеобразие публицистики Е. И. Замятина: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 242 с.
- Давыдова Т. Т.* Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы первой трети XX века. – М.: Изд-во МГУП, 2000. – 363 с.
- Scheffler L.* Evgenij Zamyatin: Sein Weltbild und seine literarische Thematik. – Köln; Wien, 1984.
- Shane A. M.* The life and works of Evgenij Zamyatin. – N. Y., 1968.

ИВАНОВ В. И.

- Иванов Вяч.* Собрание сочинений / Под ред. Иванова Д. В. и Дешарт О. с введ. и примеч. Дешарт О. – Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987.
- Т. 1. – 1971. – 872 с.
- Т. 2. – 1974. – 852 с.
- Т. 3. – 1979. – 896 с.
- Т. 4. – 1987. – 800 с.
- Иванов Вяч.* Родное и вселенское / Сост., вступ. ст. и прим. Толмачева В.М. – М.: Республика, 1994. – 428 с. – (Мыслители XX в.).
- Иванов Вяч.* Лик и личины России: Эстетика и литературная теория. – М.: Искусство, 1995. – 668 с. – (История эстетики в памятниках и док.).
- Иванов Вяч.* Предчувствия и предвестия / Сост., подгот. текста и коммент. Стахорской С. В.. – М.: ГИТИС, 1991. – 125 с.
- Viacheslav Ivanov: A ref. guide / By Davidson P. – N. Y.: Hall and C^o; L. etc: Prentice-Hall, 1996. – XLII, 382 p.

- Аверинцев С. С.* «Скворещниц вольных граждан...» Вячеслав Иванов: Путь поэта между мирами. – СПб.: Алетейя, 2001. – 167 с.
- Масленников И. О.* Философия культуры Вячеслава Иванова. – Тверь, 1999.
- Davidson P.* The poetic imagination of V. Ivanov: A Russian symbolist's perception Dante. – Cambridge, 1989.
- Vyačeslav Ivanov: russischer Dichter – europäischer Kulturphilosoph.* – Heidelberg, 1993.
- Vyacheslav Ivanov: Poet, critic and philosopher / Ed. by Jakobson R. L., Nelson L., jr.* – New Haven, 1986.

ИВАНОВ Г. В.

- Иванов Г.* Собрание сочинений: В 3 т. / Сост., подг. текста, вст. ст. Витковского Е. В.. Коммент. Мосешвили Г. И. – М.: Согласие, 1994.
- Т. 3: Мемуары. Литературная критика. – 720 с.

Смирнов В. П. «Провидение вкуса»: Георгий Иванов – критик // Лепта. – М., 1993. – № 2. – С.68–96.

ИЛЬИН И. А.

Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. / Сост. вступ. ст. и коммент. Лисицы Ю. – М.: Рус. книга, 1993–2000.

Т. 6. Кн. 1. – 1996. – 560 с.

Т. 6. Кн. 2. – 1996. – 672 с.

Т. 6. Кн. 3. – 1997. – 558 с.

Ильин И. А. Одинокий художник: Статьи, речи, лекции / Сост., предисл., примеч. Белова В. И. – М.: Искусство, 1993. – 347 с. – (История эстетики в памятниках и док.).

Молодяков В. Свет во тьме // Ильин И. О тьме и просветлении: Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелев. – М.: Скифы, 1991. – С. 200–207.

Паламарчук П. Иван Ильин – критик // Моск. вестник. – М., 1990. – № 1. – С. 246–255.

Полторацкий Н. П. Иван Александрович Ильин. – Тенафу, 1989.

Полторацкий Н. Русские зарубежные писатели в литературно-философской критике И. А. Ильина // Русская литература в эмиграции: Сб. ст. под ред. Полторацкого Н.П. – Питтсбург, 1972. – С. 271–287.

Скотникова Г. В. И. А. Ильин как литературно-философский критик // Наука и культура русского зарубежья. – СПб., 1997. – С. 93–100.

Сохряков Ю. И. И. А. Ильин как литературный критик // «Наши задачи» Ивана Ильина и наши задачи: Мат. конф. – М., 1995. – С. 60–74.

Сохряков Ю. И. И. А. Ильин как литературный критик // Грани. – М., 1995. – № 177. – С. 282–302.

Сохряков Ю. И. И. А. Ильин как литературный критик // Русская литературная критика серебряного века: Тез. док. и сообщ. международ. конф. 7–9 окт. 1996 г. / Отв. ред. Исаев С. Г. – Новгород: Новгород. гос. ун-т, 1996. – С. 62–65.

Сохряков Ю. И. И. А. Ильин как литературный критик // Русская литературная критика серебряного века. – Новгород, 1996. – С. 62–65.

Сохряков Ю. И. И. А. Ильин как литературный критик // Лит. в школе. – М., 2000. – № 4. – С. 48–54.

Сохряков Ю. И. И. А. Ильин как мыслитель и литературный критик // Лит. в школе. – М., 1996. – № 1. – С. 36–41.

Тарасова М. Р. И. А. Ильин как литературный критик: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 1999. – 241 с.

Шиповских И. С. И. А. Ильин о критериях художественности // Русская литературная критика серебряного века. – Новгород, 1996. – С. 65–68.

КНУТ Д.

Кнут Д. Собрание сочинений в двух томах / Сост. и комм. Хазана В.; Вступ. ст. Сегала Д. – Иерусалим, 1997–1998. – (New Russian-Jewish studies. Vol. 1).

Т. 1. – 1997. – 417 с.

Т. 2. – 1998. – 719 с.

Хазан В. Довид Кнут: Судьба и творчество. – Lyon: Centre d'Études Slaves André Lirondelle; Université Jean-Moulin, <2000>. – 210 с. – (Specimina Slavica Lugdunensia. II).

КУПРИН А. И.

Куприн А. И. Голос оттуда: 1919–1934. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Фельетоны. Статьи. Литературные портреты. Некрологи. Заметки / Сост., вступ. ст., примеч. Фигурновой О. С. – М.: Согласие, 1999. – 736 с.

Куприн А. И. Мы, русские беженцы, в Финляндии...: Публицистика (1919-1921) / Сост., вступ. ст. и коммент. Хеллмана Б. при участии Дэвиса Р. – СПб.: Нева, 2001. – 431 с.

Александр Иванович Куприн, 1870-1938: Библиогр. и метод. материалы для б-к к 100-летию со дня рождения писателя / Сост. Сахарова Е. М. – М.: ГБЛ, 1970. – 43 с.

Всероссийский гатчинский житель: Биобиблиогр. указ. лит.: К 120-летию со дня рождения А. И. Куприна / Сост. Юронен Н. В. – Гатчина, 1990. – 44 с.

Ефименко Л. Н. «Душа народа»: Проблема национального характера в литературной критике и публицистике А. И. Куприна // Филол. вестн. Ростовск. ун-та. – 2002. – № 2. – С. 11–19.

Дынник А. А. И. Куприн: Очерк жизни и творчества. – East Lansing, 1969.

Михайлов О. Н. Жизнь Куприна. – М.: Центрполиграф, 2001.

Михайлов О. Н. Куприн. – М., 1997. – 411 с.

Юркина Л. Н. Поэтика А. И. Куприна. – Сыктывкар, 1997.

Luker J. L. N. Alexandr Kuprin. – Boston: Twayne publishers, G. K. Hall, 1978. – 171 p.

Baranski Z. Aleksander Kuprin o wartosciach literackich // Acta Univ. wratislaviensis. – Wrocław, 1991. – N 1239. Slavica wratislaviensia, N 64. – S. 13–21.

ЛУКАШ И. С.

Лукаш И. Со старинной полки / Сост. и вступ. ст. А. Н. Богословского. – Париж; М.: YMCA-Press; Христианское издательство, 1995.

МАКОВСКИЙ С. К.

Маковский С. К. Портреты современников; На Парнасе «Серебряного века»; Художественная критика; Стихи / Сост., коммент., послесл. Домогацкой Е. Г. — М.: Аграф, 2000. — 768 с.

МАРКОВ В. Ф.

Марков В. Ф. О свободе в поэзии: Статьи, эссе, разное / Сост. Белодубровский Е. — СПб.: Изд. Чернышева, 1994. — 368 с.

Vladimir Markov: Selected Bibliography // Readings in Russian modernism. To honor Vladimir Fedorovich Markov / Edited by Vroon R., Malmstad J.E. — M.: Nauka. Oriental literature publishers, 1993. — P. 400–405.

Линник Ю. Владимир Марков: (Наброски к портрету) // Марков В. Ф. О свободе в поэзии. — СПб., 1994. — С. 5–25.

МЕЙЕР Г. А.

Чванов М. А. Георгий Андреевич Мейер // Аксаковский сборник. — Уфа, 1998. — <Вып.>2. — С. 151–153.

МЕРЕЖКОВСКИЙ Д. С.

Мережковский Д. С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., коммент. Коростелева О. А. и Николюкина А. Н.; послесл. Коростелева О. А. — СПб.: РХГИ, 2001. — 656 с. — (Из архива рус. эмиграции).

Мережковский Д. С. Полное энциклопедическое собрание сочинений / Электронная книга: CD-ROM. — М.: Адепт; ИДДК ГРУПП, 2003.

Баран Х. Мережковский и журнал-газета «Меч» // Д. С. Мережковский: Мысль и слово. — М.: Наследие, 1999. — С. 178–197.

Галич Л. Мережковский, как критик // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1951. — 9 сент. — № 14381. — С. 8.

Кабакова Е. Г. Динамика текстопорождения в критике Д.С. Мережковского: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. — Екатеринбург, 2001. — 242 с.

Коростелев О. А. «Россия без свободы для меня невозможна...» (Статьи Мережковского эмигрантского периода) // Мережковский Д. С. Царство Антихриста: Ст. периода эмигр. / Сост., коммент. Коростелева О. А., Николюкина А. Н.; послесл. Коростелева О. А. — СПб.: РХГИ, 2001. — С. 560–582; то же под названием: Мережковский в эмиграции // Литературовед. журн. — М., 2001. — № 15. — С. 3–17.

- Кричевская Ю. Р.* Черты критического метода Д. С. Мережковского // Русская литературная критика серебряного века: Тез. докл. и сообщ. межд. конф. 7–9 окт. 1996 г. / Отв. ред. Исаев С. Г. – Новгород: Новгород. гос. ун-т, 1996. – С. 71–73.
- Кулишова О. В.* «Живо сердце России» (Мережковский-критик в эмиграции) // Литературовед. журн. – М., 2001. – № 15. – С. 100–107.
- Сарычев Я. В.* «Субъективная критика» в системе теоретических и художественных исканий Д. С. Мережковского // Русская литературная критика серебряного века: Тез. докл. и сообщ. междунар. конф. 7–9 окт. 1996 г. / Отв. ред. Исаев С. Г. – Новгород: Новгород. гос. ун-т, 1996. – С. 73–77.
- Флорова Л. Н.* Проблема творчества Д. С. Мережковского. – М.: Изд-во МГОПУ, 1996. – 115 с.
- Хрисанфов В. Н.* Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус: Из жизни в эмиграции. – СПб., 2001.
- Чепкасов А. В.* Особенности «субъективной критики» Д. С. Мережковского (миф о Лермонтове – поэте сверхчеловечества) // Вестник Томск. пед. ин-та, 2000. – Вып. 6. – С. 30–35.
- Bedford C. H.* The Seeker D. S. Merezhkovsky. – Lawrence: The Univ. press of Kansas, 1979.
- Spengler U. D.* S. Merezhkovskij als Literaturkritiker. Versuch einer religiösen Begründung der Kunst. Berne: Peter Lang SA, Editions scientifiques européennes, 1972. – 180 S. (Slavica Helvetica. Band 2).

МОЧУЛЬСКИЙ К. В.

- Мочульский К. В.* Александр Блок. Андрей Белый. Валерий Брюсов / Сост., авт. предисл. и коммент. Крейд В. – М.: Республика, 1997. – 479 с. – (Прошлое и наст.).
- Мочульский К. В.* Великие русские писатели XIX в. / Предисл. Магаротто Л. – СПб.: Алетейя, 1999, 2000, 2001. – 160 с.
- Мочульский К. В.* Гоголь. Соловьёв. Достоевский / Сост., авт. предисл. и коммент. Крейд В. – М.: Республика, 1995. – 604 с. – (Прошлое и наст.).
- Мочульский К. В.* Кризис воображения: Статьи; Эссе; Портреты / Сост., предисл. и коммент. Федякина С. Р. – Томск: Водолей, 1999. – 416 с.
- Федякин С. Р.* К. В. Мочульский о неоклассицизме в русской поэзии // Рос. литературовед. журн. – М., 1994. – № 4. – С. 90–94; то же: Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940: В 2 кн. – М., 1994. – Кн. 2. – С. 129–134.
- Федякин С. Р.* Константин Мочульский о Ремизове и о других // Лит. учеба. – М., 1998. – № 1. – С. 167–170.
- Федякин С. Р.* Творчество Константина Мочульского // Мочульский К. В. Кризис воображения. – Томск: Водолей, 1999. – С. 3–20.

МУРАТОВ П. П.

Муратов П. П. Ночные мысли: Эссе, очерки, статьи 1923–1934 / Сост. Соловьев Ю. П. – М.: Прогресс, 2000. – 320 с.

Библиография П. П. Муратова / Сост. Патриция Деотто // Русско-итальянский архив. Салерно, 2002. – Т. 2. – С. 365–394.

Соловьев Ю. П. Публицистика Павла Муратова. Идеи и стиль: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Лит. ин-т им. А. М. Горького. – М., 1999. – 16 с.

НАБОКОВ В. В.

Набоков В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. / Сост. Артеменко-Толстой Н. И. – СПб.: Симпозиум, 1999–2000.

Т. 1. 1918–1925: Рассказы; Николка Персик; Аня в Стране чудес; Стихотворения; Драматические произведения; Эссе; Рецензии / Предисл. Долинина А. А.; Примеч. Маликовой М. Э. – 1999. – 825 с.

Т. 2. 1926–1930: Машенька; Король, дама, валет; Защита Лужина; Рассказы; Стихотворения; Драма; Эссе; Рецензии / Предисл. Долинина А. А. Примеч. Маликовой М. Э., Полищук В. Б., Сконачной О. В., Левинга Ю., Тименчика Р. Д. – 1999. – 783 с.

Т. 3. 1930–1934: Соглядатай; Подвиг; Камера обскура; Отчаяние; Рассказы; Стихотворения; Эссе; Рецензии / Предисл. Долинина А. А. Примеч. Долинина А. А., Левинга Ю., Маликовой М. Э., Сконачной О. В., Тименчика Р. Д., Утгофа Г. М., Яновского А. Д. – 2000. – 840 с.

Т. 4. 1935–1937: Приглашение на казнь; Дар; Рассказы; Эссе / Предисл. Долинина А. А. Примеч. Сконачной О. В., Долинина А. А., Левинга Ю., Глушанок Г. Б. – 2000. – 781 с.

Т. 5. 1938–1977: Волшебник; Solus Rex; Другие берега; Рассказы; Стихотворения; Драматические произведения; Эссе; Рецензии / Предисл. Долинина А. А.; Примеч. Левинга Ю., Долинина А. А., Маликовой М. Э., Сконачной О. В., Бабикова А. А., Глушанок Г. Б. – 2000. – 832 с.

Набоков В. Энциклопедическое собрание сочинений / Электронная книга: CD-ROM. – М.: Адепт; ИДДК ГРУПП, 2003.

Набоков В. В. Комментарий к «Евгению Онегину» Александра Пушкина = A Novel in Verse by Alexander Pushkin. Пер. с англ. / Под ред. Николокина А. Н. – М.: Интелвак, 1999. – 1008 с.

Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Вступ. ст. Старка В. П., ред. пер. Жутовской Н. М. – СПб.: Искусство-СПБ; Набоковский фонд, 1998. – 928 с.

Nabokov V. Lectures on literature / Ed. by Bowers F.; Introd. by Updike J. – N. Y.; L.: Harcourt Brace Jovanovich / Bruscoli Clark, 1980; рус. пер.: *Набоков В.* Лекции по зарубежной ли-

- тературе / Под общ. ред. Харитоновой В. А.; предисл. Битова А. Г. — М.: Независимая газ., 1998. — 512 с., портр. — (Литературоведение).
- Nabokov V. Lectures on Russian literature* / Ed. with an introd. by Bowers F. — N. Y.; L.: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark, 1981; рус. пер.: *Набоков В. Лекции по русской литературе* / Пер. с англ. Курт А.; Предисл. Толстого И. — М.: Независимая газ., 1996. — 440 с.
- Nabokov V. Lectures on Don Quixote* / Ed. by Bowers F.; Introd. by Davenport G. — N. Y.; L.: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark, 1983.
- Nabokov V. Lectures on Ulisses.* — Bloomfield Hills (Mich.); Columbia (S. C.): Bruccoli Clark, 1980.
- Набоков о Набокове: Интервью, рецензии, эссе / Сост., предисл., коммент. Мельникова Н. Г. — М.: Независимая газ., 2002. — 704 с., ил. — (Эссеистика).
- Набоков В. Рассказы; Приглашение на казнь: Роман; Эссе, интервью, рецензии* / Сост. и прим. Долинина А. А., Тименчика Р. Д.; Последл. Долинина А. — М.: Книга, 1989.
- Vladimir Nabokov: A descriptive bibliography / Comp. by Juliar M. — N. Y.; L.: Garland, 1986. — 795 p.
- Vladimir Nabokov: A reference guide / Comp. by Schuman S. — Boston (Mass.): G. K. Hall, 1979. — 214 p.
- Vladimir Nabokov: Bibliographie des Gesamtwerks / Comp. by Zimmer D.E. — Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1963, 1964.
- Nabokov: A bibliography / Comp. by Field A. — N. Y.: McGraw-Hill, 1973.
- A Japanese bibliography of the works of Vladimir Nabokov / Comp. by Evans P. — Tokyo, 1985.
- В. В. Набоков: Указатель литературы, опубликованной на русском языке в СССР, России, странах СНГ и государствах Балтии / Авт.-сост. Мартынов Г. Г. — СПб.: Фолио-Пресс, 2001. — 496 с.
- В. В. Набоков: Библиогр. указ. лит. 1986–1992 / Сост. Юронен Н. В. — СПб., 1993.
- Updates to Vladimir Nabokov: A descriptive bibliography / Comp. by Juliar M. — <N. Y.>, 1990. — 110 p.
- Злочевская А. В. Влияние идей русской литературной критики XIX–XX вв. на эстетическую концепцию Владимира Набокова* // Филол. науки. — М., 2001. — № 3. — С. 3–12.
- Мельников Н. «До последней капли чернил...» (Владимир Набоков и «Числа») // Лит. обозрение.* — М., 1996. — № 2. — С. 73–82.
- Таркова И. В. Эстетическая позиция В. Набокова // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сотрудничество на рубеже веков: 1-я межд. науч.-практич. конф. — Владивосток, 1997.*

- Швабрин С. А.* Полемика Владимира Набокова и писателей «парижской ноты»: Опыт анализа // Проблема традиций в русской литературе. – Нижний Новгород, 1998. – С. 202–211; то же: Набоковский вестник. – Вып. 4. – СПб.: Дорн, 1999. – С. 34–41.
- Alexandrov V.* Nabokov's otherworld. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991; рус. пер.: *Александров В. Е.* Набоков и потусторонность: Метафизика, этика, эстетика / Пер. с англ. Анастасьева Н. А. – СПб.: Алетейя, 1999. – 312 с.
- Barabtarlo G.* Aerial view: Essays on Nabokov's art and metaphysics. – N. Y.: Peter Lang, 1993. – (American literature. Vol. 40).
- Blot J.* Nabokov. – P: Seuil, 1995; рус. пер.: *Бло Ж.* Набоков / Пер. с фр. Мельников В. М., Мельников Е.С.– СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1999. – 238 с.: ил. – (Русистика в мире).
- Boyd B.* Vladimir Nabokov: The Russian years. – Princeton: Princeton univ. press, 1990. – 607 p.; рус. пер.: *Бойд Б.* Владимир Набоков: Русские годы: Биография / Пер. с англ. Лапиной Г. – М.: Независимая газ.; СПб.: Симпозиум, 2001. – 695 с.: ил. – (Биогр.).
- Boyd B.* Vladimir Nabokov: The American years. – Princeton: Princeton univ. press, 1991. – 783 p.
- Aucouturier M.* Nabokov. – Lausanne, 1979.
- Davydov S.* «Teksty-matřeški» Vladimira Nabokova. – München: Zagner, 1982. – 252 S. – (Slavistische Beiträge; B. 152).
- Field A.* Vladimir Nabokov: His life in art. – Boston: Little Brown, 1967.
- Field A.* Vladimir Nabokov: His life in art. – N. Y: Viking books, 1977.
- Field A.* Vladimir Nabokov: The life and art. – N. Y.: Crown, 1986. – 417 p.; idem: L.: Queen Ann press, 1987. – 417 p.
- Lee L. L.* Vladimir Nabokov. – Boston: Twayne publ., 1976. – 168 p.
- Morton D.* Vladimir Nabokov. – N. Y.: Ungar, 1974. – 164 p.
- Moynahan J.* Vladimir Nabokov. – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 1971.
- Ross Ch. S.* Vladimir Nabokov: Life, work and criticism. – N. Y.:York press, 1985.
- Stuart D.* Nabokov: The dimensions of parody. – Baton Rouge: Louisiana state univ. press, 1978.
- Tammi P.* Problems of Nabokov's poetics: A narratological analysis. – Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1985.

ОСОРГИН М. А.

- Осоргин М. А.* Заметки старого книгоеда / Сост., вступ. ст. и примеч. Ласунского О. Г. – М.: Книга, <1989>. – 288 с.
- Осоргин М.* Литературные размышления / Вступ., публ. и примеч. Ласунского О. // Вопр. лит. – М., 1991. – № 11/12. – С. 278–310.
- Осоргин М.* Литературные размышления / Вступ. заметка Ласунского О. // Альманах библиофила. – М., 1993. – Вып. 28. – С. 202–297.

Bibliographie des œuvres de Michel Ossorguine / Établie par Barmache N., et Ossorguine T. – P.: Inst. d'études slaves, 1973. – XVI, 211 p. – (Écrivains russes en France).

Ласунский О. Моя Осоргиниана // Библиогр. – М., 1997. – № 4. – С. 103–107.

Ласунский О. Под маской старого книгоеда // Осоргин М. А. Заметки старого книгоеда. – М., 1989. – С. 3–19.

Ласунский О. Г. Друг книги Михаил Осоргин // Сов. библиогр. – М., 1988. – № 1. – С. 69–71.

Марченко Т. В. Осоргин // Литература русского зарубежья: 1920–1940 <Вып.1> / Сост. и отв. ред. Михайлов О. Н. – М.: Наследие, 1993. – С. 286–320.

Попов В. В. М. А. Осоргин и И. Г. Эренбург // Рус. лит. – СПб., 1997. – № 2. – С. 203–224.

Попов В. В. М. Осоргин-рецензент: (Своеобразие отзывов о прозе И. Г. Эренбурга) // Русский литературный портрет и рецензия: Концепции и поэтика. – СПб., 2000. – С. 114–120.

ОЦУП Н. А.

Оцуп Н. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; Статьи и воспоминания / Сост., вст. ст. Аллена Л.; Коммент. Тименчика Р. – СПб.; Дюссельдорф: Логос; Голубой всадник, 1993, 1994. – 616 с. – (Лит. рус. зарубежья).

Оцуп Н. Николай Гумилев: Жизнь и творчество. – СПб.: Logos, 1995. – 198 с.

ПИЛЬСКИЙ П. М.

Абызов Ю. Петр Пильский: Опыт столичной и провинциальной биографии // Балтийский архив: Рус. культура в Прибалтике. – Таллинн: Авенариус, [1996]. – Т. I. – С. 189–201.

Амфитеатров А. Рыцарь художественной критики (К 30-летию литературной деятельности Петра Пильского) // Сегодня. – Рига, 1931. – 19 апр. – № 108.

Исмагулова Т. П. Пильский-критик и его «Школа журнализма» // История журналистики русского зарубежья XIX–XX веков: Тез. науч. конф. (нояб. 1997 г.). – СПб., 1997. – С. 41–42.

Кадашев В. Петр Пильский. К тридцатилетию литературной деятельности // Числа. – Париж, 1931. – № 5. – С. 267–269.

Курпин А. Петр Пильский: Тридцать лет литературной деятельности // Сегодня. – Рига, 1931. – 19 апр.

Меймре А. П. М. Пильский в Эстонии 1922–1927 гг. // Русская филология. – Тарту, 1996. – № 7. – С. 211–217; то же: Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. – Таллинн: Авенариус, [1996]. – Т. I. – С. 202–216.

Шмелев И. П. М. Пильский: К 30-летию литературной деятельности // Россия и славянство. — Париж, 1931. — 25 апр.

ПОПЛАВСКИЙ Б. Ю.

Поплавский Б. Неизданное: Дневники, статьи, стихи, письма / Сост. и коммент. Богословского А., Менегальдо Е. — М.: Христианское изд-во, 1996. — 512 с.

Menegaldo H. L'univers imaginaire de Boris Poplavski: Doctorat d'État. — P.: Nantière, 1981.

Буслакова Т. П. Б. Ю. Поплавский — литературный критик // Филол. науки. — М., 1998. — № 2. — С. 33–41.

РЖЕВСКИЙ Л. Д.

Коновалов А. А. Творческий путь Л. Д. Ржевского (Суражевского): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.01.01 / МПГУ. М., 2000. — 24 с.

Крейд В. Леонид Ржевский — литературовед и критик // Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения: Сб. науч. тр. — М., 2002. — С. 339–348.

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ Д. П.

Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Зернова Р. — L.: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. — 882 с.

Mirsky D. S. Uncollected writings on Russian literature / Ed. by Smith G. S. — Oakland: Berkeley Slavic specialties, 1989. — 406 p. — (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts; Vol. 13).

Мирский Д. С. Стихотворения. Статьи о русской поэзии / Comp. and ed. by Perkins G. K., Smith G. S., with an introd. by Smith G. S. — Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1997. — 298 p.

Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подгот. текстов, примеч. и вступ. ст. Перхина В. Н. — СПб.: Алетейя, 2002. — 380 с. — (Рус. зарубежье).

D. S. Mirsky: Profile critique et bibliographique / Établie par Lavroukine N., Tchertkov L.; Avec la collab. de Robert C.— P.: Inst. d'études slaves, 1980. — 110 p. — (Sér. «Écrivains russes en France»; T. 58).

Анастасьев Н. Присутствие критика // Мирский Д. П. Статьи о литературе. — М., 1987. — С. 3–19.

Лавров В. А. «Духовный озорник»: К портрету князя Д. П. Мирского, критика и историка литературы // Рус. лит. — СПб., 1994. — № 4. — С. 134–141; то же: Петербургский текст: Из истории

- русской литературы 20–30-х годов XX века / Под ред. Лаврова В. А. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – С. 136–147.
- Перхин В. В.* Короткая рецензия Д. П. Святополк-Мирского // Русский литературный портрет и рецензия в XX веке. – СПб., 2002. – С. 110–121.
- Перхин В. В.* О единстве русской литературной критики (1917–1937): По материалам наследия Д. П. Святополк-Мирского // Вест. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2: Ист., языковед., литературовед. – СПб., 1994. – Вып. 3. – С. 57–64.
- Перхин В. В.* О рецензиях Д. П. Святополк-Мирского в газете «Евразия» // Русский литературный портрет и рецензия: Концепции и поэтика. – СПб., 2000. – С. 100–105.
- Smith G. S. D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939.* – Oxford: Oxford univ. press, 2000. – 398 p.
- Smith G. S. Poet and critic* // Д. С. Мирский. Стихотворения. Статьи о русской поэзии / Comp. a. ed. by Perkins G.K., Smith G.S. – Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1997. – P. 9–15.
- Smith G. S. D. S. Mirsky, literary critic and historian* // Mirsky D. S. Uncollected writings on Russian literature. – Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1989. – P. 19–43.
- Смит Д.* Марина Цветаева и Д. Святополк-Мирский // Смит Д. Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. – М., 2002. – С. 265–281.

СЛЮНИМ М. Л.

- Малевич О.* Три жизни и три любви Марка Слонима // Евреи в культуре русского зарубежья: Ст. публ., мемуары и эссе / Сост. Пархомовский М. – Иерусалим, 1994. – Т. 3. – С. 73–100.

СТЕПУН Ф. А.

- Степун Ф. А.* Встречи / Сост. Стахорский С. В. – М.: Аграф, 1998. – 256 с. – (Путь к очевидности).
- Степун Ф. А.* Встречи и размышления: Избранные статьи / Под ред. Филиппова Б., со вступ. ст. Филиппова Б., Жиглевич Е. – Л.: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992.
- Степун Ф. А.* Портреты / Сост. и послесл. Ермичев А. А. – СПб.: РХГИ, 1999. – 440 с.
- Степун Ф. А.* Чаемая Россия / Сост. и послесл. Ермичев А. А. – СПб.: РХГИ, 1999. – 480 с. – (Из архива рус. эмиграции).
- Степун Ф. А.* Сочинения / Сост., вступ. ст., примеч. и библи. Кантора В.К. – М.: РОССПЭН, 2000. – 999 с.
- Кантор В. К.* Библиография Федора Степуна (1884–1965) // Вопр. философ. – М., 1999. – № 3. – С. 160–167.

- Сорокина И. И. Ф.* Степун: русская эмигрантская критика «первой волны» о детерминантах авторского сознания // *Кормановские чтения*. – Ижевск, 1995. – Вып. 2. – С. 243–250.
- Кантор В.* Артистическая эпоха и ее последствия: (По страницам Федора Степуна) // *Вопр. лит.* – М., 1997. – № 2. – С. 124–165.
- Филиппов Б.* Федор Августович Степун (19 февраля 1884 – 27 февраля 1965) // *Степун Ф.* Встречи и размышления: Избран. ст. / Под ред. Филиппова Б., со вступ. ст. Филиппова Б., Жиглевич Е. – Л.: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. – С. 5–11.

СТРУВЕ Г. П.

- Gleb Struve: A bibliography / Comp. by Hughes R. P.* // *California Slavic Studies*. – 1980. – Vol. 11. – P. 269–317.

- Трущенко Е. Ф.* Глеб Струве и литература русского зарубежья // *Русское литературное зарубежье*. – М., 1993. – Вып. 2. – С. 143–162.
- Лаппо-Данилевский К. Ю.* Глеб Струве – историк литературы // *Рус. лит.* – Л., 1990. – № 1. – С. 99–107.
- Ревякина А. А.* Периодические издания русского зарубежья и литературная критика в исследовании Г. П. Струве «Русская литература в изгнании» // *Обществ. науки в России: Реф. журн. Сер. 7: Литературовед.* – М., 1992. – № 5/6. – С. 41–63.

ТЕРАПИАНО Ю. К.

- Терапиано Ю. К.* Встречи: 1926–1971 / Вступ. ст., сост., подг. текста, коммент., указ. Юрченко Т. Г. – М.: Intrada, 2002. – 384 с.

УЛЬЯНОВ Н. И.

- Ульянов Н.* Диптих. – Нью-Йорк, 1967. – 228 с.
- Ульянов Н. И.* Литературные эссе / Вступ. заметка и сост. Кошелева В.А., Чернова А. В. // *Рус. лит.* – СПб., 1991. – № 2. – С. 68–103.
- Ульянов Н.* Скрипты. – Ann Arbor: Эрмитаж, 1981. – 230 с.

- Прозоров В. В.* Николай Иванович Ульянов – литературовед русского зарубежья // *Литературоведение на пороге XXI века*. – М., 1998. – С. 325–330.

ФЕДОТОВ Г. П.

- Федотов Г. П.* Собрание сочинений: В 12 т. / Сост., примеч. Бычков С.С. – М.: Мартис, 1996 (изд. продолжается, критич. ст. войдут также в т. 4, 6 и 9).
- Т. 1: Абеляр; Статьи 1911–1925 гг. – 1996. – 347 с.

Т. 2: Статьи 1920–30-х гг. из журналов «Путь», «Православная мысль» и «Вестник РХСД». – 1998. – 380 с.

Федотов Г. П. Полное собрание статей: В 6 т. / Предисл. Федотовой Е.Н. – Paris: YMCA-Press, 1967.

Т. 1: Лицо России: Статьи 1918–1930. – 1967. – XXXIII, 326 с. – 2-е изд.: 1988.

Т. 2: Россия, Европа и мы: Статьи 1931–1932. – 1973. – 320 с.

Т. 3: Тяжба о России: Статьи 1933–1936. – 1982. – 335 с.

Т. 4: Защита России: Статьи 1936–1940 из «Новой России». – 1988. – 312 с.

Федотов Г. П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. / Сост., вступ. ст., примеч. Бойкова В. Ф. – СПб.: София, 1992.

Т. 1. – 350 с.

Т. 2. – 348 с.

Библиография трудов Г. П. Федотова (1886–1951) / Сост. Федотова Е.Н. – Париж, 1956. – 15 с.

Рыбачук В. Б. Философия культуры Георгия Федотова. – Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та, 1996. – 124 с.

ФЕЛЬЗЕН Ю. (ФРЕЙДЕНШТЕЙН Н. Б.)

Ливак Л. Юрий Фельзен. Материалы к библиографии // From the Other Shore: Russian Writers Abroad: Past and Present (Toronto). – 2002. – Vol. 2. – P. 115–124.

ФИЛИППОВ Б.

Селиванова С. Д. Борис Филиппов как писатель и критик // Рос. литературовед. журн. – М., 1994. – № 4. – С. 129–133; то же: Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940: В 2 кн. – М., 1994. – Кн. 2. – С. 182–188.

ХОДАСЕВИЧ В. Ф.

Ходасевич В. Собрание сочинений: В 4 т. / Сост., подгот. текста и коммент. Андреевой И. П., Богатыревой С. И., Бочарова С. Г. и др. – М.: Согласие, 1996–1997.

Т. 1: Стихотворения; Литературная критика 1906–1922. – 1996. – 590 с.

Т. 2: Записная книжка; Статьи о русской поэзии; Литературная критика. 1922–1939. – 1996. – 576 с.

Т. 3: Проза; Державин; О Пушкине. – 1997. – 589 с.

Т. 4: Некрополь; Воспоминания; Письма. – 1997. – 744 с.

- Ходасевич В.* Пушкин и поэты его времени: В 3 т. / Под ред. Хьюза Р. – Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1999–2003. – (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts. Vol. 42–44).
- Т. 1: Статьи, рецензии, заметки 1913–1924 гг. – 1999. – 490 с.
- Т. 2: Статьи, рецензии, заметки 1925–1934 гг. – 2001. – 597 с.
- Ходасевич В.* Колблемый треножник: Избранное / Под общ. ред. Богомолова Н. А. – М.: Сов. писатель, 1991. – 688 с.
- Ходасевич В.* Книги и люди: Этюды о русской литературе / Сост. и авт. вступ. ст. Филин М. Д. – М.: Жизнь и мысль, 2002. – 479 с. – (Биб-ка МГПУ).
- Khodasevich: Selected bibliography // *Bethea D. M. Khodasevich: His life and art.* – Princeton: Princeton univ. press, 1983. – P. 353–368.
- Баранов С. В.* «Статьи о русской поэзии» В. Ф. Ходасевича: Проблема целостности // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 8, Литературовед. Журналистика. – Волгоград, 2001. – Вып. 1. – С. 51–57.
- Бочаров С. Г.* Ходасевич // Литература русского зарубежья: 1920–1940 <Вып. 1> / Сост. и отв. ред. Михайлов О. Н. – М.: Наследие, 1993. – С. 178–219.
- Долинский М., Шайтанов И.* Владислав Ходасевич и поэты «Перекрестка» // Арион. – 1994. – № 3. – С. 68–71.
- Кедровский А. Е. В. Ф. Ходасевич – критик И. А. Бунина* // Творчество И. А. Бунина и русская литература XIX–XX веков. – Белгород, 1998. – С. 91–95.
- Ливак Л.* Критическое хозяйство Владислава Ходасевича // Диаспора: Новые материалы. – СПб.: Феникс, 2002. – Вып. 4. – С. 391–456.
- Малышева Е. Г.* Идиостиль Владислава Ходасевича: Опыт когнитивно-языкового анализа: Дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 1997. – 231 с.
- Мальмстад Д. Э.* Ходасевич и формализм: Несогласие поэта // Русская литература XX века: Исследования американских ученых. – СПб.: Петро-РИФ, 1993. – С. 284–301.
- Перельмутер В.* Несколько слов о Ходасевиче-критике // Октябрь. – М., 1988. – № 6. – С. 201–202.
- Петровская Е. М.* Поэтика прозы В. Ф. Ходасевича: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. гуманит. ун-т. – М., 1998. – 22 с.
- Сурат И.* Пушкинист Владислав Ходасевич. – М.: Лабиринт, 1994. – 112 с.
- Ткаченко О. С.* Владислав Ходасевич о природе поэзии и «женских» стихах // Творчество Н. Гумилева и А. Ахматовой в контексте русской поэзии XX века. – Тверь, 2002. – С. 88–97.
- Толмачев В. М.* Владислав Ходасевич: Материалы к творческой биографии // Рос. литературовед. журн. – М., 1994. – № 5–6. – С. 143–154.

- Юсиф-заде Айгюн Фуад кызы.* Литературно-критическая и историко-биографическая проза В. Ходасевича: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. — М., 2001. — 165 с.
- Bethea D. Khodasevich: His life and art.* — Princeton: Princeton univ. press, 1983. — 380 p.
- Marchand J. J. Un maître russe de la poesie et de la critique // Quinzaine litteraire.* — P., 1992. — 1—15 avr. — № 598. — P. 22.

ЦВЕТАЕВА М. И.

Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подг. текста и коммент. Саакянц А. А., Мнухина Л. А. — М.: Эллис Лак, 1994—1995.

Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. — 1994. — 716 с.

Цветаева М. Энциклопедическое собрание сочинений / Электронная книга: CD-ROM. — М.: Адепт; ИДДК ГРУПП, 2003.

Bibliographie des œuvres de Marina Tsvétaeva / Établie par Gladkova T., Mnukhine L.; Intro. Lossky V. — P.: Inst. d'études slaves, 1982. — 360 p.; Deuxième édition entièrement et mise à jour: M.: Дом Марины Цветаевой; P.: Inst. d'Études Slaves, 1993. — 776 p. — (Sér. «Écrivains russes en France»; Т. 61).

Марина Цветаева: Библиогр. указ. лит. о жизни и деятельности. 1910—1941 гг. и 1942—1962 гг. / Сост. Мнухин Л. А.. — Wien, 1989 (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 23).

Марина Цветаева: Библиогр. указ. авторских книг, изданных на рус. и иностран. яз. с 1910 по 1997 г. / Сост. Сафронова Э. П. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. — 176 с. — (Сер. справоч. и библиогр. пособий; Вып. 1).

Kondrjakinová T., Nedbedova M., Vaneckova G. Marina Čvetaejevova a Praha: vyberova bibliogr. Mariny Čvetajevove v českem tisku s ur. studii a obrazovou prílohou. — Pr.: Statni knihovna ČSR, 1984. — 127 s.

Марина Ивановна Цветаева (1892—1941): Библиогр. очерк / Сост.. Семибратова И. В. — М.: РГБ, 1994. — 31 с.

Душа родилась крылатой: (К 100-летию со дня рождения М. И. Цветаевой): Рекоменд. библиогр. указ. / Сост. Бондаренко В. В.. — М., 1992. — 31 с.

Кудрова И. Марина Цветаева — рецензент поэтической книги: («Световой ливень» и «Поэт-альпинист») // Русский литературный портрет и рецензия: Концепции и поэтика. — СПб., 2000. — С. 106—114.

Тихомирова Е. В. Творчество М. Цветаевой в критике русского зарубежья: эпизод с «Благонамеренным» // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. науч. тр. — Иваново, 1993. — С. 190, 197—198.

- Мнухин Л.* Отношения [М. И. Цветаевой] с Г. В. Адамовичем // Марина Цветаева: Песнь жизни. Actes du colloque international de l'université Paris IV 19–25 octobre 1992 / Sous la direction d'Efim Etkind et de Lossky V. – Paris: YMCA-Press, 1996. – P. 59–76.
- Белкина М. И.* Скрещение судеб / Вступ. ст. Данина Д.. – М.: Книга, 1988. – 449 с. – (Писатели о писателях); 2-е изд.: М., 1992; 3-е изд., перераб. и доп.: М.: А и Б, 1999. – 352 с.
- Викулина Л. А.* Творчество Марины Цветаевой: Проблемы поэтики. – М., 1998.
- Кудрова И. В.* Версты, дали...: Марина Цветаева: 1922–1939. – М.: Сов. Россия, 1991. – 368 с.
- Кудрова И.* Жизнь Марины Цветаевой. – СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2002. – 312 с. – (Рус. поэты. Жизнь и судьба).
- Кудрова И. В.* После России. – М., 1997.
- Кудрова И. В.* Просторы Марины Цветаевой: Поэзия, проза, личность. – СПб.: Вита Нова, 2003. – 528 с.: ил.
- Кудрова И. В.* Путь комет: Жизнь Марины Цветаевой. – СПб.: Вита Нова, 2002. – 768 с.: 330 ил.
- Марина Цветаева – Георгий Адамович: Хроника противостояния / Предисл., сост. и примеч. Коростелева О. А. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000. – 188 с.
- Мейкин М.* Марина Цветаева: Поэтика усвоения / Пер. с англ. Зенкевича С. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1997. – 402 с.
- Саакянц А.* Марина Цветаева. Жизнь и творчество. – М.: Эллис Лак, 1997. – 816 с.
- Швейцер В.* Быт и бытие Марины Цветаевой. – Fontenay-aux-Roses: Синтаксис, 1988; 2-е изд.: М.: СП ИНТЕРПРИНТ, 1992.
- Швейцер В. А.* Марина Цветаева. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 592 с.: ил. – (ЖЗЛ; Вып. 833).
- Шевеленко И.* Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. – М.: Новое лит. обозрение, 2002. – 464 с. – (Науч. биб-ка).
- Feinstein E.* A captive lion: The life of Marina Tsvetaeva. – L.: Hutchinson, 1987. – 293 p.
- Hasty P. O.* Tsvetaeva's orphic journeys in the worlds of the world. – Evanston (Ill.): Northwestern univ. press, 1996. – 267 p.
- Karlinsky S.* Marina Tsvetaeva: The woman, her world and her poetry. – Cambridge, 1985. – X, 289 p.
- Lossky V.* Marina Tsvétaeva: Un itinéraire poétique. – <Malakjoff>: Solin, <1987>. – 404 p.

ЧЕРНЫЙ САША

- Bibliographie des œuvres de Sacha Tcherny / Établie par Ivanov A. – P.: Inst. d'études slaves, 1994. – 224 p. – (Sér. «Écrivains russes en France»; T. 97).

ЧИННОВ И. В.

Чиннов И.В. Собрание сочинений: В 2 т. / Сост., подгот. текста, коммент. Кузнецовой О., Богословского А. – М.: Согласие, 2000–2002.

Т. 2: Стихотворения 1985–1995. Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма / Сост., подгот. текста, коммент. Кузнецовой О., Богословского А. – 2002. – 352 с.

Большчев И. И. Творческий путь Игоря Чиннова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Лит. ин-т им. А.М. Горького. – М., 1999. – 16 с.

ШАХОВСКОЙ Д. И.

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Избранное / Сост., авт. вступ. ст. Линник Ю. – Петрозаводск: Святой остров (Фонд культуры Карелии), 1992. – 575 с.

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Избранное: Собр. соч. в 2 т. – Нижний Новгород: Изд-во Братства во имя св. кн. Александра Невского, 1999.

Т. 1. – 399 с.

Т. 2. – 491 с.

ЭЛЛИС (КОБЫЛИНСКИЙ Л. Л.)

Виллих Х., Козьменко М. В. Творческий путь Эллиса за рубежом // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1993. – Т.52, № 1. – С. 61–69.

МЕМОАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ

Адамович Георгий. Письма Василию Яновскому. Письма Роману Гринбергу / Публ. и прим.

Крейда В., Крейд В. // Новый журнал. – Нью-Йорк, М., 2000. – № 218. – С. 121–151.

Андреев Н. Е. То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний: В 2 т. / Под ред. Андреевых Е. Н. и Д. Г. – Таллинн: Авенариус, 1996.

Т. 1. – 336 с.

Т. 2. – 320 с.

Андреева-Бальмонт Е. Воспоминания / Подг. текста, предисл. Шульман Л. Ю., примеч.

Паниной А. Л., Шульман Л. Ю. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – 560 с.

- Анненков Ю.* Дневник моих встреч: Цикл трагедий: В 2 т. — Нью-Йорк: Межд. лит. содружество, 1966. — 350+350 с.; 2-е изд.: Вступ. ст. Николаева П.. — М.: Худож. лит., 1991. — 346+336 с.
- Бахрах А.* Бунин в халате: По памяти, по записям. — Bayville, N.Y.: Товарищество зарубежных писателей, 1979. — 176 с.
- Бахрах А.* По памяти, по записям: Литературные портреты. — Париж: La Presse Libre, 1980. — 206 с.
- Берберова Н.* Курсив мой: Автобиография. В 2-х тт. — Нью-Йорк: Russica Publishers, 1983; С.380+381-708, [5], [4] л. ил., портр.; 2-е изд.: Берберова Н. Курсив мой: Автобиография / Вступ. ст. Витковского Е. В.; Коммент. Кочетова В. П., Мосешвили Г. И. — М.: Согласие, 1996. — 734[1] с., [24] л. ил.
- Берберова Н.* Люди и логи: Русские масоны XX столетия. — N. Y.: Russica, 1986. — 299 с., [8] л. ил., портр.; 2-е изд.: Берберова Н. Люди и логи: Русские масоны XX столетия / Послесл. Коростелева О. А. — Харьков; М.: Калейдоскоп; Прогресс-Традиция, 1997. — 400 с.
- Борис Поплавский* в оценках и воспоминаниях современников / Сост. Аллена Л., Гриз О.; Предисл. Аллена Л. — СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. — 182 с.
- Бунин И.* Лишь слову жизнь дана / Сост., вступ. ст. и прим. Михайлова О.Н. — М.: Сов. Россия, 1990. — 368 с. — (Рус. дневники).
- «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда...»: Письма Ю. К. Терапиано к В. Ф. Маркову (1953—1966) / Публ. Коростелева О. А., Шерона Ж. // Минувшее. Исторический альманах. 24. — СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. — С. 240—378.
- В. Ф. Ходасевич* и *И. Н. Голенищев-Кутузов*: Переписка / Публ. Малмстада Д. // Новое лит. обозрение. — М., 1997. — № 23. — С. 213—244.
- Варшавский В.* Незамеченное поколение. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956; репринт: М.: ИНЭКС, 1992. — 384 с.
- «Верной дружбе глубокий поклон»: Письма Георгия Адамовича Ирине Одоевцевой (1958—1965) / Публ. Черкасовой Ф. А. // Диаспора: Новые материалы. Вып. 5. — СПб.: Феникс, 2003. — С. 558—608.
- Вишневский А.* Перехваченные письма: Роман-коллаж. — М.: О.Г.И., 2001. — 568 с.
- Вишняк М.* Годы эмиграции: 1919—1969. Париж—Нью-Йорк (Воспоминания). — Stanford: Hoover Institution Press, 1970. — 279 с.
- Вишняк М.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. — Блумингтон, 1967; 2-е изд.: / Предисл., подгот. текста Аллена Л. — СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1994. — 234 с.
- Вокруг «Скига»* / Публ. Малевича О. М. // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. — СПб.: Гуманит. агентство «Академический проект», 1998. — С. 175—247.

- Воспоминания о Марине Цветаевой / Сост. Мнухин Л. А., Турчинский Л.М. – М.: Сов. писатель, 1992.
- «Все существенное – между строками»: письма Георгия Адамовича Лидии Червинской / Подгот. текста, вступ. ст., примеч. Демидовой О. Р. // Русская культура XX века на родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты / Под ред. Михайловой М. В., Буслаковой Т. П., Ивановой Е. А. – М., 2002. – Вып. 2. – С. 186–218.
- Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов / Публ., вступ. ст., подгот. текста и коммент. Раевской-Хьюз О. – М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2001. – 400 с.
- Гессен И.В.* Годы изгнания: Жизненный отчет. – Paris: YMCA-Press, 1979. – 268 с.
- Гиппиус З.* Письма Владимиру Злобину, 1934–1937 / Публ. и примеч. Пахмусс Т. // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1998. – № 210. – С. 161–186.
- Гиппиус З.* Дневники: В 2 кн. / Под общ. ред. Николоюкина А.Н. – М.: НПК «Интелвак», 1999.
- Кн. 1. – 736 с.
- Кн. 2. – 720 с.
- Гиппиус З.* Письма к А. Л. Бему / Публ. и примеч. Шерона Ж. // Новый журн. – Нью-Йорк, 1997. – № 209. – С. 206–215.
- Гиппиус З.* Письма к А. Амфитеатрову / Публ. и примеч. Шерона Ж. // Новый журн. – Нью-Йорк, 1992. – № 187. – С. 297–307.
- Гиппиус З.* Письма к Берберовой и Ходасевичу / Ed. by Freiburger E. Sheikholeslami. – Ann Arbor: Ardis, 1978. – 120 p.
- Голлербах Е. А.* К истории русской зарубежной литературы: Материалы из архива архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Д.А.Шаховского) // Russian studies: Ежеквартальник рус. филологии и культуры. – СПб., 1996. – Т. 2. – № 2. – С. 231–295.
- Горяинов А. Н., Робинсон М. А.* Шесть писем А. Л. Бема и о А. Л. Беме // Славяноведение. – М., 1998. – № 4. – С. 94–104.
- Гуль Р.* Письма писателям-эмигрантам <М. А. Алданову, В. В. Вейdle, А. В. Бахраху> / Публ. Крейда В. // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1995. – № 200. – С. 278–295.
- Гуль Р.* Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. – Нью-Йорк: Мост, 1981–1983; – 2-е изд., с предисл. и разверн. указ. имен Коростелева О. – М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001.
- Т. 1: Россия в Германии. – 560 с.
- Т. 2: Россия во Франции. – 512 с.
- Т. 3: Россия в Америке. – 496 с.
- Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / Сост., пред. и коммент. Крейда В. – М.: Республика, 1994. – 383 с.
- Дон-Аминадо.* Поезд на третьем пути. – Нью-Йорк: Изд-во. им. Чехова, 1954; 2-е изд. / Послесл. Медведева Ф. – М.: Книга, 1991. – 336 с.

- «Дребезжание моих ржавых русских струн...»: Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ., предисл. и коммент. Янгирова Р. // *In memoriam: Историч. сб. памяти А. И. Добкина.* – СПб.; Париж: Феникс; Atheneum, 2000. – С. 345–397.
- Друзья, бабочки и монастыри: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом. 1943–1967 / Вступ. ст., публ. и коммент. Янгирова Р. // *Диаспора: Новые материалы.* Вып. 1. – Париж; СПб.: Atheneum; Феникс, 2001. – С. 477–556.
- Дюррант Д. С.* По материалам архива Д. В. Философова // *Лица.* – М.; СПб., 1994. – Вып. 5. – С. 444–459.
- За рубежом: Белград – Париж – Оксфорд: (Хроника семьи Зерновых) (1921–1972) / Под ред. Зерновых Н. М. и М. В. – Париж, 1973. – 561 с.
- Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце / Подг. текста и коммент. Мальмстада Д. – Paris: Atheneum, 1990. – 431 с.; 2-е изд.: М.: РИК Культура; Феникс, 1992. – 431 с.
- Из переписки В. Ф. Ходасевича (1925–1938) <письма к В. И. Иванову, М. В. Вишняку, З. Н. Гиппиус и В. В. Набокову > / Публ. Мальмстада Д. // *Минувшее: Исторический альманах.* 3. – Paris: Atheneum, 1987. – С. 262–291.
- Из писем Зинаиды Гиппиус / Публ. Аллоя В. // *Минувшее: Исторический альманах.* 4. – Paris: Atheneum, 1987. – С. 327–337.
- К истории русской зарубежной литературы: Как составлялась антология «Якорь» / Публ. и коммент. Струве Г. // *Новый журнал.* – Нью-Йорк, 1972. – № 107. – С. 222–254.
- К истории русской зарубежной литературы: О парижском журнале «Встречи». С приложением переписки двух редакторов / Публ. и коммент. Струве Г. // *Новый журнал.* – Нью-Йорк, 1973. – № 110. – С. 217–246.
- Канник Е.* Воспоминания, рассказы, очерки. – Paris: YMCA-Press, 1992. – 256 с.
- Кузнецова Г.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Сост., подг. текста, предисл. и коммент. Бабореко А. К. – М.: Моск. рабочий, 1995. – 410 с.
- Куприна К.А.* Куприн – мой отец. Изд. 2-е, испр. и дополн. – М.: Худож. лит., 1979.
- Ливак Леонид.* Материалы к биографии Юрия Фельзена // *From the other shore: Russian writers abroad past and present.* – 2001. – Vol. 2. – С. 47–70.
- Лосская В.* Марина Цветаева в жизни: Неизданные воспоминания современников. – Тетяфи: Эрмитаж, 1989. – 336 с.; 2-е изд.: М.: Культура и традиция, 1992. – 348 с.
- Мальмстад Д.* Переписка В. Ф. Ходасевича с А. В. Бахрахом // *Новое лит. обозрение.* – М., 1993. – № 2. – С. 170–205.
- Марина Цветаева.* Письма к Константину Родзевичу / Сост. Коркина Е. Б. – Ульяновск: Ульян. Дом печати, 2001. – 200 с.
- Мельгунов С. П.* Воспоминания и дневники / Сост., примеч., подгот. текста Емельянова Ю. Н. – М.: Индрик, 2003. – 528 с.

- «...Мир на почетных условиях...»: Переписка В. Ф. Маркова с М. В. Вишняком. 1954–1959 / Публ. Коростелева О., Шерона Ж. // Диаспора: Новые материалы. Вып. 1. – Париж; СПб.: Atheneum; Феникс, 2001. – С. 557–584.
- Набоков В. В.* Переписка с сестрой. – Ann Arbor: Ardis, 1985.
- Неизвестные письма Д. П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступ. ст., публ. и коммент. Рогачевского А.Б. // Диаспора: Новые материалы. Вып. 2. – СПб., 2001. – С. 349–367.
- «...Наша культура, отраженная в капле...» / Письма И. Бунина, Д. Мережковского, З. Гиппиус и Г. Адамовича к редакторам парижского «Звена» / Публ. Коростелева О.А. // Минувшее. Исторический альманах. 24. – СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. – С. 123–165.
- Одоевцева И.* На берегах Сены. – Париж: La Presse Libre, 1983; 2-е изд.: М.: Худож. лит., 1989. – 333 с.
- Оцуп Н.* Современники. – Париж, 1961. – 237 с.; 2-е изд.: Нью-Йорк: Орфей, 1986. – 346 с.
- Перелешин В. Ф.* Два полустанка: Воспоминания свидетеля и участника литературной жизни Харбина и Шанхая / Ed. in Russian and with an introduction by Hinrichs J. P. – Amsterdam: 1987. – 159 p., ill.
- Переписка Г. В. Адамовича с Р. Н. Гринбергом: 1953–1967 / Публ., подгот. текста и коммент. Коростелева О. А. // Литературовед. журн. – М., 2003. – № 17. – С. 97–181.
- Перхин В. В.* Одиннадцать писем (1920–1937) и автобиография (1936) Д. П. Святополка-Мирского: К научной биографии критика // Рус. лит. – СПб., 1996. – № 1. – С. 235–262.
- Письма В. Ходасевича к Н. Берберовой / Публ. Бетеа Д. // Минувшее: Исторический альманах. 5. – Paris: Atheneum, 1988. – С. 228–327.
- Письма Г. В. Адамовича А. В. Бахраху / Публ. Крейда В. и Крейд В. // Новый журн. – Нью-Йорк, 1999–2003. – № 216, 217, 223, 224, 225, 228, 230.
- Письма Г. В. Адамовича к З. Н. Гиппиус: 1925–1931 / Подг. текста, вступ. ст. и коммент. Богомолова Н. А. // Диаспора: Новые материалы. Вып.3. – СПб.: Феникс, 2002. – С. 435–535.
- Письма Георгия Адамовича <В. В. Рудневу, А. С. Присмановой, А. С. Гингеру, М. С. Цетлиной, С. Ю. Прегель> / Публ. и примеч. Крейда В. // Новый журн. – Нью-Йорк, 1994. – № 194. – С. 257–319.
- Письма Георгия Адамовича к Роману Гулю / Публ. Поляка Г., Крейда В. // Новый журн. – Нью-Йорк, 1999. – № 214. – С. 197–224.
- Письма запрещенных людей. Литература и жизнь эмиграции. 1950–1980-е годы: По материалам архива И. В. Чиннова / Сост. Кузнецова О. Ф. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 832 с., илл.

- Письма Зинаиды Гиппиус Владимиру Злобину, 1922–1923 / Публ. и примеч. Пахмусс Т. // Новый журн. – Нью-Йорк, 1998. – № 212. – С. 193–227.
- Письма М. И. Цветаевой к Л. Е. Чириковой-Шнитниковой / Сост., примеч. Лубянской Е. И. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой; Изограф, 1997. – 168 с.
- Письма писателей к Р. Гулю <М. А. Алданова, Г. В. Иванова, Б. К. Зайцева, В. Н. Муромцевой-Бунинной> / Вступ. заметка и публ. Поляка Г. // Новый журн. – Нью-Йорк, 1995. – № 200. – С. 296–310.
- Померанцев К.* Сквозь смерть: Воспоминания / Вступ. ст. Филиппова Б. – Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1986. – 193 с.
- «Простите, что пишу Вам по делу...»: Письма Г. В. Адамовича редакторам Издательства имени Чехова (1952–1955) // Адамович Г. В. Собрание сочинений / Сост., послесл. и примеч. Коростелева О. А. – СПб.: Алетейя, 2002. – Одиночество и свобода. – С. 323–346.
- Ремизова Н.В.* Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. – Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1980. – 150 с. – (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts; Vol. 4).
- «...С Вами беда – не перевести»: Письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову (1922–1929) / Публ. Хьюза Р. // Диаспора: Новые материалы. – СПб.: Феникс, 2003. – Вып. 5. – С. 335–401.
- Седых А.* Далекие, близкие. – Нью-Йорк: Раузен, 1962; 2-е изд.: Сост., предисл. и подгот. текста Каллаура К. – М.: Моск. рабочий, 1995. – 320 с.
- Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Богомолова Н. А. // Диаспора: Новые материалы. – СПб.: Феникс, 2003. – Вып. 5. – С. 402–557.
- Странник.* Собрание трудов архиепископа Иоанна Шаховского / Ред. Герра Р. – Париж, 1981. – Т. 6: Переписка с Кленовским. – 319 с.
- Терапиано Ю.* Встречи. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. – 204 с.; 2-е изд.: Вступ. ст., сост., подг. текста, коммент., указ. Юрченко Т. Г. – М.: Интрада, 2002. – 384 с.
- Терапиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека: 1924–1974 / Сост. Герра Р., Глезер А.; Послесл. Герра Р. – Париж; Нью-Йорк: Альбатрос; Третья волна, 1987. – 352 с.
- «Уж такова наша судьба...»: Новое из Варшавского архива Д. В. Filosofova / Вступ. ст., предисл. и публ. Дюрранта Д. С. // Наше наследие. – М., 2002. – № 63/64. – С. 64–91.
- Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3-х тт. / Под ред. Грин М. – Frankfurt a.M.: Посев, 1977–1982.
- Т. 1. <1881–1921> – 1977. – 368 с.
- Т. 2. <1922–1933> – 1981. – 319 с.
- Т. 3. <1934–1953> – 1982. – 223 с.

- Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов: В V кн. — Stanford, 1997. — (Stanford Slavic Studies. Vol.13-17).
- Кн. 1: На грани эпох. — 446 с., ил.
- Кн. 2.: Сквозь кризис. — 464 с.
- Кн. 3.: Конец демократии. — 472 с.
- Кн. 4.: Между Гитлером и Сталиным. — 392 с.
- Кн. 5.: Близость катастрофы. — 356 с., ил.
- Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин, 1921-1923: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. — Paris: YMCA-Press, 1983. — 422 с.
- Ходасевич В.* Камерфурьерский журнал / Подг. текста, предисл. Демидовой О. Р. — М.: Эллис Лак, 2002. — 478 с.
- Ходасевич В.* Некрополь. Литература и власть. Письма Б. А. Садовскому / Сост. Сильванович С., Шатин М.; Предисл., коммент. Богомолов Н.; Примеч. к письмам и зак-люч. ст. Андреева И. — М.: СС, 1996. — 464 с.
- Ходасевич В. Ф.* Письма к М. А. Цявловскому / Публ. Хьюза Р. // Рус. лит. — СПб., 1999. — № 2. — С. 214—230.
- Ходасевич В. Ф.* Шесть писем к И. Н. Голенищеву-Кутузову (1932—1936). Curriculum vitae / Предисл. Перхина В. В.; Публ. Арсеньева А. Б.; Коммент. Голенищевой-Кутузовой И. В., Перхина В.В. // Рус. лит. — СПб., 1996. — № 2. — С. 138—146.
- Цветаева М. И.* Неизданное: Сводные тетради / Подгот. текста, предисл и примеч. Коркиной Е. Б., Шевеленко И. Д. — М.: Эллис Лак, 1997. — 640 с.
- Цветаева М. И.* Неизданное: Записные книжки: В 2 т. / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Коркиной Е. Б., Крутиковой М. С. — М.: Эллис Лак, 2000—2001.
- Т. 1: 1913—1919. — 2000. — 558 с.
- Т. 2: 1919—1939. — 2001. — 543 с.
- Цветаева М.* Девять писем с десятым, невернувшимся, и одиннадцатым, полученным — и Послесловием / Сост., пер. с фр., ист.-биогр. очерк и коммент. Клюкина Ю. П. — М.: Дом-музей М. Цветаевой, 1999. — 160 с.
- Шаховская З.* Отражения. В поисках Набокова. — М.: Книга, 1991. — 318 с.
- Шерон Ж.* Из военной переписки Иванова-Разумника с А. Л. Бемом: Суждения о литературе русской эмиграции // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре. — СПб., 1998. — Вып. 2. — С. 148—153.
- Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955—1958) / Публ. Коростелева О.А. // Минувшее: Исторический альманах. — СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. — 21. — С. 391—501.

- «...Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно»: Письма Д. И. Кленовского В. Ф. Маркову 1952–1962 гг. / Публ. Коростелева О., Шерона Ж. // Диаспора: Новые материалы. – СПб.: Феникс, 2001. – Вып. 2. – С. 585–693.
- «...Я не имею отношения к Серебряному веку...» / Письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову (1956–1975) / Публ. Коростелева О., Шерона Ж. // In memoriam: Исторический сборник памяти А. И. Добкина. – СПб.; Париж: Феникс-Atheneum, 2000. – С. 398–518.
- «...Я очень слежу за вашими отзывами...»: (Письма В.Ф. Ходасевича Ю.И. Айхенвальду) / Публ. подгот. Бень Е. М. // Встречи с прошлым. – М., 1990. – Вып. 7. – С. 89–102.
- Янгров Р.* Пушкин и пушкинисты: По материалам из чешских архивов <письма В.Ф. Ходасевича А. Л. Бему 1936–1938> // Нов. лит. обозрение. – М., 1999. – № 37. – С. 181–228.
- Яновский В.* Поля Елисейские: Книга памяти. – Нью-Йорк: Серебряный век, 1983. – 312 с.; 2-е изд.: Предисл. Довлатова С. – СПб., 1993. – 277 с.; 3-е изд.: Предисл., сост. Мельников Н.; Примеч. Мельников Н., Коростелев О. – М.: Гудьял-Пресс, 2000.
- Davies R., Smith G. S. D. S. Mirsky:* Twenty-two letters (1926–34) to Salomeya Halpern; seven letters (1930) to Vera Suvchinskaya (Traill) // Oxford Slavonic papers. – Oxford, 1997. – Vol. 30. – P. 89–120.
- Hughes R., Malmstad J.* Vladislav Khodasevich to Mikhail Karpovich: Six letters (1923–1932) // Oxford Slavonic papers. – Oxford, 1986. – P. 132–157.
- Intellect and ideas in action: Selected correspondence of Zinaida Hippus* / Comp. by Pachtmuss T. – München: Fink Verl., 1972.
- Nabokov V.* Selected letters / Ed. by Nabokov D., Matthew J. Bruccoli. – N. Y.; L.: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark, 1989.
- Pachtmuss T.* Письма Мережковских В. А. Злобину из Италии // Rev. des etudes slaves. – P., 2000. – Т. 72, fasc 3/4. – С. 541–568.
- Smith G. S.* The letters of D. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–31. – Birmingham, 1995. – VII, 238 p.
- The Nabokov-Wilson letters. Correspondence between Vladimir Nabokov and Edmund Wilson, 1940–1971* / Ed., annot. a. with introd. essay by Karlinsky S. – N. Y.; L.: Harper and Row, 1979, 1980.

ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ

- Быстрова Ольга Васильевна – кандидат филол. наук, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН, специалист по русской литературе XX в.
- Жулькова Карина Алеговна – кандидат филол. наук, научный сотрудник ИНИОН РАН, автор статей по критике русского зарубежья.
- Коростелев Олег Анатольевич – кандидат филол. наук, ответственный редактор альманаха «Дiasпора», исследователь творчества Г.В. Адамовича, составитель и ответственный редактор его Собрания сочинений (СПб., 1998), автор статей и публикаций по литературе и критике русского зарубежья.
- Кулешова Ольга Владимировна – младший научный сотрудник, аспирант ИНИОН РАН, специализируется по литературе русского зарубежья и творчеству Д.С. Мережковского.
- Никульцева Виктория Валерьевна – кандидат филол. наук, специализируется по литературе Серебряного века и творчеству И. Северянина.
- Петрова Татьяна Георгиевна – старший научный сотрудник ИНИОН РАН, автор статей по литературе и критике русского зарубежья.
- Ревякина Ирина Александровна – кандидат филол. наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, текстолог, исследователь творчества М. Горького, А. Блока и литературы русского зарубежья.
- Федякин Сергей Романович – кандидат филол. наук, автор книги «Русская литература конца XIX – начала XX века и первая эмиграция» (М., 1998) (в соавторстве с П.В. Басинским), статей и публикаций по литературе и критике Серебряного века и русского зарубежья.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ В СТАТЬЯХ

А

Аввакум, протопоп ~ 15
Авербах Л.Л. ~ 130, 132
Агеев М. (Марк Леви) ~24
Адамович Г.В. ~ 5; 12; 14; 16; 19–21; 24–31; 37; 40; 42; 44; 48–50; 54–58; 72; 77; 80–83;
103; 105; 106; 113; 114; 122; 123; 125–130; 132; 135
Айхенвальд Ю.И. ~ 5; 55; 56; 105; 110; 137; 138
Алданов М. ~ 30; 40; 58; 61; 72; 75; 88
Амфитеатров А.В. ~ 109
Андреев Л.Н. ~ 95; 110
Андреев Н. ~ 77
Анненков Ю.П. ~105; 117; 121
Аракчеев А. А. ~67
Ахматова А. А. ~ 21; 22; 25

Б

Бабель И.Э. ~ 15; 86; 124
Байрон Дж.Г. ~53; 74
Бакунин М.А. ~67
Бальзак О. де ~ 133
Бальмонт К.Д. ~5; 21; 22; 73; 95
Барбюс А. ~74; 75
Барт С. ~ 81
Бахрах А.В. ~ 5
Бахтин Н.М. ~10; 16; 23–25; 31
Башкиров Б. (Верин) ~ 99
Баян В. (В.Сидоров) ~99
Бедный Д. ~127–129; 136
Безыменский А.И. ~127; 129
Белый А. ~ 13–15; 21; 37; 87; 112; 115; 116
Бем А.Л. ~ 5; 19; 24; 27; 28; 30; 32; 40; 48; 49; 83; 123; 128–135
Берберова Н.Н. ~77; 79

Бердяев Н.А. ~5; 34; 60
Бережанский Н. ~ 85
Бёрнагер К. ~124
Бирман М. ~72
Бицилли П.М. ~5; 10; 12–19; 31; 38; 40; 41; 45; 47; 54; 55; 59; 72
Блок А.А. ~ 21; 49; 95; 136
Блох Р.Н. ~81
Богомолов Н.А. ~4
Божнев Б. ~19
Болдырев И. ~24
Бочарова И. А. ~112; 118; 121
Брик Л.Ю. ~ 99
Брик О. ~99
Брюсов В.Я. ~7; 21; 22; 37; 49; 92–95; 136
Буланов О. ~ 75
Булгаков М.А. ~87
Булгаков С.Н. ~ 5; 42
Булич В.С. ~ 80
Бунин И.А. ~5; 7; 9; 13; 32; 40; 58; 73; 74; 78; 84; 87; 90; 101; 105; 106; 108; 109; 111; 119
Бурлюк Д.Д. ~99
Бухарин Н.И. ~126–129; 136
Быстрова О.В. ~ 7; 122

В

Валери П. ~ 78
Варшавский В.С. ~ 30
Вебер Е.С. ~ 30
Вейдле В.В. ~ 5; 10; 16; 23; 31; 40; 72; 137
Венгерова З.А. ~ 99
Вернадский Г.В. ~ 12
Весёлый А. ~ 87
Виснапуу И. ~ 99
Виснапуу Х. ~ 99
Вишняк М.В. ~ 73
Вогюэ М. де – 74
Волконский С.М., князь ~ 12
Воронский А.К. ~ 130
Высоцкий А. ~ 75

Г

Газданов Г.И. ~ 5; 9; 29–32; 58; 117
Гайдаров ~ 99
Ганецкий Я.С. ~ 118
Гарднер ~ 17
Гейне Г. ~ 133
Геллер М.Я. ~ 134
Гераклит Эфесский ~ 61
Гершензон М.О. ~ 42
Гзовская О. ~ 99
Гиппиус В. ~ 94
Гиппиус З.Н. (псевд.: Антон Крайний) ~ 5; 16; 58; 73; 74; 84; 94; 98; 104; 105; 107; 108; 110; 111; 138
Гитлер А. ~ 88
Гладков Ф.В. ~ 131; 135
Глебова-Судейкина О. ~ 94
Гоголь Н.В. ~ 13–15; 39; 43; 44; 51; 54; 55; 66; 68; 69; 112; 133
Голенищев-Кутузов И.Н. ~ 81; 82
Головина А.С. ~ 81; 82
Голубков М.М. ~ 35
Гольдберг И. ~ 135
Гомолицкий Л.Н. ~ 80
Гончаров И. А. ~ 15
Горлин М.Г. ~ 80
Горький М. ~ 5; 7; 56; 86; 103–121; 123; 124; 126; 127; 131–133; 135; 136
Гофман М.Л. ~ 38–40; 45; 73
Гронский И.М. ~ 131
Гуль Р.Б. ~ 5; 72; 131; 132
Гумилёв Н.С. ~ 20; 21; 49; 95; 98
Гуцан-Меннеке Е. ~ 99
Гюго В. ~ 133
Гюнтер Х. ~ 35

Д

Давыдов А. ~ 72
Дамбинов П. ~ 135
Данте Алигьери ~ 133
Державин Г.Р. ~ 54
Джойс Дж. ~ 78
Дзержинский Ф.Э. ~ 118
Дизраэли Б. ~ 18
Добренко Е. А. ~ 35
Домбровская М. (Волянская) ~ 99
Достоевский Ф.М. ~ 13–15; 36; 37; 39; 42; 43; 45; 47; 54–56; 60–63; 66; 69; 70; 112; 113;

Е

Елина Е.Г. ~ 35
 Ермилов В.В. ~ 132
 Есенин С.А. ~84; 85; 115; 136

Ж

Жаботинский В. ~75
 Жаров А. А. ~ 127
 Жданов А. А. ~ 129
 Жид А. ~ 78
 Жирмунский В.М. ~ 20; 22; 23
 Жулькова К.А. ~ 7; 72

З

Завадский С.В. ~12
 Зайцев Б.К. ~ 5; 13; 32; 40; 51; 56; 57; 72–74
 Зайцев К.И. ~ 42; 45; 52; 53
 Замятин Е.И. ~ 15; 86; 87; 105; 117; 121
 Зарудин Н.Н. ~ 132
 Захаров В.А. ~ 46
 Зверев А.М. ~39
 Зданевич И.М. ~ 19
 Зеньковский В.В. ~ 5; 42
 Злобин В. А. ~107
 Зощенко М.М. ~ 15; 86

И

Ибсен Г. ~ 60
 Иванов Вс.В. ~ 86
 Иванов Вяч.И. ~ 5; 37; 53; 60
 Иванов Г.В. ~ 5; 7; 20; 25; 32; 98
 Иванов-Разумник (Иванов Р.В.) ~ 84
 Иваск Ю.П. ~5; 137
 Игнатъев И.В. ~ 97; 99
 Ильин В.Н. ~47; 56
 Ильин И. А. ~ 6; 42–44
 Инбер В.М. ~ 127

К

- Казнина О.А. ~ 39
Каменский В.В. ~ 99
Кантор М.Л. ~ 16
Карл I ~16
Каронин-Петропавловский Н.Е. ~ 110
Карцевский С.И. ~ 12
Кельчевский Е. ~78
Киров С.М. ~ 134
Кирсанов С.И. ~ 127
Клюев Н. А. ~ 84
Кнорринг И.Н. ~ 80
Кнут Д. ~80
Кольцов М.Е. ~135
Коровин К.А. ~58
Короленко В.Г. ~ 74; 111; 112
Коростелёв О.А. ~ 7; 20; 25; 77; 137; 139
Косой В. ~ 61
Коцюбинский М.М. ~ 110
Крандиевская-Толстая Н.В. ~87
Крейд В. ~94
Кромвель О. ~17
Круут Ф. ~ 99
Ктитарев И., протоиерей ~ 44
Кузмин М.А. ~ 21; 25
Кузнецова Г.Н. ~ 80
Кулешова О.В., ~ 6; 60
Кульман Н.К. ~ 12; 40
Куприн А.И. ~ 5; 9; 73
Курдюмов М. (наст. имя: М.А. Каллаш) ~ 54; 56–58
Кусиков А. ~ 99
Кускова Е.Д. ~ 119; 120

Л

- Ладинский А.П. ~ 79
Ларионов П. ~ 97
Ленин В.И. ~ 67; 75; 106; 107; 129; 133
Леонов Л.М. ~ 14; 15; 135
Лермонтов М.Ю. ~ 6; 21; 34; 36–39; 43; 44; 46–54; 138
Лесков Н.С. ~ 12; 15
Лившиц Г. ~ 99
Лозинский Г.Л. ~ 12; 40

Лопатто М.И. ~ 23
Лосский Н.О. ~ 6
Лукаш И.С. ~ 51; 75
Луцц Л.Н. ~86
Лутохин Д.А. ~ 110; 114; 115
Ляцкий Е. А. ~ 41

М

Маклаков В.А. ~ 40
Мандельштам О.Э. ~ 21; 25
Мандельштам Ю.В. ~ 81
Манухин И.И. ~ 107
Мария, монахиня (Кузьмина-Караваева Е.Ю.) ~ 80
Мартыанова С. А. ~ 35
Мартынов Н.С. ~ 51
Масинов А. ~ 96; 97
Матич О. ~ 60; 61
Маяковский В.В. ~7; 24; 28; 74; 90; 99; 100; 101; 127
Мейер Г. ~ 51
Мейерхольд В.Э. ~ 94
Мельгунов С.П. ~ 109
Мережковский Д.С. ~ 5; 6; 16; 30; 34; 37; 38; 40; 42; 44; 46; 47; 50; 51; 60–71; 73; 75–77;
105–107; 111; 137; 138
Милюков П.Н. ~ 37; 39; 40; 67
Молчанов-Сибирский И. ~ 135
Мольер Ж.-Б. ~ 133
Мопассан Г. де ~ 31
Моруа А. ~ 18
Мочульский К.В. ~ 5; 10; 12; 14; 15; 17–22; 25; 31; 52; 56–58
Муратов П.П. ~ 10; 11; 13–15; 31; 73
Мусатов В.В. ~ 38

Н

Набоков В.В. (Сирин В.) ~ 5; 9; 24; 32; 55; 58; 73; 77–79; 138
Надсон С.Я. ~ 92; 93
Наживин И. Ф. ~ 117
Нансен Ф. ~ 109
Наполеон Б. ~ 67, 75–77
Некрасов Н.А. ~ 85
Николаев Л. ~ 134
Никольская Т.Л. ~ 72
Николюкин А.Н. ~ 4; 34; 36

Никульцева В.В. ~ 7; 90
Нише Ф. ~ 61
Нусинов И. ~ 133

О

Одоевцева И.В. ~ 20; 77
Окар М. ~ 12
Оксман Ю.Г. ~ 23
Олеша Ю.К. ~ 133; 134
Олипов К. ~ 7; 98
Ольденбург С.С. ~ 40; 41
Орешин П. ~ 84
Осокин С. (Андреев В.Л.) ~ 72
Осоргин М.А. ~ 30; 40; 75; 105; 110; 117; 118; 120; 121
Островский А.Н. ~ 54
Оцуп Н.А. ~ 5; 20; 106

П

Пастернак Б.Л. ~ 14; 24; 28; 99; 129; 133
Пахмусс Т. ~ 60
Пашуканис В.В. ~ 93; 96
Петр I ~ 42; 68
Петрищев А. ~ 136
Петров П. ~ 135
Петрова Т.Г. ~ 6; 7; 34; 38; 39; 54
Пешкова Е.П. ~ 118
Пильняк Б. А. ~ 87
Пильский П.М. ~ 5; 35; 36; 56; 137; 138
Погорелова Б. (Рунт) ~ 94
Полторацкий Н.П. ~ 137
Поплавский Б.Ю. ~ 5; 19; 79; 80
Прегель С.Ю. ~ 72; 80; 81
Примочкина Н.Н. ~ 109; 117
Пруст М. ~ 78
Пугачёв Е.И. ~ 67
Пуни И. ~ 99
Пушкин А.С. ~ 6; 21; 22; 25; 27; 34; 36–55; 133; 138

Р

Разин С.Т. ~ 67
Радищев А.Н. ~ 43

Расин Ж. ~ 21
Ревякина А.А. ~ 35; 72
Ревякина И.А. ~ 7; 103; 105; 111
Ремизов А.М. ~ 12–15; 32; 39; 73; 74; 78; 87; 112
Ренников А. ~ 119
Ренуар О. ~ 23
Рождественский В.А. ~ 25
Розанов В.В. ~ 12; 38; 60
Розенталь Б.Г. ~ 61
Розенталь М.М. ~ 133
Роллан Р. ~ 75; 135
Руднев В. В. ~ 73
Рябушинский В.П. ~ 116

С

Святополк-Мирский Д.П., князь ~ 5; 19; 54; 84; 115–117
Северянин И. ~ 7; 90–102
Сельвинский И.Л. ~ 79
Сервантес М. де ~ 133
Сергеев-Ценский С.Н. ~ 14
Серж В. (Кибальчич В.В.) ~ 134
Скиталец С. ~ 136
Скотт В. ~ 53
Слоним М.Л. ~ 5; 84; 105; 106; 108; 110; 111; 137
Слонимский М.Л. ~ 86
Солнцева В. ~ 99
Соловьев В.С. ~ 47; 50; 51; 53; 60
Сологуб Ф.К. ~ 7; 60; 74; 94–96; 99
Сосинский Б. ~ 78
Софиев Ю. ~ 80
Софокл ~ 133
Спекторский Е.В. ~ 56
Ставров П.С. ~ 50; 80
Сталин И.В. ~ 125; 126–129; 135
Степун Ф.А. ~ 5; 29; 31; 105; 106; 110–113; 118
Стецкий А.И. ~ 136
Стречи Л. ~ 18
Струве Г.П. ~ 45; 77; 137
Струве П.Б. ~ 34; 40; 42; 44; 46
Сувчинский П.П. ~ 117
Сурков А.А. ~ 128

Т

Талин В.И. (Португейс С.И.) ~ 119
Таубер Е.Л. ~ 81; 82
Терапиано Ю.К. ~ 5; 6; 59; 84
Толстой А.Н. ~ 74; 75; 86; 87; 99; 115; 131; 132; 136
Толстой Л.Н. ~ 15; 17; 30; 31; 50; 51; 54; 55; 58; 61; 63; 66; 67; 78; 110; 112; 115; 133
Томашевский Б.В. ~ 23
Троцкий Л.Д. ~ 107; 126
Тургенев И.С. ~ 15; 36; 37; 39; 51; 54; 55
Тхоржевский И.И. ~ 51
Тынянов Ю.Н. ~ 18; 75; 115
Тыркова-Вильямс А.В. ~ 39; 40
Тэффи Н. ~ 94
Тютчев Ф.И. ~ 50; 60

У

Уэллс Г. ~ 106; 107; 108; 109

Ф

Федин К.А. ~ 86
Федотов Г.П. ~ 6; 41; 105; 106; 109; 114; 120
Фёдоров В.Г. ~ 30
Фёдоров Н.Ф. ~ 60
Федякин С.Р. ~ 6; 8; 20; 22; 23; 25
Фельзен Ю. ~ 53; 54; 73; 78; 79
Филин М.Д. ~ 36-39; 47
Философов Д.В. ~ 30; 104; 107; 137
Филькин Е.М. ~ 90-92
Флорский И., монах ~ 62
Фостер Л.А. ~ 137
Фофанов К.М. ~ 7; 90-92; 96-98
Франк С.Л. ~ 5; 39-43; 46
Франс А. ~ 74

Х

Харджиев Н.И. ~ 99
Ходасевич В.Ф. ~ 5; 9; 16; 19; 25-28; 30-32; 39; 40; 45; 46; 54; 56; 72; 77; 80-83; 85; 104;
105; 119; 122; 137
Христос ~ 66; 68-70
Хьегсо Г. ~ 133

Ц

Цветаева М.И. ~ 5; 13; 19; 21; 28; 32; 73; 138
Цетлин М.О. ~ 6; 7; 40; 45; 54; 56; 58; 61; 72–89
Цетлина М.С. ~ 72; 73
Цетлин-Доминик А. ~ 72
Цуриков Н.А. ~ 30

Ч

Чавчавадзе А. ~ 99
Чеботаревская А.Н. ~ 94
Чегринцева Э.К. ~ 80
Чельшев Е.П. ~ 40
Чернышевский Н.Г. ~ 36; 61
Червинская Л.Д. ~ 81
Чехов А.П. ~ 6; 13; 34; 36; 54–58; 74; 110; 133
Чириков Е.Н. ~ 105
Чуйкова О.А. ~ 39
Чулков Г.И. ~ 75
Чумаков А.Н. ~ 99

Ш

Шамардина С. ~ 99
Шаховская З.А. ~ 80
Шекспир У. ~ 133
Шелли П.Б. ~ 18
Шестов Л. ~ 5
Шкловский В.Б. ~ 20; 74
Шлёцер Б.Ф. ~ 73
Шмелёв И.С. ~ 13; 32; 40; 58; 73
Штейгер А.С. ~ 80
Штейнер Р. ~ 61
Шумаков Ю. ~ 80
Щ

Щепкина-Куперник Т.Л. ~ 94

Э

Эджертон В. ~ 23
Эйхенбаум Б.М. ~ 21; 23
Эрберг К. ~ 94
Эренбург И.Г. ~ 20; 74; 124; 135

Ю

Юдин П.Ф. ~ 136

Юрченко Т.Г. ~ 23

Юшкевич С.С. ~ 112

Я

Яблоновский А.А. ~ 106; 109

Яновский В.С. ~ 117

Составитель: *Т.Г.Петрова*